

ЭКОНОМИКА:
теория и практика

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Журнал выходит 4 раза
в год

№ 2 (54) 2019
ISSN 2224-042X

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ23-01556.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (01.12.2015 г.) по группе научных специальностей 08.00.00 – экономические науки.

Зарегистрирован в системе Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ). Подписной индекс в каталоге «Почта России» – П2920. Статьи рецензируются.

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакционный совет:

А.Ю. Архипов, д-р экон. наук, профессор, директор Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

В.В. Гаврилов, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» (г. Воронеж, Россия);

Н.Г. Кузнецов, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе, зав. кафедрой экономической теории ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Е.Л. Логинов, д-р экон. наук, зам. директора по науке ФГБУН «Институт проблем рынка РАН» (г. Москва, Россия);

И.А. Перонко, д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист Кубани; заслуженный экономист РФ; советник губернатора Краснодарского края (г. Краснодар, Россия);

Л.С. Шаховская, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики и экономической теории ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет» (г. Волгоград, Россия);

Э. Бояр, д-р экон. наук, профессор Люблинского технологического университета (г. Люблин, Польша);

Хартмут Задек, д-р техн. наук, профессор, директор института логистики Университета «Отто фон Гюрике» (г. Магдебург, Германия);

А.А. Задоя, д-р экон. наук, профессор, проректор Университета им. А. Нобеля (г. Днепрпетровск, Украина);

Александр Фигус, д-р полит. наук, профессор университета Link Campus (г. Рим, Италия);

Рахель Перейра, д-р экон. наук, профессор, директор программы бакалавриата по международной торговле факультета бухгалтерского учета и администрирования Политехнического университета (г. Порто, Португалия)

Главный редактор:
И. В. Шевченко, д-р экон. наук, профессор

Зам. главного редактора:
Ю. Н. Александрин, канд. экон. наук, доцент

М. В. Плешакова, канд. экон. наук, доцент

А.Б. Тололина

Ответственный секретарь:
А. К. Кочиева, канд. экон. наук, доцент

Редакционная коллегия:
Е. Н. Александрова, канд. экон. наук, доцент

Д.Г. Бондарев, канд. экон. наук

А. А. Воронов, д-р экон. наук

Л. А. Воронина, д-р экон. наук, профессор

Г. Г. Вукович, д-р экон. наук, профессор

Ж.Д. Дармилова, д-р экон. наук, профессор

Л. Н. Дробышевская, д-р экон. наук, профессор

Л. И. Егорова, д-р экон. наук, профессор

А. А. Кизим, д-р экон. наук, профессор

М. Е. Листопад, д-р экон. наук, доцент

К. О. Литвинский, канд. экон. наук, доцент

В.И. Милета, канд. экон. наук, доцент

О. В. Никулина, д-р экон. наук, доцент

Верстка: И.А. Зиновская

Верстка: А.П. Савченко

Адрес редакции и издателя журнала:
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 236

тел. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru

http://econ.kubsu.ru/econtp.html

Подписано в печать 17.06.2019. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/8. Уч.-изд. л. 16,62. Тираж 500.

Свободная цена. Заказ № 3791.

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре

Кубанского государственного университета

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, тел. (861)219-95-51

© Кубанский государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Шевченко И.В., Коробейникова М.С.

Дифференцированный налог на добычу полезных ископаемых.....3

Осовин М.Н.

Практика применения интернета вещей в сельском хозяйстве: российский и зарубежный опыт..... 13

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Матризаев Б.Д.

Смешанная инновационная политика: управление вызовами в новой стратегической оси20

Кочиева А.К.

Особенности и проблемы стратегического планирования развития экономики России28

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Александрин Ю.Н., Тырина А.В.

Финансовые инструменты стимулирования импортозамещения в РФ34

Лобанов С.Ю.

Организация обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний42

Яшкова Н.В.

Теоретические аспекты продовольственной безопасности региона50

РЫНОК ТРУДА

Андросова Г.А.

Современные источники формирования бедных групп населения.....56

БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Мирошник А.Н., Хусточкин И.А.

Медiateхнологии в функционировании современной банковской системы РФ: цифровизация банковских услуг61

Копытьев К.Е., Гаврилов А.А.

Моделирование векторов развития системы ипотечного жилищного кредитования в России66

Солонина С.В., Чемеренко Н.А., Гора Е.Ю.

Влияние кредитования на экономическую безопасность региона71

ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Баладыга Э.Г., Ермакова Ю.С.

Совершенствование механизма антикризисного финансового управления организацией 78

КОРПОРАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Шепакин М.Б., Губин В.А.

Модель антикризисного управления предприятием в условиях латентной нестабильности83

Кизим А.А., Романенко А.М.

Менеджмент производственного предприятия в рамках разработки стратегии позиционирования производимой продукции96

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

Никитин М.В., Каминев А.А.

Экономические и политические шоки: классификация и механизм воздействия на макроэкономическую конъюнктуру 103

Каминская А.О.

Институциональный подход к формированию механизма финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования 109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сидоров В.А., Ядгаров Я.С.

Инновационная парадигма феномена рыночного хозяйства.....119

АВСТРАКТ122

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....139

The Journal is registered by the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications of the Southern federal district. Registration certificate PI №TU23-01556.

The scientific and practical journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (01.12.2015) on the group of scientific specialties 08.00.00 - economics. Subscription Index – П2920.

The articles are reviewed

Founder and Publisher:

The state institution of higher education "Kuban State University"

Editorial Board:

A.Y. Arkhipov, Doctor of Economic Sciences, Director of Graduate Business School, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

V.V. Gavrilov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Finance and Credit Department of Voronezh State University (Voronezh, Russia);

N.G. Kuznetsov, Doctor of Economic Sciences, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of Economic Theory Department of Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russia);

E.L. Loginov, Doctor of Economic Sciences, deputy, Director of Science FGBUN «Institute of Market Problems, RAS» (Moscow, Russia);

I.A. Peronko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Kuban, Honored Economist of the Russian Federation, Adviser of Governor of Krasnodar Region (Krasnodar, Russia);

L.S. Shakhovskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of World Economy and Economic Theory Department of Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia);

E. Bojar, Doctor of Economic Sciences, Professor Lublin University of Technology (Lublin, Poland);

Alessandro Figus, PhD of Political Sciences, Professor, Link Campus University of Roma (Italy);

Hartmut Zadek, Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of Institute Logistics, University "Otto von Guericke" (Magdeburg, Germany);

Zadaya Anatolii, Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector of Alfred Nobel University (Dnepropetrovsk, Ukraine);

Raquel Pereira, PhD in Economics, Professor, Program Director of International Trade Bachelor Degree Program, School of Accounting and Administration in the Polytechnic Institute (Porto, Portugal)

Editor:

I. V. Shevchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor

Deputy Editor in Chief:

Y. N. Aleksandrin, Ph. D. in Economics, Associate Professor

M. V. Pleshakova, Ph. D. in Economics, Associate Professor

A.B. Tololina

Executive Secretary:

A. K. Kochieva, Ph. D. in Economics, Associate Professor

Editorial Board:

E. N. Aleksandrova, Ph. D. in Economics, Associate Professor

D.G. Bondarev, Ph. D. in Economics

J.D. Darmilova, Doctor of Economic Sciences, Professor

L. N. Drobyshevskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor

L. I. Egorova, Doctor of Economic Sciences, Professor

A. A. Kizim, Doctor of Economic Sciences, Professor

M. E. Listopad, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

K. O. Litvinsky, Ph. D. in Economics, Associate Professor

V. I. Mileta, Ph. D. in Economics, Associate Professor

O. V. Nikulina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. A. Voronina, Doctor of Economic Sciences, Professor

A. A. Voronov, Doctor of Economic Sciences

G. G. Vukovich, Doctor of Economic Sciences, Professor

Corrector: *I.A. Zinovskaya*

Print layout: *A. P. Savchenko*

Address editorial and magazine publisher:

350040, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, r. 236.

tel. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru

http://econ.kubsu.ru/econtp.html

Copy deadline 17.06.2019. Digital printing.

Format 60 x 84 1/8. A.p.l. 16.62. Run of 500. Free price.

Publishing and printing center Kuban State University

350040, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar.

tel. (861) 219-95-51

© Kuban State University, 2019

BRANCH ECONOMY

Shevchenko I.V., Korobeynikova M.S.

The differentiated mineral extraction tax3

Osovin M.N.

Practice of using the Internet of Things in agriculture: Russian and international experience 13

INNOVATIVE ECONOMY

Matrizaev B.D.

Mixed innovation policy: managing challenges in a new strategic axis20

Kochieva A.K.

Features and problems of strategic planning in the development of Russian economy28

ECONOMIC SECURITY

Aleksandrin Yu.N., Tyrina A.V.

Financial instruments for stimulation of import substitution in the Russian Federation.....34

Lobanov S.Yu.

Organization of ensuring of financial safety for the market of insurance companies42

Yashkova N.V.

Theoretical aspects of food security in the region50

LABOR MARKET

Androsova G.A.

Modern sources of formation of the poor population groups...56

BANKING

Miroshnik A.N., Khustochkin I.A.

Mediatechnologies in the functioning of the Russian banking system: digitalization of banking services61

Kopyev K.E., Gavrilov A.A.

Modeling of vectors of development of the system of mortgage housing loan in Russia.....66

Solonina S.V., Chemerenko N.A., Gora E.Yu.

The impact of lending on economic security in the region71

FINANCIAL MANAGEMENT

Baladyga E.G., Ermakova Yu.S.

Improving anti-crisis mechanism of financial management in organization..... 78

CORPORATE MANAGEMENT

Shchepakin M.B., Gubin V.A.

Model of anti-crisis management of the enterprise in the conditions of latent instability83

Kizim A.A., Romanenko A.M.

Management of a manufacturing enterprise in the framework of developing a strategy for positioning products96

WORD TO YOUNG SCIENTISTS

Nikitin M.B., Kaminov A.A.

Economic and political shocks: classification and effect on macroeconomic conditions..... 103

Kaminskaya A.O.

Institutional mechanism of financing of innovative activities of the state..... 109

SCIENTIFIC LIFE

Sidorov V.A., Yadgarov Ya.S.

Innovative paradigm of the phenomenon of the market economy119

ABSTRACT122

CONDITIONS OF PUBLICATION 139

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ НАЛОГ НА ДОБЫЧУ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

*И.В. ШЕВЧЕНКО, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Кубанский государственный университет
e-mail: decan@econ.kubsu.ru*

*М.С. КОРОБЕЙНИКОВА, аспирантка кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: maria22@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена налоговой реформе в нефтегазовой отрасли. Проанализированы налоговые поступления в федеральный бюджет РФ, налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Авторами подобраны приемлемые меры и мероприятия, направленные на развитие отрасли, с использованием преимуществ дифференцированного налогообложения, с целью получения высокой рентабельности производства нефтегазодобывающим комплексом, с одной стороны, и увеличения бюджетного сектора экономики – с другой. Предложены дифференцированные направления (методы) и критерии расчета НДПИ. Показана его незаменимость как природной ренты.

Ключевые слова: экспорт, дифференцированное налогообложение, налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), внешнеэкономическая деятельность.

Лидер налоговых поступлений в бюджет РФ

Налоговые поступления от деятельности предприятий, в том числе нефтегазового комплекса страны, – значительная область доходной части государственного бюджета. На протяжении многих лет нефтегазовый комплекс является стабильным лидером налоговых поступлений в бюджет Российской Федерации. По данным Федеральной таможенной службы (ФТС): доходы России от экспорта нефти в 2018 г. выросли на 38,2% по сравнению с предыдущим годом и составили 129,05 млрд дол.; доходы РФ от экспорта природного газа

в 2018 г. выросли на 28,8% — до 49,1 млрд дол. [4]. Задача нашего исследования – не только показать возможности нефтегазовой промышленности как основного участника социально-экономического развития страны, но и исследовать аргументы предлагаемых реформ в налогообложении нефтяной и газовой отраслей, представить меры и мероприятия, на авторский взгляд, направленные на совершенствование деятельности нефтегазовых компаний, в том числе за счет справедливого дифференцированного налогообложения нефтегазодобывающих компаний. С помощью статистического, логического анализа и экспертных оценок авторами сделано заключение о том, что лучше и надежней для государства, государственного бюджета, для нефтяной и газовой отраслей, для крупного и малого бизнеса в области добычи углеводородов нет ничего, кроме дифференцированного налога на добычу полезных ископаемых как основного незаменимого рентного налога за пользование недрами согласно лицензиям, выданным государством.

Найденное именно в методах расчета дифференцированного НДПИ решение, послужит важным критерием правильной оценки деятельности нефтегазодобывающих компаний и их справедливого налогообложения, подходящего для всех уровней бизнеса.

Мнение экспертов о дифференцированном НДПИ

О том что нужна дифференциация НДПИ высказываются многие ученые, особенно те, которые работают в области исследования нефтегазовой отрасли. «Используется одна ставка налога, в том числе на добычу нефти и газа, несмотря на значительные различия ус-

ловий и стадий разработки месторождений» [1]. В настоящее время в нефтегазовой отрасли действует недифференцированная система налогообложения. Например, производители газа платят НДС в размере 147 р./тыс. м³ независимо от климатических, геологических условий объема, запасов и качества газа.

Рассмотрим один из производственных подходов расчета налога на добычу полезных ископаемых, суть которого состоит в выборе основных или некоторых производственных факторов и установлении поправочных коэффициентов в формуле расчета дифференцированного НДС (табл. 1).

Таково одно из многих мнений экспертов. Действительно, производство основной базовой налоговой ставки на перечень разных поправочных коэффициентов дает определенную дифференцированность, но, по нашему мнению, недостаточную. Причина – отсутствие дифференцированной шкалы расчетов дифференцированного НДС.

Проанализировав предложения А.Н. Голоскокова, мы разделили обозначенные им производственные факторы на три составляющие:

1) запасы и все что с ними связано (крупность, выработанность, дебиты скважин, тыс. м³/сут.);

2) географическое расположение месторождения (наличие производственной инфраструктуры, расстояние до инфраструктуры, км; глубина моря, d, м, глубина залегания продуктивных пластов, h, тыс. м; и другие факторы в соответствии с технико-экономическим обоснованием (ТЭО) по проекту разработки месторождения);

3) качество извлекаемых полезных ископаемых (плотность извлекаемых запасов W, тыс. т/км²; вязкость нефти в пластовых условиях; наличие серы в добываемом газе, %; состав добываемой продукции: наличие гелия, газового конденсата, этановой фракции, пропан бутанов);

Третье – качество извлекаемого сырья заложено в сертификат и влияет на стоимость добытого продукта, явно, что стоимость по качеству разная.

Что касается первых двух составляющих, то это как раз и есть те факторы, с помощью которых можно дифференцировать налог

на добычу полезных ископаемых, применив авторские предложения: 1) распределение месторождений добычи углеводородов на уровни и категории по ТЭО; 2) составление прогрессивно-регрессивной шкалы расчета по выработанности конкретных месторождений.

Далее рассмотрим существующий в практике расчет НДС и предложенный авторский расчет.

Существующая налоговая база и ставка

Порядок и сроки уплаты налога, сдача отчетности: при расчёте НДС используются адвалорные (привычные процентные ставки и специфические (как правило, в рублях за тонну добытого ископаемого)). Налоговая база – это либо количество добытого полезного ископаемого, либо его стоимость. По каждому из видов полезных ископаемых установлена своя налоговая база. Налоговые льготы: льгот по НДС нет, но есть виды полезных ископаемых, добыча которых облагается по ставке 0%. Налоговый период – это период, за который необходимо уплачивать налог. По НДС это месяц.

В настоящий момент НК РФ имеет четкие указания в ст. 342 документа на ставки НДС, которые приняты на 2019 г. (493 р.) и другие увеличенные ставки. Минфином опубликован законопроект по нефтяному маневру на обсуждение. В настоящее время проект прошел несколько чтений и утвержден Президентом РФ. Предлагается перераспределить налоговую нагрузку с экспортеров на добытчиков нефти. Правительством планируется снизить экспортные пошлины и увеличить НДС, начиная с 2019 г. Налог будет изменен.

Цель ввода законопроекта – увеличение конкурентоспособности на мировом рынке, поскольку экспортная пошлина включается в стоимость продукта (СМИ указывают, что «нагрузка компаний в виде повышения НДС на нефть может привести к сворачиванию ряда проектов, требующих капиталовложений»). По авторскому же представлению, увеличение ставки НДС (например, в два-три раза) – это как раз и есть тот необходимый диапазон свободной возможности дифференцированных расчетов налоговой ставки на добычу полезных ископаемых.

Производственный подход расчета налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) по мнению А.Н. Голоскокова [2]

Предполагаемая методика расчета, по мнению А.Н. Голоскокова	Производственный подход расчета налога, по мнению А.Н. Голоскокова
<p>Стоимость продукции добывающих отраслей определяется тремя элементами: затратами, прибылью и рентой</p> <p>По мнению А.Н. Голоскокова, «для нефтяной и газовой отраслей наиболее подходит следующее определение ренты: разница между стоимостью продукции и затратами на ее добычу (разведка, освоение, эксплуатация). Справедливое отделение ренты от затрат и нормальной прибыли для отрасли является фундаментальным вопросом добывающих отраслей»</p> <p>Спрос необходимости дифференциации налоговых ставок в нефтедобыче в зависимости от производственных факторов рассматривался еще в 1990 г.</p> <p>Существует несколько методик дифференциации. В 2006 г. в МЭРТ РФ был подготовлен проект о дифференциации ставок НДПИ (в зависимости от производственных факторов)</p> <p>В итоге были выбраны (из 50 факторов) следующие факторы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) начальная плотность извлекаемых запасов W (тыс. т/км²); 2) выработанность запасов, V (%); 3) крупность запасов, Q (млн т.); 4) глубина залегания пластов, h (тыс. м); 5) вязкость нефти в пластовых условиях 	<p>Существует три разных подхода к формированию рентного налогообложения: платежи, подлежащие выплате во время аукционов, тендеров, производственный и экономический подход</p> <p>Производственный подход (ставка, шкала, формула в зависимости от определенных факторов)</p> <p>На основании анализа влияния факторов на объем затрат в добыче нефти были установлены пороговые значения факторов, после достижения которых происходит резкий рост затрат</p> <p>Соответственно этим пороговым значениям были установлены поправочные коэффициенты в интервале от 0 до 1, и далее по формуле рассчитывается дифференцированная ставка налога:</p> <p>Ставка налога = Базовая ставка $\times K_1 \times K_2 \times \dots \times K_n$.</p> <p>В перспективе подобную методику можно применить и для газовой отрасли. Для газовой отрасли можно выделить следующие факторы дифференциации:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) глубина залегания продуктивных пластов, h (тыс. м); 2) дебиты скважин, тыс. м³/сут; 3) выработанность запасов, V, %; 4) крупность запасов, Q, млрд м³; 5) наличие серы в добываемом газе, %; 6) состав добываемой продукции: наличие гелия, газового конденсата, этановой фракции, пропан бутанов; 7) географическое расположение месторождения; 8) наличие производственной инфраструктуры, расстояние до инфраструктуры, км; 9) глубина моря, d (м)

Расчеты существующие

Ставка: применяемая при расчете НДПИ на добычу нефти ставка рассчитывается исходя из базовой ставки и плавающих коэффициентов, определяющие индивидуальные условия места добычи и динамику цен на нефть в зависимости от мировых показателей.

Базовая ставка определяется НК РФ на основании постановлений, принятых правительством РФ. Для корректировки ставки применяется коэффициент (табл. 2).

Расчет (формула): при подсчете НДПИ используются объем выработки (O_v), ставка, принятая в расчетном году и коэффициенты, которые определяются в каждом конкретном месяце.

$НДПИ = O_v (Объем\ выработки) \times СТАВКА\ налоговая (в\ расчетном\ году,\ утвержденная\ правительством\ в\ рублях) \times K_ц \times K_{дв} \times K_д \times K_з$.

Например, компания «Корунд» в феврале 2019 г. получила добычу в размере 520 т

Таблица 2

Обозначение коэффициентов, нормативы [3]

Обозначение	Описание
Кц	Показатель, который учитывает изменение цен на нефть в мире
Кдв	Коэффициент, показывающий степень выработки конкретного месторождения углеродного сырья. При его использовании показатель не округляется. Степень выработанности участка определяется по данным государственного баланса, который утвержден для участка до наступления применения лицензии
Кз	Показатель степени запасов разработки
Кд	Уровень сложности добычи нефти. Уровень сложности указывается в проектной документации. Показатель может быть от 0 до 1. Среднемесячный расчет для применения
	Кц – уровня мировых цен публикуется ежемесячно, в 15-х числах следующего месяца, в «Российской газете»
<p>Применение нормативов в отношении разработки недр указано в Постановлении Правительства от 29.12.2001 г. за № 921. Законодательством установлен коэффициент Кдв, применяемый к ставке при подсчете НДС, указывающий и зависящий от степени выработки месторождения. Коэффициент может принимать понижающее значение при выработке более 80 %, что является льготой для старых месторождений</p>	

нефти, из которых нормативные потери составили 20 т. Предположим, что коэффициент мировых цен Кц в феврале составил 1,2000 (показатель берется в значении 4 знаков после запятой). Остальные коэффициенты, применяемые для расчета, составили 1.

Следовательно, НДС = $(520 - 20) \times 493 \times 1,2000 \times 1 \times 1 \times 1 = 295\,800$ (р.)

Данная сумма налога указывается в декларации и подлежит уплате в бюджет. В состав декларации включаются все цифры, которые сформировали НДС [3].

Расчеты авторские

Наше предложение по дифференциации НДС состоит в том, что изменен метод расчета и уплаты НДС. В настоящее время формула расчета состоит в том, что базовая ставка, утвержденная Правительством РФ и Налоговым кодексом РФ, множится на различные коэффициенты: выработки, запасов, уровня сложности месторождения, уровня мировых цен сырья, а также количества добытого сырья.

Мы же предлагаем с помощью прогрессивно-регрессивной шкалы дифференцировать саму базовую налоговую ставку. Это разность базовой ставки в денежном выражении таких показателей, как: 1) сложность добычи с

месторождений; 2) показатель выработки месторождений по определенной шкале, с учетом активного, пика и пассивного периода выработки сырья. А далее находится произведение объема выработанного сырья и, если есть необходимость (т.е. экспорт добытого сырья), полученную разность ставки умножают на объем добытого сырья и на коэффициент мировых цен (также утвержденный Правительством РФ).

Таким образом, первая часть формулы расчета будет следующей: дифференцированный НДС равен: Базовая ставка в рублях минус Коэффициент сложности добычи на конкретном участке (посчитанный в рублях) на основе ТЭО (при разработке проекта) или квалификации всех месторождений на определенные категории и уровни (предложение авторов) (табл. 3).

Предлагаем для широкой дифференциации обозначить 9 уровней, где определена сложность добычи по ландшафту и климату (например, Арктика, море, горы, климат благоприятный, неблагоприятный, где больше затраты на добычу и т.д.). Базовая ставка – ставка по ТЭО = один из 9 уровней сложности добычи сырья (от 100% до 65%).

Вторая часть формулы следующая: далее полученная разность: (ставка налога минус

Дифференцированный налог на добычу полезных ископаемых

ставка налога по ТЭО) или вместо ставки налога берем указанный процент от базовой ставки, соответствующее (число в рублях) одному из 9 уровней) минус ставка по выработке (также по шкале, предложенной авторами, или разработанная и утвержденная Правительством РФ (один раз, единожды), и потом только (третья часть формулы) полученную разность умножить на объем добытого продукта и коэффициент мировых цен.

1. Базовая ставка – ставка по ТЭО

2. Базовая ставка – ставка по ТЭО – ставка по выработке

3. Базовая ставка – ставку по ТЭО – ставку по выработке \times объем \times Кц

Примечание о ставке по выработке. Следует отметить, что ставка по выработке должна быть рассчитана по шкале выработки месторождения и его запасов, как и есть в реальности, и ее следует рассчитать с учетом активного, пика и пассивного периода. Например, начинается разработка нового месторождения. На начальном этапе в период до 10% выработки сырья НДС составляет 0. Далее добыча набирает скорость, идет увеличение объема извлечения сырья в 10, 20, 30, 40% – это активный период добычи и выработанности месторождения (см. рисунок).

В нашем предложении этот период целесообразно назвать активным, следовательно, и шкала уплаты дифференцированного налога

от 0 должна увеличиваться по определенной шкале. Ранее (в статье [5]) нами указано, что эта шкала была равна буквам [5], в настоящей статье мы укажем цену этих букв (т. е. две шкалы (вариант 1,2)

Далее, за активным периодом (в соответствии с запасами месторождения, по балансу) наблюдается 50% выработки: увеличенная, активная добыча сырья – это пик добычи. В этот период налоговая ставка (по авторскому предложению) должна быть самой высокой, т.е. составлять уровень постоянной ставки по ТЭО. Следовательно, после выработки месторождения на 60% начинается пассивный период. Добыча сырья на данном месторождении снижается, целесообразно снижать и налоги, так как повышаются затраты, уменьшается производительность труда и т.д. После выработки месторождения на 90% НДС равен 0 (как и до 10%).

1 вариант

Примерная шкала расчета по выработке месторождения

– до 10% выработки месторождения вычет из ставки составит: 0%;

– при 10% выработки месторождения вычет из ставки составит: Кф а =40%;

– при 20% выработки вычет из базовой ставки составит: Кф б = 30%;

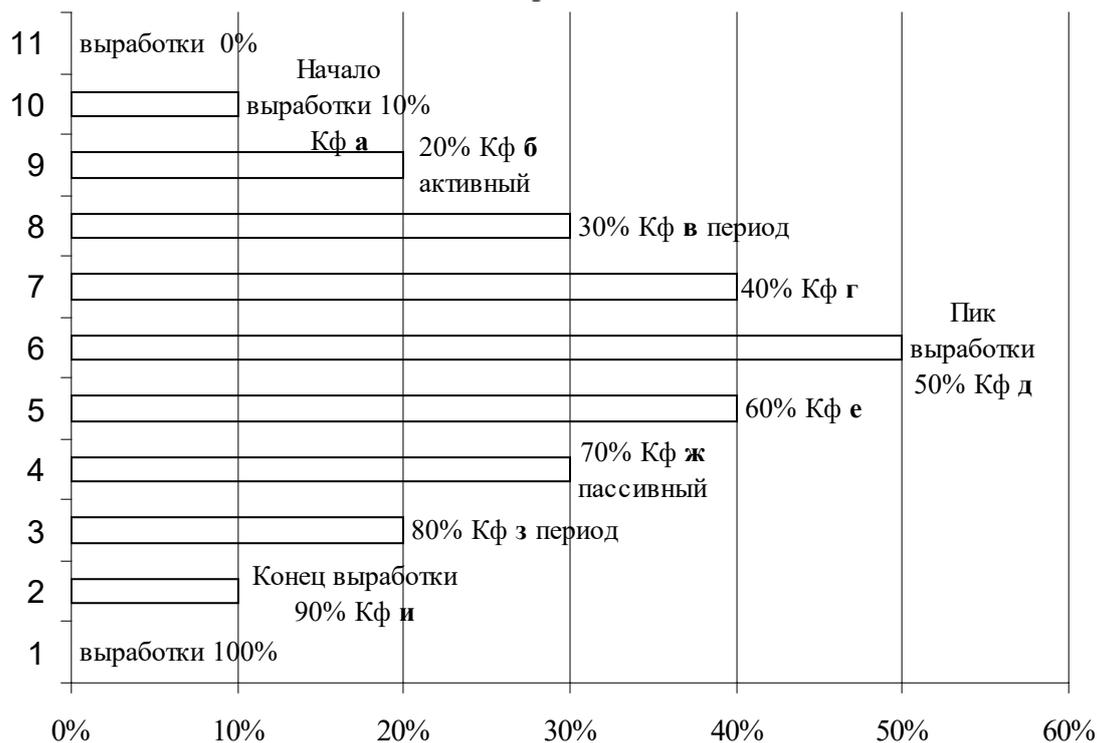
– при 30% выработки месторождения вычет составит: Кф в=20%;

Таблица 3

Месторождения по доступности извлечения углеводородов, оплата от базовой ставки НДС, %

1 категория	Легкие – 100%	Умеренные – 98%	Средние- 95%	Хороший климат, ровный ландшафт и др. благоприятные условия
2 категория	Умеренно трудные (климат) 90%	Средне трудные (горы) 85%	Трудные Смешанные 80%	Трудные климатические и геологические условия
3 категория	специфически-трудные (море) 75%	Сложные (льды) 70%	Специфически сложные 65%	Специфические, неустойчивые условия

Примечание: Категории присваиваются на основании научного и технико-экономического обоснования (НиТЭО) На каждые выработанные 10% добытого сырья каждого месторождения применяется коэффициент – а, б, в, (согласно разработанной шкалы) и т. д., который, с учетом ТЭО месторождений вычитается из базовой ставки НДС. (Причем базовая ставка должна быть приемлемой для подобного расчета). Первые – 10% и последние после 90% могут быть нулевыми НДС

Прогрессивно-регрессивная шкала расчета дифференцированного НДС по показателю «Выработка месторождения». Коэффициент показан не числом, а графически – на понижение и повышение коэффициента выработки (а, б, в, г, д, е, ж, з, и), где данные буквы обозначают число шкалы, которое должно быть вычтено и налоговой ставки после вычета Кф по ТЭО (или Кд) (разработан автором)

- при 40% выработки месторождения вычет составит: Кф г=10%;
- при 50% выработки месторождения вычет составит: Кф д=0%, т.е. вычета не будет и налог будет равен ставке по ТЭО (от 100 до 65% базовой ставки);
- при 60% выработки месторождения вычет составит: Кф е=10%;
- при 70% выработки месторождения вычет составит: Кф ж=20%;
- при 80% выработки месторождения вычет составит: Кф з=30%;
- при 90% выработки месторождения вычет составит: Кф и=40%;
- после 90% до 100% выработки месторождения вычета не будет, НДС составит 0.

2 вариант

Примерная шкала по выработке месторождения

до 10% выработки месторождения вычет из ставки составит: 0%;

– при 10% выработки месторождения вычет из ставки составит: Кф а = 30%;

- при 20% выработки месторождения вычет из базовой ставки составит: Кф б = 20%;
- при 30% выработки месторождения вычет составит: Кф в=10%;
- при 40% выработки месторождения вычет составит: Кф г=0%;
- при 50% выработки месторождения вычет составит: Кф д=0%, т.е. вычета не будет и налог будет равен ставке по ТЭО (от 100 до 65% базовой ставки);
- при 60% выработки месторождения вычет составит: Кф е=0%;
- при 70% выработки месторождения вычет составит: Кф ж=10%;
- при 80% выработки месторождения вычет составит: Кф з=20%;
- при 90% выработки месторождения вычет составит: Кф и=30%;
- после 90% до 100% выработки месторождения вычета не будет, НДС составит 0.

Это авторская разработка. Возможны другие варианты прогрессивно-регрессивной шкалы.

Таким образом, дифференцированная ставка по уровням по ТЭО для определенного месторождения остается постоянной, но разной по отношению к базовой ставке и к другим месторождениям. Ставка по выработанности месторождения считается по шкале увеличения к пику и снижения после пика. Следует отметить, что основную базовую ставку целесообразно увеличить настолько (в 2–3 раза), чтобы весь размах дифференциации НДСИ помещался для всех категорий сложности по ТЭО и по активной-пик-пассивной шкале выработанности месторождений. Полученная разность этих двух показателей от базовой ставки, умноженной на полученный объем (и если надо на Кц (мировых цен)) будет составлять реальный дифференцированный НДСИ. Отметим, справедливый для всех добытчиков сырья. А также отметим, что произведение базовой ставки на определенные коэффициенты в пределах единицы не настолько дифференцирована, насколько мы предлагаем ее дифференцировать при расчетах двух показателей. Впрочем, целесообразно посчитать, выходим ли мы при такой тщательной дифференциации на тот уровень налоговых сборов, сколько получено без дифференциации НДСИ. Следует отметить, что данный процесс можно отрегулировать в нужном и выгодном для государства и бизнеса направлении. Например, увеличив базовую ставку, выстроить более подробную шкалу не на каждые 10% выработки, а на каждые 5 или 1%. Или, например, сократить активный и пассивный период, но увеличить период «пик» и считать его от 40% до 60% выработки, от 10% до 40% – активный период, от 60% до 90% выработки месторождения – пассивный период. Следовательно, до 10% и после 90% выработки НДСИ составит 0%. Почему до 10 и после 90% выработки мы предлагаем 0%, а не после 80%? Потому что подробная дифференциация НДСИ настолько выгодна, что добытчики готовы будут не только выработать месторождение до конца и привести его в надлежащее после выработки состояние, но и платить налоги от 0 до 100% выработки сырья с данного месторождения. Что касается такого показателя как серность нефти, то он в основном важен для переработчиков нефти, для уплаты акциза, который также можно дифференцировать, с учетом добываемого сырья по сертификату (чем выше «тяжелые»

показатели, тем меньше акциз). В нашем расчете данный показатель укладывается в ТЭО месторождения или разрабатываемый проект. В статье «О налоговой реформе в нефтегазовой отрасли» [5] мы предлагали сделать инвентаризацию по ТЭО всех месторождений или их бассейнов еще и с научной точки зрения, т.е. дать им три категории (1, 2, 3): легкую, среднюю, сложную.

Из данного предложенного метода или нового варианта расчета дифференцированного НДСИ следует вывести следующее определение.

Дифференцированный НДСИ – это налог на добычу полезных ископаемых, назначенный в соответствии с Налоговым кодексом РФ и решением Правительства РФ и рассчитанный для каждой добывающей компании (предприятия, фирмы) индивидуально с использованием таких показателей, как: 1) географическое расположение месторождений и сложность добычи, в соответствии с категориями (1–3) и уровнями месторождений (льды, море, горы, ровный ландшафт, климат умеренный, суровый, и др.), т.е. в соответствии с ТЭО месторождения (наиболее постоянный фактор); 2) выработанность месторождения исходя из запасов месторождения по прогрессивно-регрессивной шкале, с учетом активного-пик-пассивного периода добычи сырья. Поочередная разность двух названных показателей (1, 2) в рублях из обоснованно-увеличенной ставки НДСИ составит для индивидуальных добытчиков индивидуальную часть налога. Окончательный расчет налоговой ставки составит произведение готовой дифференцированной налоговой ставки на объем добытой продукции и (при экспорте) на коэффициент мировых цен (авторская разработка).

Формула расчета будет следующей:

$$\text{Дифференцированный НДСИ} = \text{Ов} \times ((\text{СТАВКА} - \text{Кд}) - \text{Кдв}) \times \text{Кц}$$

или

$$\text{НДСИ} = \text{Ов} \times (\text{Ставка по Кд} - \text{Кдв}) \times \text{Кц},$$

где Ов – Объем выработки, т.е. сколько добыли тонн; СТАВКА – налоговая ставка в расчетном году, утвержденная правительством, р.;

Кдв – коэффициент, показывающий степень выработки конкретного месторождения;

Кд – уровень сложности добычи нефти. Уровень сложности указывается в проектной документации; показатель по ТЭО;

Кз – показатель степени запасов разработки для Кдв (данный показатель нужен для расчета прогрессивно-регрессивной шкалы и определения активного, пика и пассивного периода выработки месторождения);

Кц – показатель, который учитывает изменение цен на нефть в мире.

Кд и Кдв рассчитываются в рублях и вычитаются из общей базовой налоговой ставки.

В статье «О налоговой реформе в нефтегазовой отрасли» [5] мы рассчитали универсальный НДС для всех по формуле, где коэффициент (К) месторождения (Км) от общей ставки за минусом К выработки (Кв) умноженный на количество добываемого сырья (Кдс), т.е. дифференциация НДС равна произведению разницы двух коэффициентов месторождения и выработки (все от общей базовой ставки, что опущено) и количества добытого сырья: $ДНДС = (Км - Кв) \times Кдс$. Это та же формула, только в других обозначениях, с учетом, что коэффициент месторождения (Км) уже зафиксирован согласно вычету из базовой ставки НДС по категориям и по уровням, присвоенным на основании НиТЭО (научного и технико-экономического обоснования). Что касается других расчетов, связанных с другими данными, например Коэффициентом цены (Кц) при данных («Средний уровень цен нефти сорта «Юралс», дол. США / баррель» и «Среднее значение курса доллара США») и др., то они (еще раз отмечаем) влияют только на величину налога, но на дифференциацию самого налога НДС не влияют. Полный НДС будет равен сумме НДС (дифференцированного) и обычных расчетов (не влияющих на дифференциацию) или произведению других коэффициентов, не входящих в нашу формулу.

Приведем пример расчета дифференцированного НДС по формуле.

Подсчитаем НДС для месторождений по категориям сложности (по ТЭО) от базовой ставки в пределах от 100 до 65% (табл. 4).

Возьмем две категории 95% (средний 1-й категории уровень) и 70% (сложный в третьей категории).

Допустим Кз равно 2,500 т. Рассчитаем шкалу активного, пика, и пассивного периода выработки за год. Пик добычи составит выработку примерно в 1250 т. Добыча составит от 250 до 2 500 т. Применим прогрессивно-регрессивную шкалу по выработке месторождения от 10 до 50% и от 50 до 90% выработки. Лучше всего структуру расчета показать во всей таблице расчета, где будет видно по какой категории и при какой выработке и какой будет уплачен дифференцированный налог на добычу полезных ископаемых. Причем данные по выработке месторождения целесообразно указывать в балансовом отчете.

Таким образом, налог по ставке ТЭО 1-й категории в 95% составит 468,35 р. в период «Пик», в период выработки он будет меняться с учетом вычета по шкале. Например, при выработке 10% он будет равен всего 281 р.

Считаем ставку по ТЭО в 95%: $493 - 24,65 (5\%) = 468,35$.

При выработке в 10% находим разность ставки $468,35 - (A - 40\%)$ по шкале 187, 34 = 281 р.

При выработке 20% вычет составит Б – 30% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 140,505 = 327,845$ р.

При выработке 30% вычет составит В – 40% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 187,34 = 281$ р.

При выработке 40% вычет составит Г – 50% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 234,17 = 234,17$ р.

При выработке 50% вычет составит Д – 60% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 281 = 187,34$ р.

При выработке 60% вычет составит Е – 70% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 327,845 = 140,505$ р.

При выработке 70% вычет составит Ж – 80% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 374,69 = 93,66$ р.

При выработке 80% вычет составит З – 90% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 421,88 = 46,47$ р.

При выработке 90% вычет составит И – 95% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 450,93 = 17,42$ р.

При выработке 95% вычет составит К – 98% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 479,98 = 88,37$ р.

При выработке 100% вычет составит Л – 100% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 509,03 = -40,68$ р.

При выработке 105% вычет составит М – 105% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 538,08 = -69,73$ р.

При выработке 110% вычет составит Н – 110% от ставки по ТЭО, т.е. $468,35 - 567,13 = -98,78$ р.

Расчет НДС по первому варианту шкалы выработки месторождения, где «пик» только в 50% (разработана авторами)

Выработка по месяцам (равная) или др., т		Выработка, %	Шкала выработки, вычет	Шкала по ставке ТЭО, %, р.									Показатель
				1-я категория			2-я категория			3-я категория			
				100	98	95	90	85	80	75	70	65	
1	0	до 10	Нет вычета	0									Активный период
2	250	10	А – 40%	295,8		281					207,06		
3	500	20	Б – 30%	345,1		327,845					241,57		
4	750	30	В – 20%	393,5		374,68					276,08		
5	1000	40	Г – 10%	443,7		421,515					310,59		
6	1250	50	Д – 0%	493		468,35					345,1		Пик
7	1500	60	10%	443,7		421,515					310,59		
8	1750	70	20%	393,5		374,68					276,08		
9	2000	80	30%	345,1		327,845					241,57		
10	2250	90	А – 40%	295,8		281					207,06		
11	2500	100	Нет вычета	0		0					0		
12	0	0		0		0					0		Пассивный период
Всего 2500													

что пиковый период можно уменьшить или увеличить.

Выводы

Таким образом, мы видим, что назревшие проблемы нефтяной и газовой отраслей вполне преодолимы, так как имеют не только колоссальные в национальном и мировом масштабе возможности международного сотрудничества, но и широчайшие перспективы своего воспроизводства, совершенствования, новаторства и развития, в том числе регионов, как финансовый генератор и лидер налоговых поступлений в бюджет РФ, в целях социально-экономического развития страны и ее регионов.

В связи с дифференцированным налогообложением, целесообразно:

- не подменять НДС другими налогами, доходного направления, например, как НДС; такие налоги, как налог на прибыль, НДС, НДС, целесообразно оставить, как есть, в том числе ко всему можно добавить НДС, как

налог на дополнительный доход; размывание и сокращение НДС станет свидетельством ухода от уплаты природной ренты, причем показатель количества добытого сырья станет не главным показателем нефтедобычи, что повлечет за собой неучтенную растрату полезных ископаемых;

- целесообразно найти критерий величины сверхдоходов, или дополнительных доходов, свыше каких пределов определять доходы, полученные от разной коммерческой деятельности, в том числе от экспорта сырья, добываемого нефтегазовым комплексом страны.

- в целях дифференцированного НДС (Д-НДС) целесообразно разработать для каждого месторождения или бассейна месторождений отдельное научное и технико-экономическое обоснование (НиТЭО) специалистами, с участием НИИ нефти и газа, по заказу соответствующих министерств РФ, для дальнейшего учета в налогообложении, месторождения целесообразно разделить на несколько категорий по географическому расположению, климатическим условиям и

уровням трудноизвлекаемости углеводородов (учитывая НитЭО как первое условие дифференциации НДС);

– вторым условием дифференцированного НДС целесообразно считать критерий или процент выработанности нефтегазодобывающих месторождений, разделив процесс добычи на активный и пассивный периоды, с учетом 100-процентной выработки (начало, пик, конец выработки месторождения), что даст в активном периоде понижающий коэффициент (до пика выработки) – от нуля до повышающегося НДС (с учетом процентной ставки месторождения по НитЭО от базовой ставки НДС по НК РФ), и наоборот, в пассивном периоде даст повышающий коэффициент, также за минусом которого НДС (на спаде выработки) пройдет форматирование (по НитЭО) на пике от повышенного НДС до нуля.

Следовательно, подобное распределение дифференцированных условий и факторов для каждого месторождения и его процентной выработки по добыче углеводородов даст дифференцированный налог на добычу полезных ископаемых для каждой нефтегазодобывающей компании, государственной или частной. Предлагаемая нами налоговая реформа в нефтегазовой отрасли России, касающаяся дифференцированного налога, не требует принятия дополнительных законов и

изменения НК РФ. Целесообразно на уровне отраслевого Министерства РФ добавить данные показатели для дифференцированного расчета НДС каждой конкретной нефтедобывающей компании, фирмы. Шкалу можно построить любую, строгую или щадящую, но комплексную и работающую. Результат будет виден всем.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. О налоговой реформе // Экономическая политика. 2017. Т.12. №1. С. 114–133.
2. Голоскоков А.Н. Рентное налогообложение газовой отрасли как необходимое условие для перехода к рыночному ценообразованию // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2010. №9. С. 16–20.
3. Расчеты и ставки НДС. URL: <http://buhonline24.ru/>
4. Таможенная статистика внешней торговли. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095
5. Шевченко И.В., Коробейникова М.С. Налоговая реформа в нефтегазовой отрасли России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018, Т. 14, № 10. С. 1845–1871.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

*М.Н. ОСОВИН, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Институт аграрных проблем Российской академии наук (ИАгП РАН)
e-mail: himma@mail.ru*

Аннотация

За последние несколько лет обострившаяся внешнеполитическая обстановка внесла ряд корректив в стратегические приоритеты развития агропродовольственного комплекса России и привела к актуализации проблемы обеспечения продовольственной безопасности и независимости страны. Согласно международному опыту, сельское хозяйство становится сектором с очень интенсивным потоком данных. Для его обработки требуется сочетание технологии Интернета вещей, методов анализа больших данных и геоаналитики. В рамках исследования конкретизированы стратегические приоритеты научно-технологического развития агропродовольственного комплекса РФ, учитывающие не только влияние современных средств получения и обработки данных на повышение эффективности производственного потенциала, но и растущие потребности сельских жителей в качественных цифровых сервисах и услугах.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, научно-технологический прогресс, приоритеты, стратегическое планирование, цифровая экономика, Интернет вещей, управление знаниями.

Анализ последствий мирового экономического кризиса 2008–2011 гг., отголоски которого проявляются до сих пор, показывает, что вне зависимости от стартового уровня ни одно из предприятий реального сектора экономики не застраховано от разорения и ликвидации. За последние семнадцать лет не менее половины компаний, прежде возглавлявших Fortune 500, были поглощены своими конкурента-

ми [13], и руководители предприятий любой формы собственности вынуждены разрабатывать адаптированные к внешним вызовам и угрозам стратегии выживания, связанные прежде всего с развитием интеллектуального капитала и поиском дополнительных резервов роста производственного потенциала. Именно такой подход, с нашей точки зрения, раскрывает общеэкономическую сущность цифровизации, объясняя увеличивающуюся занятость населения вопросами сбора сырых данных, их преобразованием в информационные потоки, разработкой инструментов для их моделирования, управления и визуализации. На сегодняшний день теория управления данными (Data Science) считается наиболее прогрессивным методом исследований, а ряд ведущих ученых уже назвали увлечение Data Science формированием «четвертой парадигмы науки», предрекали дальнейшее снижение зависимости промышленности от стоимости рабочей силы при условии обеспечения экстремальной производительности (extreme productivity), экстремальной автоматизации (extreme automation) и экстремальной связанности (extreme connectivity). Именно развитие теории обработки данных привело к появлению термина Интернета вещей (Internet of Things, IoT), индустриального Интернета (Industrial Internet of Things, IIoT), технологии блокчейн – «Интернета ценностей» (Internet of Value, IoV) и «Интернета всего» (Internet of Everything, IoE), объединяющего людей, данные, процессы и вещи [16].

В соответствии с общемировыми тенденциями появление Интернета вещей способно перестроить все экономические и общественные процессы будущего, поскольку при анализе данных полностью исключаются

риски, связанные с человеческим фактором, возможности дублирования или сознательно-го фальсифицирования информации. В связи с этим ряд атрибутов, которые раньше были присущи только человеку, его интеллектуальной деятельности, теперь приписываются и неодушевленным предметам. Все чаще при обсуждении Интернета вещей используются термины «умный дом», «умная энергетика», «умный транспорт», а впоследствии стоит ожидать появления единой социально ориентированной кибернетической системы, которая может стать как помощником, так и угрозой для человечества [1].

Интернет вещей уже сейчас становится незаменимой частью нашей повседневной жизни, формируя образ «нового» будущего для целого поколения. В 2016 г. мировые расходы на IoT составили 737 млрд дол., но поскольку инвестиции в оборудование, программное обеспечение, услуги и сети связи для Интернета вещей продолжают увеличиваться, то к 2021 г. совокупные расходы могут превзойти 1,4 трлн дол. [8].

Исследователи Gartner подтвердили, что в 2017 г. по всему миру насчитывалось 8,4 млрд подключенных к сети устройств. К 2021 г. количество устройств, относящихся к разряду интернет-вещей, достигнет 28 млрд ед., из них 1,5 млрд – IoT-устройства, подключенные к сотовой связи (рост на 3,75 раза по сравнению с 2015 г.), 14,2 млрд – IoT-устройства, подключенные к другим сетям связи (рост в 3,38 раза), число персональных компьютеров/ноутбуков/планшетов составит 1,8 млрд, мобильных телефонов – 8,6 млрд. Таким образом, за следующие 3 года число подключенных к IoT устройств только в Западной Европе вырастет более чем в четыре раза [4].

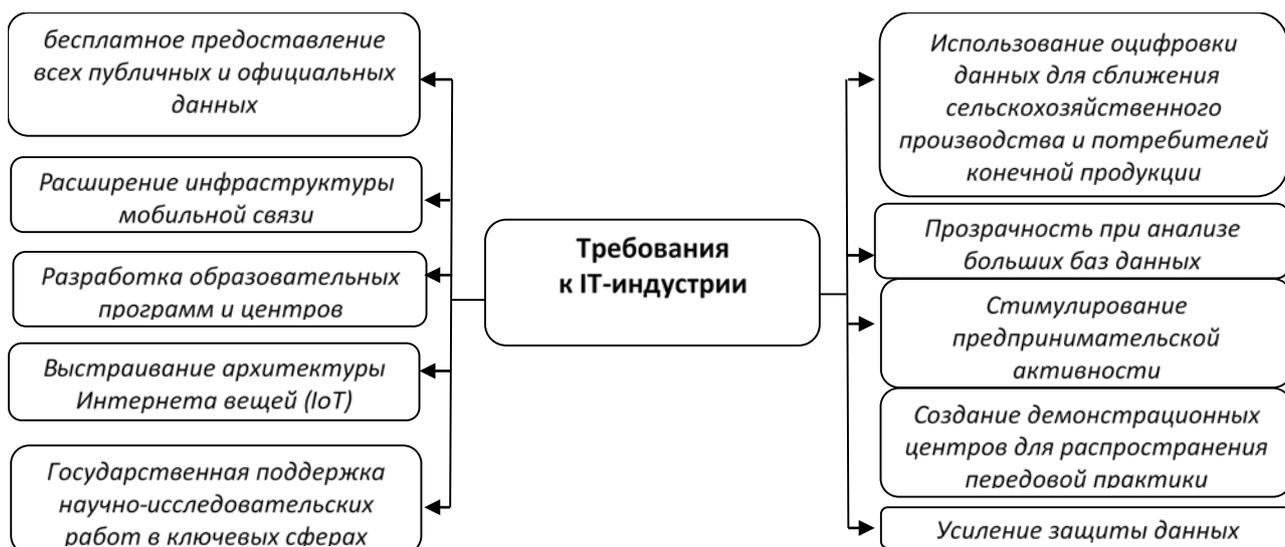
В США еще в 2014 г. создан некоммерческий консорциум промышленного Интернета (Industrial Internet), в Японии разработана собственная концепция Connected Factories, в Германии активно продвигается «Индустрия 4.0». По оценкам Немецкой академии науки и техники, внедрение Интернета вещей увеличит к 2025 г. производительность промышленных предприятий на 30%, а в течение ближайших пяти лет инвестиции в IoT позволят повысить эффективность производства на 18%, сократить затраты на 14% и обеспечить рост выручки на 2,9% ежегодно.

Хотя сельское хозяйство на первый взгляд не относится в высокотехнологическим отраслям экономики, благодаря возросшей мощности компьютеров, появлению специализированного программного обеспечения, объединенных в единую сеть датчиков и сенсоров, стало возможным контролировать практически полный цикл сельскохозяйственного производства, автоматизировать административно-управленческие функции, проектировать точные бизнес-модели поведения и с математической точностью прогнозировать потенциальную прибыль, снижая риски потерь от чрезвычайных ситуаций. За последние пять лет было зарегистрировано не менее 1300 новых технологических стартапов в сфере сельского хозяйства, которые привлекли инвестиции на сумму, превышающую 11 млрд дол., а к 2050 г. развитие сегмента AgriTech (Агротех) способно увеличить производительность мирового сельского хозяйства не менее чем на 70% [5].

В 2018 г. немецкое сельскохозяйственное общество (DLG) опубликовало программный документ с ключевыми требованиями к IT-индустрии, цифровым бизнес-моделям, инфраструктуре и безопасности данных [9]. Наиболее перспективные направления сближения агропроизводства и разработчиков высокотехнологичных новинок представлены на рисунке.

На сегодняшний день более 40% мирового рынка agriIoT приходится на Северную Америку, однако в самой ближайшей перспективе ее конкурентами в данном сегменте рынка могут стать страны Восточной Европы и Азии, а к 2020 г. использование Интернет вещей в сельском хозяйстве может принести в мировой ВВП более 80 млрд дол. [5, 14].

Хотя в 2016 г. объем рынка сельскохозяйственных беспилотников уже составлял 864,4 млн дол., он все еще находится на начальной стадии своего насыщения. Прогнозируется, что к 2022 г. он увеличится на 30%, а через несколько десятков лет вырастет до 32 млрд дол.. Крупнейшими игроками на этом рынке являются США, Бразилия, Япония, страны ЕС [5]. Компания-производитель коммерческих дронов DJI Innovation Technology в своем отчете за 2017 год указала, что применение ее продукции в сельском хозяйстве постоянно растет и к 2020 г. составит 45 тыс. единиц (рост в 4,5 раза по сравнению с текущим го-

Ключевые требования сельхозтоваропроизводителей к IT-индустрии

дом). В 2023 г. проникновение беспилотной техники в АПК Китая превысит 40%, а ее продажи на внутреннем рынке составят 2,4 млрд дол. [18].

Функциональные возможности сельскохозяйственных дронов постоянно расширяются, но уже сейчас они позволяют не только собирать аналитические аудио-визуальные данные по оценке урожайности или инвентаризации проведенных работ, но и выполнять ряд практических функций без присутствия оператора либо при его удаленном управлении. Дроны применяются при анализе состояния почвы, при посадке семян, с помощью инфракрасных камер отслеживают изменение хлорофилла в посевах, осуществляя мониторинг урожайности, вносят ядохимикаты и удобрения и т.д.

В Великобритании более 2,5 га пашни отведено под проект Hand Free Hectare. Деятельность человека на этой ферме сведена к роли наблюдателя. В прошлом году автономная сельхозтехника вырастила на отведенной ей территории 4,5 т ячменя, контролируя все процессы: посев, подбор минеральных удобрений, ареалы распространения вредителей, освещенность, температуру, влажность почвы [19].

Более 70% сельхозтехники, продаваемой в США, оборудованы навигационными системами, позволяющими отслеживать не только их передвижение или прокладывать оптимальный маршрут, но и контролировать расход топлива, вес груза и человеко-часы

обслуживающего персонала. В Европе данный показатель более скромный – 25–30%, поскольку на европейском рынке количество крупных фермерских хозяйств существенно меньше, а малые формы сельхозпредприятий не могут позволить себе так часто обновлять парк техники, меняя ее на более эффективную, но и более дорогостоящую.

Согласно последним аналитическим данным, 84% фермеров Канады в той или иной мере используют технологии точного земледелия, в США их уровень проникновения оценивается в 30–50 % в среднем по стране или в 60–80% по специализирующимся на аграрном производстве регионам. К самым популярным на текущий момент технологиям IoT относят: анализ почвенных проб (уровень проникновения 98%), составление карт урожайности (80%), навигационные GPS-системы (80%); разработку планов дифференцированного внесения питательных веществ и удобрений (60%), гистехнологии и анализ вегетативного индекса растений (30%) [2].

Таким образом, рынок интернет-вещей, применяемых в сельском хозяйстве, постоянно развивается, и бизнес-аналитики считают его одним из наиболее привлекательных для инвестирования.

Процесс вхождения российского агропродовольственного комплекса в цифровую экономику регламентирован Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной

продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, в которой отмечено, что «аграрный сектор экономики России оказался перед системным вызовом, предопределяющим необходимость обновления научно-информационной, технической и технологической базы агропромышленного комплекса на качественно новой основе, перехода к инновационному типу развития».

В соответствии с целевыми индикаторами Госпрограммы, применение Интернета вещей в сельском хозяйстве из «эксклюзивного инструмента для наиболее увлеченных технологиями первопроходцев превратится в реальный рычаг повышения эффективности производства». Согласно данным аналитических агентств J'son & Partners Consulting и AC&M Consulting, объем российского рынка интернет-вещей, применяемых в агросекторе, в 2017 г. не превысил 100 млн р., однако дальнейшее расширение сферы применения технологии Интернета вещей в АПК позволит оптимизировать операционные расходы и повысить урожайность в среднем на 15–20 %, автоматизированные системы в животноводстве повысят надои на 30–40 %, мониторинг транспорта с помощью GPS и датчиков позволит снизить расход горючего до 20%, а анализ аналитических данных по управлению сырьем – сократить его потери до 25 % за счет оптимизации условий хранения сельхозпродукции [17].

Эксперты отмечают, что до 75% прибыли от реализации отечественной сельскохозяйственной продукции на данный момент приходится на сопутствующие производству звенья цепочки формирования добавленной стоимости (транспортировка, хранение, оптовая и розничная торговля и т.д.). Применение Интернета вещей позволит сельхозтоваропроизводителям выйти на прямой контакт с потребителем, самостоятельно оценивать объем и структуру рынка, формируя поставки с минимальным использованием складской инфраструктуры, минуя оптовых посредников. Данная форма взаимодействия «производитель – потребитель» уменьшает транзакционные издержки и почти вдвое снижает цены на основные продукты питания при одновременном улучшении их качества. Кроме того прозрачность цифровых технологий ускоряет процедуру кредитования, минимизируя его риски.

В Российской Федерации на данный момент формированием национальной стратегии развития Интернета вещей занимаются как государственные, так и общественные или коммерческие организации. По инициативе «Фонда развития Интернет-инициатив» (ФРИИ) создана «Ассоциация Интернета вещей», на базе фонда «Сколково» работает «Российская ассоциация Интернета вещей», а компания «Ростелеком» курирует Национальную ассоциацию участников рынка промышленного Интернета (НАПИ). В конце 2016 г. Министерству сельского хозяйства РФ, Министерству промышленности и торговли РФ и Министерству связи РФ было поручено разработать стратегию внедрения Интернета вещей в агропродовольственном комплексе [3]. Реализация мероприятий «Дорожной карты» и достижение ее целевых индикаторов позволят увеличить долю предприятий АПК, использующих IoT-решения, с 0,05% в 2017 г. до 30% в 2019 г., долю отечественных разработок оборудования в этой сфере с 6% до 20%, а также внедрить в производство не менее 20 пилотных проектов IoT-технологий. Вместе с тем, уже на начальной стадии реализации проекта обозначился ряд проблем, которые ограничивают скорость достижения указанных в «Дорожной карте» целевых параметров. Главной из которых является все еще слабая плотность покрытия сельских территорий сетью Интернет. С нашей точки зрения, эффект от IoT достигается только в том случае, когда каждый оборудованный датчиками комбайн, трактор или любая другая сельхозтехника получает качественный стабильный сигнал в режиме реального времени. Согласно официальной статистике, доступ к высокоскоростному Интернету уровня 3G является базовым для выполнения всего объема функций IoT, а в перспективе необходим уровень связи не менее 5G.

По данным Международного союза электросвязи, за последнее десятилетие во всем мире удельный вес пользователей сети Интернет увеличился с 6,5% до 43% населения [11]. Чтобы удовлетворить растущие потребности населения, проживающего на удаленных от крупных населенных пунктов территориях, страны Евросоюза планируют потратить к 2020 г. более 270 млрд евро, и подобные инвестиции не кажутся им чрезмерными. Возможность широкополосного

доступа в глобальную сеть только в Германии создаст 1 млн дополнительных рабочих мест, и к 2025 г. 40% мирового рынка труда будут составлять фрилансеры [6].

По зарубежным оценкам затраты операторов связи на подключение абонента к сельской телефонной связи примерно в пять раз превышают инвестиции, необходимые для решения подобной задачи для городской телефонной сети, а основным рецептом для развития средств доступа к информационным ресурсам в сельской местности является механизм «универсального обслуживания». В США определенная доля налога, включенного в стоимость услуг телефонной связи, а также 6,8% доходов всех операторов междугородной и международной связи направляются в специальный резервный фонд, который занимается финансированием развития сельской связи в масштабах всей страны.

Понятие «универсальная услуга связи» и принцип ее организации в России установлены Законом РФ «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ст. 57–61), но к ним принято относить только услуги телефонной связи с использованием таксофонов, а также услуги по передаче данных и предоставлению доступа к сети Интернет с использованием пунктов коллективного доступа. Согласно ФЗ, ставка обязательного отчисления составляет лишь 1,2% доходов, полученных в течение квартала от оказания услуг связи абонентам и иным пользователям в сети связи общего пользования [12]. Безусловно, в таком режиме обеспечить стабильную сотовую связь уровня 3G на сельских территориях невозможно. Даже у крупнейших операторов России нет достаточного объема средств, чтобы позволить себе строительство антенно-мачтовых сооружений и проведение проектно-изыскательных работ в каждом из сел или малых населенных пунктов. Более того, при широкомасштабном внедрении Интернета вещей на оператора связи накладываются дополнительные функции, связанные не только с предоставлением доступа к высокоскоростному Интернету. Все беспроводные устройства, сенсоры, датчики и сопутствующие им базы данных должны бесперебойно работать в сети, обладать достаточной степенью защиты и общим протоколом настройки, что предусматривает взаимодействие провайдера с разработчиком еще до выхода приложения на рынок. Некоторые

крупнейшие отечественные операторы (МТС, Вымпелком, Мегафон) уже осознали свою возрастающую роль в данном процессе, а также связанную с ней меру ответственности. Они закупают наиболее перспективные стартапы в области IoT и выпускают их под своей маркой, предлагая потребителю уже готовые решения.

Другой немаловажной причиной, сдерживающей внедрение Интернета вещей в сельском хозяйстве, является несовершенство отечественной законодательно-правовой базы. В Уголовном кодексе и Кодексе об административных правонарушениях необходимо расширить трактовку термина «специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации», в противном случае некоторые владельцы оборудованных видеокамерами и микрофонами коммерческих дронов и GPS-трекеров иностранного производства подпадают под статьи УК РФ и КоАП РФ, предполагающие конфискацию подобных устройств, выплату штрафа или даже лишение свободы владельца.

Данные ограничения открывают окно возможностей для отечественных разработчиков. На текущий момент на рынок Интернета вещей вышли: «Беспилотные технологии» (г. Новосибирск), «Геоскан» (г. Санкт-Петербург), «Автономные аэрокосмические системы – «ГеоСервис» (г. Красноярск) и ZALA AERO (г. Ижевск). Опытные образцы навигационно-связных элементов бортового и диспетчерского оборудования для системы управления беспилотной сельскохозяйственной техникой представлены холдингом «Росэлектроника». В Ростовской области компания Cognitive Technologies провела полевые испытания беспилотного комбайна и анонсировала прибор компьютерного зрения для автоматического вождения зерноуборочного комбайна. Успешно прошли сертификацию на соответствие международным стандартам отечественные радиочастотные метки для автоматизированной идентификации и учета животных. Программа Урал Когнитив Агро по разработке системы искусственного интеллекта и беспилотного транспорта вышла на международный уровень, привлекая партнеров из Бразилии и Аргентины.

На прошедшей в 2018 г. в технопарке «Сколково» конференции «Точное земледелие» [15] научно-технический центр

«РобоПроб» показал автоматизированный комплекс для сбора почвенных проб, компания «Агроноут» – пилотный проект дифференцированного внесения удобрений, компания «Проагротех» – облачный сервис управления эффективным растениеводством ExactFarming, которым уже пользуются более 4000 хозяйств в 10 странах мира. Индустриальный эксперимент компании «Агротерра» по установке датчиков на полях в Тульской и Курской областях всего за год повысил урожайность сои на 11,5 %, пшеницы – на 6,5 %. На полях группы компании «Зеленая долина» в Белгородской области применяются беспилотные летательные аппараты для инвентаризации, мониторинга состояния посевов, разработанные «АгроНТИ». Долю системы эффективного земледелия «Агросигнал», нашедшей свое применение в 150 хозяйствах страны с общей площадью посевов в 2 млн га, приобрел Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ).

Таким образом, с каждым годом количество готовых к реализации высокотехнологических предложений и проектов увеличивается в несколько раз, однако переход отечественного сельского хозяйства в его цифровую форму все еще остается задачей будущего [10]. Характерной особенностью российского агропродовольственного комплекса является преобладание в его структуре малых форм хозяйствования, которым недоступны современные средства механизации и автоматизации труда. Их годовой объем выручки не позволяет им осуществлять обновление сельхозтехники, а все процессы по информатизации сводятся к выполнению базовых функций бухгалтерского и налогового учета.

Дополнительные ограничения на процесс цифровизации АПК накладывает разрыв между потребностью сельскохозяйственных организаций во внедрении высокоэффективных технологий и компетенциями их сотрудников в данной сфере [7]. Большинство руководителей агропредприятий уже поняли, что переподготовка собственных кадров требует длительного времени и стремление занять наиболее выгодную позицию в рейтинге конкурентоспособности вынуждает их налаживать долгосрочные отношения с внешними организациями, оказывающими ИТ-услуги. В связи с этим, с нашей точки зрения, первооче-

редным направлением научно-технологического развития агропродовольственного комплекса в среднесрочной перспективе должна стать синхронизация процессов освоения информационных технологий и развития человеческого капитала в сельской местности. Анализ международного опыта показал, что данное направление является универсальным для любой отрасли народного хозяйства и характерно на этапе перехода от традиционной к инновационно-ориентированной экономике, но для агропродовольственного комплекса необходима дополнительная детализация ряда подзадач:

- отказ от цифровизации отдельных компонентов аграрной экономики и ориентация государственной политики на формирование единого национального цифрового пространства;

- расширение масштаба и тематического охвата исследований в сфере сельского хозяйства, создание передового научно-технологического задела на доконкурентных (докоммерческих) стадиях, увеличение объемов и разнообразия форм их государственной поддержки;

- формирование сети научно-инновационных кластеров, объединяющих крупные образовательные центры, выступающие в роли тестовых демонстрационных площадок для распространения передовых практик, и научно-исследовательские институты;

- более широкое применение в практике управления агропродовольственным комплексом «облачных» услуг, технологий по работе с большими данными (Big Data), увеличение доли задействованных в АПК Интернет-вещей (IoF);

- содействие процессу развития электронной торговли как оптимального способа снижения транзакционных издержек поиска поставщиков и партнеров;

- создание на сельских территориях безопасной цифровой образовательной среды; обновление содержания предметной области «технология», «информатика» и «робототехника» как приоритетных курсов для повышения навыков адаптации сельской молодежи к воздействиям внешней среды;

- развитие механизма дистанционного образования и повышения квалификации работников АПК;

– популяризация мысли о необходимости постоянного обучения как постулата современного образа жизни.

Реализация данных мер, на наш взгляд, закладывает естественный вектор к построению сбалансированной цифровой экосистемы агропродовольственного комплекса – системы, учитывающей не только технологические процессы или их влияние на повышение эффективности производственного потенциала, но и растущие потребности сельских жителей в качественных цифровых сервисах и услугах.

Библиографический список

1. Былина С.Г., Кадомцева М.Е., Осовин М.Н. Информатизация агропродовольственного комплекса и сельских территорий России: возможности и ограничения. Саратов, 2018.
2. Интернет вещей в сельском хозяйстве (Agriculture IoT / AIoT): мировой опыт, кейсы применения и экономический эффект от внедрения в РФ. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/internet-veschey-v-selskom-hozyaystve-agriculture-iot-aiot-mirovoy-opyt-keysy-primeneniya-i-ekonomicheskii-effekt-ot-vnedreniya-v-rf-20170621045316.
3. Интернет вещей внедрится в АПК. URL: <https://www.comnews.ru/content/106275/2017-03-13/internet-veshchey-vnedritsya-v-apk>.
4. Интернет вещей, IoT, M2M, мировой рынок. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php>.
5. ИТ в агропромышленном комплексе России. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php>.
6. ИТ в госсекторе Евросоюза. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php>.
7. Кадомцева М.Е. Инновационное развитие предприятий агропродовольственного комплекса // Никоновские чтения. 2015. № 20–1. С. 220–222.
8. На 300 крупнейших проектов в IoT приходится 156 млн абонентов. URL: <https://iot.ru/promyshlennost/na-300-krupneyshikh-sotovykh-proektov-v-iot-prikhoditsya-156-millionov-abonentov>.
9. Немецкое сельскохозяйственное общество (DLG) сформулировало восемь ключевых требований к оцифровке. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-02-2018-2.aspx>
10. Осовин М.Н. Роль современных информационных технологий в организационно-экономических процессах управления сельскохозяйственным производством // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2010. № 1. С. 19.
11. Риск инноваций в ЕАЭС должен поощряться. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-11-2016-3.aspx>.
12. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/.
13. Цифровая Индустрия 4.0. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345779-chetyre-nol-v-nashu-polzu>.
14. Цифровизация в сельском хозяйстве: технологические и экономические барьеры в России. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=121765>.
15. Цифровые технологии приходят в сельское хозяйство. URL: <https://sovzond.ru/press-center/news/selskoe-khozyaystvo/3735/>.
16. Четвертая промышленная революция. Популярно о главном технологическом тренде XXI века. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php>.
17. Эффект от внедрения «Интернета вещей» в АПК РФ к 2025 году может составить 469 млрд р.. URL: https://milknews.ru/index/novosti-moloko_13040.html.
18. DJI sees higher demand for agricultural drones. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/201712/21/WS5a3b2a3ca31008cf16da2a0d.html>.
19. Hand Free Hectare. URL: <http://www.handsfreehectare.com/>.
20. Robots fight weeds in challenge to agrochemical giants. URL: <https://www.reuters.com/article/us-farming-tech-chemicals-insight/robots-fight-weeds-in-challenge-to-agrochemical-giants-idUSKCN1IN0IK>.

СМЕШАННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: УПРАВЛЕНИЕ ВЫЗОВАМИ В НОВОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОСИ

*Б.Д. МАТРИЗАЕВ, кандидат экономических наук, доцент департамента
экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ
e-mail: matrizaev@mail.ru*

Аннотация

Данное исследование направлено на углубление понимания взаимодействия между процессами управления и оценкой смешанной политики в конкретном контексте стратегий «умной специализации». Эти новые популярные региональные инновационные стратегии являются идеальными лабораториями для анализа смешанной политики в силу их территориально-ориентированного и экспериментального характера, направленности и потенциальной ориентации на крупные социальные проблемы, а также сложного контекста управления.

Ключевые слова: инновационная политика, смешанная политика, акторы, стратегия, «умная специализация»

Общеизвестно, что сегодня инновации стали главным лейтмотивом формирования экономической политики и институционального развития в системе государственного и муниципального управления [1, с. 18–28].

Концепция смешанной политики стала популярной в исследованиях по инновационной политике в результате новых комбинаций практических обоснований, расширения теоретического формата и углубления инновационной политики [11, с. 701–713]. Однако оценка сочетания инструментов инновационной политики на практике – сложная задача [15]. Трудности возникают скорее в связи с вопросами координации и управления, чем в связи с конкретными техническими вопросами. Главными задачами являются выход за пределы оценок воздействия, поиск оптимальных стратегий и расширение для оптимального сочетания политики. Оптимальное

сочетание практических мер труднодостижимо именно потому, что оно зависит от динамичного институционального контекста, в котором осуществляется инновационная политика. Иными словами, поведение и взаимодействие различных компонентов комплекса практических мер обуславливаются контекстами местного и многоуровневого управления, в которых инновационная политика формируется и развивается с течением времени.

Основное внимание в настоящем исследовании уделяется проблемам оценки, возникающим в связи с новой инновационной политикой на местах. На практике эта политика в значительной степени определяется региональными стратегиями «умной специализации», направленными на обеспечение структурных преобразований в экономике, которые во многих регионах включают задачу содействия устойчивым переходным процессам. Оценка этих интегрированных территориальных стратегий в области исследований и инноваций создает дополнительные проблемы для тех, которые существуют вокруг оценки смешанной инновационной политики [15]. Она предполагает не только оценку конкретных последствий сочетания практических мер, но и оценку того, каким образом эти последствия способствуют процессу и направлению структурных преобразований, к которым стремится стратегия. В частности, оценка сочетания практических мер в рамках динамичной территориальной стратегии подчеркивает важность управления. Это обусловлено тем, что разработка и осуществление инновационной политики неразрывно связаны с более широкими решениями о направлении территориальной стратегии (например, какие

НИОКР должны быть приоритетными) на местном или региональном уровне.

Существует множество исследований, посвященных изучению концепции управления применительно к государственной инновационной политике [7, 9, 13]. Для целей настоящего исследования нас интересуют процессы управления, характеризующие динамику принятия решений по интеллектуальной специализации. Такое управление может быть определено как диалог, взаимодействие и координация, посредством которых принимаются решения о стратегическом направлении и соответствующем сочетании инновационной политики в регионе. С учетом деликатного характера таких стратегических решений, взаимодействия, которое они влекут за собой между правительством и другими региональными субъектами, имеющими собственные интересы, и небольшого опыта региональных правительств в определении приоритетов возникают новые вопросы в отношении той роли, которую может играть оценка. В частности, существует потенциал для внедрения теории коллективной стратегической информации в процесс принятия решений, что является весьма специфической потребностью региональных правительств с ограниченными функциями и возможностями для определения приоритетов в экспериментальном контексте.

Управление оценкой часто упоминается в исследованиях по оценке. Обсуждения традиционно сосредоточены на вопросах внешней / внутренней оценки, при этом мало внимания уделяется самому процессу управления. Однако переход от индивидуальной оценки политики к оценке комплекса мер подчеркивает важность управления процессом оценки. Сочетание инструментов инновационной политики обычно разрабатывается и осуществляется различными государственными акторами, действующими на различных институциональных уровнях [15]. Хотя нередко достигается определенная координация на стадии разработки и осуществления политики, системная координация оценки является более сложной задачей, что отчасти объясняется чувствительностью, связанной с «будущим оцененной». В контексте стратегий «умной специализации» эти проблемы стоят особенно остро. Существует множество акторов, заинтересованных в научно-исследовательской

и инновационной политике как внутри правительства (различные уровни правительства влияют на региональные стратегии, как и различные департаменты и учреждения), так и вне правительства (в других так называемых «спиралях» бизнеса, науки и гражданского общества). Эти акторы участвуют в процессе управления, определяя направление стратегии, и являются субъектами и / или объектами оценки комплекса мер политики, поддерживающих стратегию. Это приводит к потенциальному конфликту интересов, поскольку участие в разработке стратегии формирует поведение участников и это поведение взаимодействует со структурой политики, которую необходимо контролировать и оценивать для целей изучения политики. Именно эта связь между поведенческими изменениями и управлением оценкой остается неисследованной в исследованиях по инновационной политике.

Основной вклад данного исследования заключается в конкретизации взглядов на возникающие вызовы управления оценкой в контексте новых, основанных на инновационных, стратегий. Это достигается путем анализа особенностей сочетания инновационной политики, которые особенно важны в контексте стратегий «умной специализации»; их вертикальности, направленности и способности стимулировать экспериментирование. Затем в исследовании разрабатывается концептуальная основа для анализа управления оценкой смешанной политики в качестве неотъемлемой части инновационной политики на местах. Структура исследования ориентирована на лучшее понимание условий, при которых оценка способна обеспечить коллективную стратегическую цель и способствовать развитию потенциала правительства, необходимого в стратегиях умной специализации.

В последние годы в целом возросло внимание к концепции смешанной инновационной политики. Это очевидно в том, что было названо третьим поколением теорий разработки в исследованиях по инновационной политике в целом [8, с. 1513–1522; 14, 17], и в исследованиях по устойчивому переходу [11, 18, 21]. Этот интерес довольно быстро перешел к регуляторным органам, по крайней мере на поверхностном уровне, о чем свидетельствует все более широкое использование термина «комплексная политика» в регуляторных

документах. В Руководстве Европейской Комиссии «По исследованиям и инновационным стратегиям умной специализации», изданным в 2012 г. [11], четко сформулировано определение «согласованного комплекса мер политики» в качестве одного из шести шагов на пути к стратегии «умной специализации», и это помогло терминологии получить широкое распространение среди региональных разработчиков инновационной политики.

Анализ политики, направленной на содействие устойчивому переходу, является областью, в которой значение «места» (региона) особенно очевидно, как это видно из географии исследований по устойчивому переходу [9, с. 367–374]. Например, некоторые из них подчеркивают «институциональную интегрированность процессов социально-технического развития в конкретных территориальных пространствах», функционирующих вместе с «явной мультискалярной концепцией социально-технических траекторий». Это соответствует определению Б. Трюффера [12, 23] о необходимости распутывания сложных многоуровневых географических отношений с тем, чтобы «лучше понять, кто играет центральную роль в основных процессах и как могут быть определены меры, способные вмешиваться в эти сложные модели взаимодействия». Сложность взаимоотношений между широким кругом различных заинтересованных сторон является общей темой в анализе устойчивых переходов [13, с. 477–485; 20, с. 471–476] и подчеркивает абсолютную важность понимания контекста управления, в котором принимаются стратегические и практические решения.

Территориально-ориентированный характер устойчивых переходов предполагает тесное взаимодействие с формирующейся теорией и практикой в рамках последнего поколения региональной инновационной политики, так называемых «умных» стратегий специализации. Объединение практики в области науки, техники и инноваций (НТИ) с новой промышленной политикой [5, 17] в этих региональных стратегиях обеспечивают основу, которая следует за сдвигом в теории и практике от пространственных инноваций к инновациям, основанным на местах [6, с. 275–294; 22]. Стратегии «умной специализации» реализуются по всей Европе с импульсом со стороны Европейской комиссии (вклю-

чая условия структурного финансирования, которые настаивают на том, что все регионы имеют исследовательскую и инновационную стратегию для «умной специализации» или RIS3). Опираясь на предыдущую локальную инновационную политику, они смещают акцент в сторону четкого определения приоритетов деятельности на основе регионального потенциала. Во многих регионах эта приоритизация была прямо или косвенно связана с устойчивым переходом [4], [16].

В одном смысле стратегии «умной специализации» – это эволюция подходов региональных инновационных систем и признание целесообразности сильной инновационной политики, основанной на местах, вместе с тем они находятся под влиянием споров о новой промышленной политике, в которых приоритеты деятельности определяются не государством, а системой государственно-частного партнёрства [18]. Таким образом, можно выделить две отличительные особенности стратегий «умной специализации». Во-первых, как и промышленная политика или ориентированная на миссию политика в области НТИ, они являются направленными и подразумевают выбор. Во-вторых, они опираются на новые процессы управления для принятия этих решений и формируются в экспериментальном «процессе предпринимательства открытия» с участием широкого круга региональных заинтересованных сторон из спирали четырёх акторов: государства, бизнеса, науки и гражданского общества [11].

Между тем именно понятие «процесс предпринимательства открытия» обеспечивает главную новизну стратегий «умной специализации». Это означает, что процесс управления, посредством которого региональные заинтересованные стороны определяют области, в которых регион должен специализироваться и прокладывать новые пути, становится центральным опорным пунктом инновационной политики. Это постольку, поскольку такая инновационная политика неизбежно уходит корнями в эволюционные подходы.

Наиболее важным для понимания смешанной политики является новая конфигурация управления, лежащая в основе региональной инновационной стратегии и политики. Она превращает их в территориальные, а не правительственные стратегии. Это новое управление является в высшей степени плю-

ралистическим контекстом [14], в котором построение общего видения требует навигации по целому ряду различных интересов и потенциальных конфликтов между акторами.

Еще одной ключевой особенностью стратегий «умной специализации» является их трактовка исследований и инноваций как трансверсальных элементов, которые оказываются под влиянием и сами влияют на государственную политику. Разработка последовательной смешанной политики, планов действий по поощрению региональных приоритетов является одним из шести шагов, которые проводит Европейская комиссия [17]. Тем не менее смешанная политика в контексте «умной специализации», как правило, рассматривается скорее, как портфель инструментов, из которых можно выбирать, чем как практический параметр, который может стратегически использоваться для влияния на направленность инноваций, способствуя структурной трансформации экономики путем экспериментов.

В исследованиях по «умной специализации» действительно мало встречаются ссылки на новые инструменты инновационной политики или новые комбинации инструментов [19, 24]. Кроме того, очень мало внимания уделяется связи между ролью правительства в разработке и осуществлении соответствующего комплекса мер инновационной политики и динамичным плюралистическим процессом «процесса предпринимательства открытия», в рамках которого должно определяться стратегическое направление. Направленность через экспериментирование, которая лежит в основе «процесса предпринимательства открытия», как правило, материализуется на практике путем отбора проектов для финансирования. С точки зрения того, насколько динамика отбора таких проектов связана со смешанной политикой, она остается малоизученным вопросом в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения того, как приоритетные проекты поддерживаются регуляторами. Это относится к неоклассическим подходам, когда политика может опираться на классические механизмы стимулирования. Во-вторых, с точки зрения того, как смешанная политика может сама по себе способствовать созданию пространства для экспериментов. Это относится к проблемам координации. Подразумевается, что смешанная политика должна включать «бо-

лее мягкие» инструменты [18]. На практике, однако, экспериментальный подход к стратегиям «умной специализации» был ограничен этапом отбора, и реализация обращается к традиционным инструментам [17]. Это представляет собой особую проблему смешанной политики, учитывая признание того, что «процесс предпринимательства открытия» должен быть непрерывным и присутствовать на протяжении всей реализации стратегии «умной специализации» [16].

Существует несколько определений концепции смешанной политики. Некоторые из этих определений подчеркивают сложный характер данного термина [10, с. 701–713], другие сосредоточились на вопросе о том, какие элементы должны быть объединены в смешанной политике [8, с. 1513–1522]. В совокупности они предлагают целостное представление о проблеме и подчеркивают, что смешанная политика состоит не только из структурных элементов (инструментов), но также процессов (политики) и их характеристик (в основном последовательности элементов, согласованности процессов, достоверности и полноты).

М. Хоулетт [6, с. 275–294] предложил типологию смешанной политики, начиная от простых случаев, когда существуют единые инструменты (от единой политики и одного правительства), до более сложных (многоцелевые, многоуровневые политики и многоуровневые правительства). Региональная инновационная политика в этом отношении рассматривается как сложная структура [3, 15], в которой мы можем найти различные инструменты из разных областей политики, которые отвечают различным обоснованиям, нацелены на разных участников и разрабатываются и реализуются с течением времени правительствами в разных странах.

Тем не менее одно из главных критических замечаний к региональным исследованиям по инновационной политике, включая программу Европейской комиссии по «умной специализации» [17], это то, что они стремятся перечислить инструменты инновационной политики в качестве вариантов из портфеля, из которого могут выбирать регуляторы, при этом противореча самому понятию «один инструмент – один показатель». Это особенно проблематично, если учитывать консенсус в исследованиях по разработке инновационной

политики о том, что правило Яна Тинбергена [2, с. 4–27] о взаимно однозначном соответствии между инструментом и практической целью больше не выполняется. Таким образом, один документ может охватывать несколько целевых показателей, а несколько документов – один и тот же целевой показатель.

Для дальнейшего анализа концепции смешанной инновационной политики в контексте стратегий «умной специализации» особенно важно более подробно рассмотреть три аспекта: вертикальность, направленность и способность содействовать экспериментам.

Очевидно, что мониторинг и оценка обладают большим потенциалом для того, чтобы способствовать пониманию поведения и эффективности различных вариантов политики. Несмотря на то что результаты изучения вопросов смешанной политики различаются в зависимости от объекта и предмета обучения [6, с. 275–294], своевременное внедрение знаний в области мониторинга и оценки будет иметь ключевое значение. Вместе с тем изучение смешанной инновационной политики требует перехода от фрагментарной оценки эффективности отдельных инструментов к более целостным оценкам, учитывающим взаимодействие между инструментами в сложном практическом контексте (multi-rationales, multi-level, multi-actor) [15].

В контексте стратегии «умной специализации» первоочередной задачей должно стать изучение направленности инструментов инновационной политики [14], а также изучение эффективности процессов экспериментирования и вертикальной координации политики. Несмотря на то что мониторинг и оценка признаются важными для «умной специализации» и они широко представлены в обеих программах комиссии [11] – тем не менее, акцент на то, как они могут способствовать укреплению критической связи между реализацией инновационной политики и динамичным, экспериментальным характером «процесса предпринимательства открытия», в значительной степени отсутствует. На практике встречаются только очень консервативные подходы, использующие традиционные индикаторы для мониторинга стратегии «умной специализации» [17].

В своих исследованиях П. ДельРио [10], призывая к более четкому определению границ смешанной политики для оценки успеш-

ности данного сочетания, проводит различие между горизонтальным (одноуровневым) и вертикальным (многоуровневым) сочетаниями. Несмотря на то что вертикальный аспект является наиболее сложным для оценки смешанной политики, горизонтальный аспект также может быть источником амбициозных интересов различных региональных субъектов, особенно в контексте плюралистического «процесса предпринимательства открытия». Решение этой проблемы требует изменений в парадигме оценки, которые возможны только через социальное обучение [6, с. 275–294].

Однако при таком подходе существует риск, который заключается в том, что такой подход может вступить в противоречие с главной проблемой Европейской комиссии об «оценке подотчетности» фондов, инвестируемых в стратегии «умной специализации», и в конечном счете может привести к неэффективной практике оценки. Выход за рамки этой дихотомии требует работы над взаимодополняемостью различных подходов и оценки того, насколько данные оценки, в случае, когда они встроены в соответствующие механизмы управления, могут генерировать коллективное стратегическое обучение.

Таким образом, более глубокое понимание смешанной инновационной политики и политики на местах зависит не только от нахождения надлежащих методов оценки, но и от того, как они регулируются. В современных исследованиях по мониторингу и оценке стратегий «умной специализации» особое внимание уделяется структурам управления, таким как оценочные комитеты (как пассивный механизм оценки прогресса).

Среди аспектов, которые делают инновационную политику совершенно уникальной в контексте стратегии «умной специализации» и связанных с ними устойчивых переходов, можно выделить вертикальность и направленность в экспериментальном контексте. В этом крайне плюралистическом контексте скорее всего будут присутствовать интересы нескольких акторов на разных уровнях, и для навигации по этим интересам потребуются сложное решение по управлению сетью акторов. Действительно, коллективные результаты и полезность оценки будут зависеть от сил различных частных и государственных акторов, участвующих в «процессе предпри-

нимательства открытия», и заинтересованных в результатах оценки.

В менее сложных ситуациях, связанных с инновационной политикой, основные цели оценки, по всей видимости, – подотчетность и контроль, поскольку принятие практических решений осуществляется главным образом в рамках правительства. Это может привести к довольно традиционным процессам оценки, которые опираются либо на внутренних, либо на внешних оценщиков, проводящих оценки на основе экономической эффективности комплекса используемых инструментов (включая их взаимодействие). Тем не менее множественность акторов, участвующих в практическом процессе, связанном со стратегией «умной специализации», изменяет требования наряду с особой чувствительностью направлений, где вероятны конфликты интересов.

Однако это предположение не означает отказа от более традиционных оценок для отдельных инструментов с целью обеспечения подотчетности (например, оценка стратегии «умной специализации» для выполнения требований Европейской комиссии), а скорее интеграцию этих оценок в системные оценки, в которых другие оценки в большей степени ориентированы на обучение [17]. Тем не менее оценка смешанной инновационной политики в контексте стратегии «умной специализации» должна перейти от отчетности к новым механизмам и стратегическому инструменту обучения на различных уровнях.

Степень вертикальности и направленности смешанной политики обуславливает новую модель управления на основе экспериментов, в которых акторы, внедренные в «процесс предпринимательства открытия», играют большую роль в управлении инновационной политикой и ее оценке. Ответная реакция стратегии «умной специализации» с точки зрения создания новых механизмов управления может быть разделена на две части: механизмы «жесткого управления» с точки зрения надзора регионального правительства за осуществлением и эволюцией стратегии (и связанную с ней смешанную политику); и механизмы «мягкого управления» с точки зрения более широкого участия, наряду с правительством, бизнеса, науки и гражданского общества в так называемом «процессе предпринимательства открытия». Оба они по-разному реагируют на

вызовы в области управления сетью акторов, связанных со смешанной инновационной политикой вертикальностью, направленностью и экспериментированием в контексте «умной специализации».

Ключевым новшеством в механизмах «жесткого управления» стало создание в рамках Европейского союза межведомственного комитета для координации осуществления стратегии между различными заинтересованными правительственными ведомствами, а также для выполнения функций координационного центра по вертикальной, межведомственной координации [17]. Этот комитет состоит из представителей семи региональных управлений совместно с департаментами правительств, и его основная роль – расстановка сил и контроль выполнения стратегии. Именно в этом пространстве формируется общее видение в рамках правительства, тот самый аспект, который особенно важен для целей смешанной политики, поскольку в него входят представители различных так называемых «имплиментаторов» этих инструментов. Все эти «имплиментаторы» признают потенциал, имеющийся для улучшения коммуникации и координации между правительственными ведомствами вокруг смешанной инновационной политики, и обсуждения здесь также формируют основу для более тесной координации с правительственными учреждениями на различных уровнях через межведомственный комитет, который собирается после каждого межведомственного совещания. Таким образом, можно утверждать, что эти новые «внутриправительственные» механизмы управления в ответ на вызовы стратегии «умной специализации» способствуют лучшему практическому управлению в регионе.

С точки зрения механизмов «мягкого управления» ключевым новшеством является создание так называемых «живых процессов развития приоритетных направлений». На практике они организуются через «руководящие группы» как пространства, объединяющие ключевых государственных и частных агентов, и тем самым образуют координационный центр для создания соответствующих тематических рабочих групп для изучения и развития каждой из приоритетных областей. В случае предварительного технологического приоритета, например, в

состав руководящей группы входят представители каждого правительства (как правило, департаменты экономического развития), от кластерных объединений и предприятий, от науки и технологических акторов (технологических центров и университетов).

Подводя итоги, можно с уверенностью подчеркнуть, что в системе современной инновационной политики управление стратегией «умной специализации» превратилось в новый режим управления. Однако оценка процессов эволюционирует в сторону управления таким образом, что дополняет другие режимы управления и становится ключевым этапом для формирования коллективного знания о вкладе смешанной инновационной политики в эволюцию стратегических приоритетов.

Понятие «смешанная политика» стало очень популярным среди исследователей инновационной политики, а также среди регуляторов инновационной политики, чему способствовало быстрое появление стратегий «умной специализации» в качестве новой региональной основы инновационной политики. Ключевые особенности стратегии «умной специализации» делают её чрезвычайно интересной платформой для анализа смешанной политики, в частности, той, которая направлена на содействие устойчивому переходу.

Действительно, можно утверждать, что процессы инновационной политики в рамках стратегии «умной специализации», как и в случае с продвижением устойчивого перехода, происходят в плюралистическом контексте управления. Кроме того, акцент в стратегиях «умной специализации» на приоритизацию экспериментального процесса («процесса предпринимательства открытия») среди частных и государственных акторов добавляет сложности с точки зрения необходимости сочетания инструментов направленной смешанной политики с нейтральными инструментами и активной ролью негосударственных институтов в процессе разработки инновационной политики.

Этот новый контекст инновационной политики создает спрос на новые механизмы и процессы управления как внутри регуляторов, так и за их пределами. В частности, необходимо обеспечить хорошо функционирующую связь между различными правительственными ведомствами и уровнями,

разрабатывающими и осуществляющими соответствующую инновационную политику, и динамичным плюралистическим «процессом предпринимательства открытия», в рамках которого должны формироваться региональные приоритеты в области инноваций. Эти новые механизмы управления, в свою очередь, предъявляют требования к процессам оценки, в частности, к управлению оценкой в целях изучения политики, что означает переход от роли оценки в области подотчетности к формирующей, стратегической роли.

Однако, несмотря на программу «умной специализации», вопросы как в целом управления смешанной политикой, так в частности их последствиями для управления оценкой все еще остаются нерешенными в процессе разработки региональной инновационной политики. На примере Европейского союза можно констатировать, что даже в регионах, которые со временем развили свой потенциал в области разработки инновационной политики, начавшиеся изменения в управлении комплексом мер инновационной политики еще не нашли отражения в управлении оценкой.

Таким образом, новые механизмы управления, способные обеспечить подлинную увязку стратегических и практических процессов, недостаточно разработаны. Эти механизмы придадут согласованность инновационной политике в рамках стратегии «умной специализации». В этом контексте оценки на основе интересов могут быть использованы в качестве стратегических инструментов, а увеличение знаний о смешанной политике среди плюралистического контингента акторов, которые играют важную роль в «процессе предпринимательства открытия», способствует совершенствованию смешанной инновационной политики.

Библиографический список

1. *Зотов В.Б.* О реализации инновационного потенциала города Москвы на территории Юго-Восточного административного округа города Москвы: сборник материалов межрегиональной науч.-практ. конф. / под ред. В.Б. Зотова. М: Издательство Юго-Восток-Сервис, 2009. С.18–28.
2. *Кейнс Дж.М.* Метод профессора Тинбергена // Вопросы экономики. 2007. №4. с. 4–27.

3. *Матрязаев Б.Д.* Макростратегии инновационного развития и глобальный экономический рост: Макроэкономический анализ, тренды, прогнозы. М., 2018.
4. *Матрязаев Б.Д.* Глобальное инновационное лидерство: макроконтур и моделирование его концептуальной основы // Муниципальная академия, 2018. № 1. С. 85–91
5. *Aranguren, M.-J., Magro, E., Wilson, J.R.*, 2017b. Regional competitiveness policy evaluation as a transformative process: from theory to practice. *Environ. Plan. C: Polit. Space*.
6. *Bennett C.J., Howlett M.*, The lessons of learning: reconciling theories of policy learning and policy change. *Policy Sci.* 1992. 25, 275–294.
7. *Bevir, M.* Governance: A Very Short Introduction. Oxford University Press, Oxford, 2012.
8. *Borrás, S., Edquist, C.* The choice of innovation policy instruments // *Technol. Forecast. Soc. Change.* 2013. 80 (8), 1513–1522.
9. *Coenen L., Truffer B.* Places and spaces of sustainability transitions: geographical contributions to an emerging research and policy // *Field. Eur. Plan. Stud.* 2012. 20 (3), 367–374.
10. *Del Río P.* On evaluating success in complex policy mixes: the case of renewable energy support schemes // *Policy Sci.* 2014. 47 (3), 267.
11. *Flanagan K., Uyarra, E., Laranja, M.* Reconceptualising the ‘policy mix’ for innovation // *Res. Policy.* 2011. 40, 702–713.
12. *Foray D.* Should we let the genie out of the bottle? On the new industrial policy agenda and the example of smart specialization // *Antonietti, R., Coró, G., Gambarotto, F.* (Eds.), *Uscire dalla crisi: Città, comunità, specializzazioni intelligenti.* FrancoAngeli, Milan, 2015.
13. *Hodson M., Marvin S.* Can cities shape socio-technical transitions and how would we know if they were? // *Res. Policy.* 2010. 39 (4), 477–485.
14. *Lynn L.E.* The many faces of governance: adaptation? Transformation? Both? Neither? // *Levi-Faur, D.* (Ed.), *Oxford Handbook of Governance.* Oxford University Press, Oxford, 2012.
15. *Magro E., Wilson J.R.* Evaluating territorial strategies. In: *Valdaliso, J.M., Wilson, J.R.* (Eds.), *Strategies for Shaping Territorial Competitiveness.* Routledge, Abingdon, UK and New York, USA, 2015.
16. *Marinelli E., Perianez Forte I.* ‘Smart Specialisation at Work: The Entrepreneurial Discovery as a Continuous Process’, S3 Working Paper Series NO. 12/2017. European Commission Joint Research Centre, Seville. 2017.
17. *Radosevic S.* Assessing EU smart specialization policy in a comparative perspective. In: *Radosevic, S., Curaj, A., Gheorghiu, R., Andrescu, L., Wade, I.* (Eds.), *Advances in the Theory and Practice of Smart Specialization.* Academic Press, London, 2017.
18. *Rodríguez-Pose A., Wilkie C.* Institutions and the entrepreneurial Discovery process for smart specialization // *Kyriakou, D., Palazuelos Martínez, M., Periañez-Forte, I., Rainoldi, A.* (Eds.), *Governing Smart Specialisation.* Routledge, Abingdon, UK and New York, USA, 2017
19. *Rodrik D.* Industrial Policy for the Twenty-First Century. Kennedy School of Government Working Paper RWP04–047. Boston, 2004.
20. *Rogge K.S., Reichardt K.* Policy mixes for sustainability transitions: an extended concept and framework for analysis // *Res. Policy.* 2016. 45 (8), 1620–1635.
21. *Shove E., Walker G.* Governing transitions in the sustainability of everyday life // *Res. Policy.* 2010. 39 (4), 471–476.
22. *Todtling F., Trippl M.* One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // *Res. Policy.* 2005. № 34 (8), 1203–1219.
23. *Truffer B.* The Geography of Sustainability Transitions: Think/act, globally/locally. Inaugural Lectura. Utrecht University. 2016.
24. *Veugelers R.* Too Much of Not Enough Heterogeneity in Innovation Policies Among EU Member States // *European Policy Brief.* 2015. № 8.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

*А.К. КОЧИЕВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: akadeh@yandex.ru*

Аннотация

В статье приводятся выборочные показатели, характеризующие эффективность реализации действующих в России государственных программ и стратегий развития, в частности, рассмотрены такие документы, как Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г., Подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства», Госпрограмма РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». На основании проведенного анализа указаны специфические черты и факторы, препятствующие успешной реализации стратегического курса развития экономики страны в контексте планирования и целеполагания.

Ключевые слова: стратегия, планирование, развитие экономики, инновационная деятельность, развитие промышленности, МСП.

XXI в. ознаменовался для России периодом социально-экономических реформ. На протяжении последних десятилетий государственным аппаратом предпринимаются попытки активизации роста и развития экономики страны, укрепления ее роли на международной арене, усиления политического влияния. В числе отдельных направлений в данном контексте необходимо выделить следующие: создание благоприятной среды для ведения бизнеса и привлечения инвестиций, новая промышленная политика, развитие малого и среднего предпринимательства, увеличения благосостояния граждан, создание эффективно действующей инновационной системы и т.д. Все эти элементы государственной политики нашли свое отражение в стратегиях и

программах, указах, постановлениях и прочих документах долгосрочного планирования.

Безусловно, модернизация текущей модели хозяйствования страны и осуществление ряда стратегических целей могут потребовать более 15–20 лет упорной работы по синхронному развитию всех элементов ее институциональной системы. Однако некоторые промежуточные итоги политики экономических преобразований в отдельных отраслях можно наблюдать и сегодня – по ряду векторов развития России очевиден кризис. Специфика выбора ряда рассматриваемых в статье направлений развития обусловлена возможностью сравнения плановых и реальных показателей, что позволяет сформулировать выводы о степени эффективности предпринятых мер в условиях выделения значительного количества средств федеральным бюджетом.

Некоторые отечественные экономисты, в частности, Г.Г. Малинецкий, Б.А. Виноградов и др. [2, 5, 6], отмечают, что инновационное развитие РФ в настоящий момент находится в том состоянии, которое не позволяет сократить отставание уровня производства от развитых стран. 8 декабря 2011 г. Правительство РФ утвердило Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. Таким образом, на 9 лет вперед были поставлены амбициозные цели. Тем не менее на данный момент можно утверждать, что Стратегия не будет выполнена по ряду ключевых показателей [2]. Приведем выборочные целевые показатели, сформулированные в Стратегии, и реальные результаты (табл. 1).

Как видно из табл. 1, фактический показатель доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции РФ все еще меньше целевого показателя Стратегии

Выборочные целевые показатели Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г. и реальные результаты в целом по России (составлено по [14, 16, 18])

Наименование показателя	2010 г.	2016 г.	2017 г.	Целевой показатель 2020 г.	Фактическое значение к целевому показателю 2020 г.
Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции, %	4,9	8,4	6,7	25–35	В 3,7–5,2 раза меньше
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП, %	1,13	1,1	1,1	2,5–3	В 2,3–2,7 раза меньше
Доля экспорта российских высокотехнологичных товаров в общемировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров, %	0,29	0,33	н/д	2	В 6,1 раза меньше

в 3,7–5,2 раза, доля внутренних затрат на исследования и разработки не достигает целевого показателя в 2,3–2,7 раза. Доля экспорта high-tech-товаров меньше запланированного показателя в 6,1 раза (по состоянию на 2016 г.).

Кроме того, ставилась задача увеличения числа отечественных вузов в международном рейтинге Quacquarelli Symonds World University Rankings, которые оказались бы выше 200-го места, до 4 единиц. Этот показатель на 2019 г. не был выполнен. Несмотря на то что в рейтинг вошли российские вузы, среди которых оказались не только московские университеты, но вузы из Томска, Новосибирска и т.д., в топ-200 вошел только Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, который находится на 90-м месте [17].

По вопросу увеличения доли экспорта высокотехнологичных товаров (табл. 1) необходимо отметить, что Счетная палата указывает на то, что лишь 4 особые экономические зоны (ОЭЗ) можно положительно выделить с точки зрения их эффективности. Заметим, что в 2013–2016 гг. резиденты ОЭЗ преимущественно использовали процедуру реимпорта, т.е. переработанная на территории особой экономической зоны продукция в итоге попадала на территорию Таможенного союза (ТС), минуя уплату необходимых пошлин и таможенных платежей, что позволило ком-

паниям-резидентам сэкономить на платежах свыше 27 млрд р. Такая ситуация наблюдалась до 01.01.2017 г., пока товары, произведенные на территории ОЭЗ из иностранных компонентов, могли признаваться товарами ТС. Аудиторы Счетной палаты отмечают, что резиденты использовали режим реимпорта для минимизации своих налоговых обязательств, но не для производства высококонкурентных товаров для экспорта, хотя активизация экспорта и была одной из основных целей создания ОЭЗ. Можно сделать вывод, что методы стимулирования экспорта российской продукции, выбранные Правительством РФ с использованием ОЭЗ, не дали желаемых результатов [8].

Переизбыток площадей наряду с такими факторами, как проблемы с инженерной инфраструктурой, слабо развитой логистикой или завышенными тарифами, привел к тому, что представители крупного бизнеса неохотно сотрудничают с ОЭЗ. Кроме того, проекты и бизнес-планы не отвечают требованиям потенциальных инвесторов и демонстрируют низкое качество проработки [12]. К вопросу о низкой эффективности ОЭЗ необходимо добавить, что зачастую затягивались сроки строительства объектов инфраструктуры ОЭЗ, что приводило к росту стоимости строительства [7].

Причины неудач связаны, в частности, с тем, что формирование институтов и инфра-

структуры инновационного развития в условиях рыночной экономики было для России относительно новой задачей. Вследствие этого многие идеи и примеры были заимствованы из-за рубежа без критического осмысления. Органы федеральной власти регулярно заявляли о новых крупных инновационных проектах. Субъекты Российской Федерации спешили за центром, создавали ОЭЗ и индустриальные парки, часто не увязывая цель создания ОЭЗ с критериями и механизмами ее достижения [2].

Далее считаем необходимым рассмотреть некоторые промежуточные результаты действующей в РФ Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика», которая имеет ряд подпрограмм. Например, среди подпрограмм значится «Развитие малого и среднего предпринимательства», срок реализации которой 2013–2024 гг. [3]. Согласно проведенным проверкам, в 2014–2017 гг. на развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) в рамках указанной госпрограммы из федерального бюджета было выделено 120,5 млрд р., освоено 98%. Показатели госпрограммы, характеризующие развитие МСП, в 2017 г. по большей части выполнены, однако все плановые значения показателей на 2017 г. были снижены по сравнению с уровнем 2014 г. Так, по одному из основных показателей «Количество вновь созданных рабочих мест в секторе МСП» снижение произошло с 108 тыс., сформулированных в 2014 г., до 25 тыс. в 2017 г. [15]. Таким образом, согласно аудиторам Счетной палаты, ежегодное снижение этого показателя свидетельствует о несущественном влиянии реализации госпрограммы на обеспечение занятости в сфере МСП.

Кроме того, в 2016 г. Президент РФ ставил целью увеличение количества работников, занятых в малом и индивидуальном предпринимательстве, к 2018 г. до 20 млн чел. В данном случае, чтобы подтвердить или опровергнуть получение запланированного показателя, обратимся к данным Единого реестра субъектов МСП (табл. 2).

Так, в 2017 г. среднесписочная численность работников субъектов МСП составляла 15,75 млн чел., в 2018 г. – 15,97 млн чел., а по состоянию на 10.05.2019 г. – 15,47 млн чел. Принимая во внимание тот факт, что это количество не включает индивидуальных пред-

принимателей (ИП), которые за отчетный период не привлекали работников, укажем для справки общее количество ИП. Очевидно, что цель в 20 млн занятых не достигнута. Это подчеркивает и Счетная палата РФ, приводя данные на 1.07.2018 г. – 19,2 млн чел. [1].

Важно также отметить, что регионы России испытывают неравенство при получении субсидий на развитие малого и среднего бизнеса – например, в 2014–2016 гг. более 20% федеральных средств были направлены в 5 из 85 регионов. В 2017 г. около 40% субсидий пришлось на 11 регионов России, получивших более 200 млн р. каждый, хотя 8 регионов получили менее 0,7% субсидий. Заметим, что, согласно проверке Счетной палаты РФ, 5 из 11 регионов, получивших наибольший объем субсидий, не достигли плановых значений по показателю количества созданных рабочих мест в МСП [1].

Как уже указывалось нами в ранее опубликованных статьях, в условиях санкций и продолжающегося экономического кризиса необходимо снижать количество критически важной продукции и технологий, которые в настоящее время импортируются, налаживать их выпуск внутри страны, а это возможно только с развитием отечественного инженерного дела и поддержкой промышленности России. Однако сейчас промышленный сектор РФ все еще использует экстенсивные технологии, значительно отставая от уровня функционирования аналогичных отраслей передовых стран. Технологическое отставание усиливается, страна продолжает применять модель хозяйствования, предполагающую эксплуатацию недр и прочих богатств страны в направлении экспорта и торговли. Промышленность в значительной степени обеспечивает нужны ВПК, диверсификация производства развита мало.

В целом приоритеты, нормативно-правовые основы формирования и реализации промышленной политики в России значительно менялись, начиная от сформулированных в Указе Президента РФ «О Концепции промышленной политики России» (1997 г.) и заканчивая обозначенными в целом ряде проектов законами о промышленной политике в России, вплоть до принятия Федерального закона «О промышленной политике в РФ» (2014 г.). Динамично изменяющаяся экономическая и геополитическая ситуация, появ-

Динамика выборочных показателей субъектов МСП (составлено по [4])

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Отклонение 2019 г. от 2017 г., %
Среднесписочная численность работников, всего, тыс. чел.,	15747	15966	15744	-0,02
в том числе ИП, тыс. чел.	2372	2336	2381	0,4
Количество ИП, всего, тыс. ед.	3143	3254	3410	8,5

ление все новых трендов технологического развития требуют корректировки приоритетов, достижение которых является целью как федеральной, так и региональной промышленной политики [13]. Современные тенденции развития глобальной экономики и темпы научно-технического прогресса обуславливают необходимость промышленного развития нового типа. А учитывая тот факт, что промышленность выступает ядром экономической политики государства [13], считаем необходимым рассмотреть результаты проведения новой промышленной политики в России. Так, в РФ действует Государственная Программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», первоначально утвержденная 5 апреля 2014 г., с тех пор неоднократно претерпевавшая изменения и дополнения.

Рассмотрим некоторые показатели, которые фигурируют в качестве ожидаемых результатов реализации Программы [11], и динамику их состояния (табл. 3).

Данные, проиллюстрированные в табл. 3, показывают, что доля экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта России в 2017 г. составляла 11,5%, что после некоторых перепадов в итоге равно показателю 2014 г. Необходимо отметить увеличение в 10% количества высокопроизводительных рабочих мест в обрабатывающей промышленности по состоянию на 2017 г. Коэффициент обновления основных фондов на протяжении последних лет также остается чрезвычайно низким, что может говорить о недостатке финансовых ресурсов для обновления технологической базы.

Таблица 3

Динамика выборочных показателей, характеризующих развитие промышленности России (составлено по [16, 18])

Наименование показателя	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Доля экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта, %	11,5	13,8	10,7	11,5
Число высокопроизводительных рабочих мест в обрабатывающих производствах, тыс. ед.	3723	3334	3214	3534
То же, рост (снижение), %	1,4	-10,5	-3,6	10
Коэффициент обновления основных фондов обрабатывающей промышленности, %	6.9	6.3	5.2	н/д

Кроме прочего, в Программе развития промышленности и повышения ее конкурентоспособности говорится о сокращении зависимости экономики РФ от импорта критически важных для устойчивого развития страны продуктов, оборудования и технологий, этот вопрос нами также рассматривался в ранее опубликованных статьях. Ситуация наблюдается критическая по ряду товарных групп, например, по фармацевтической продукции – практически вся она на данный момент импортируется. Таким образом, можно сделать вывод, что Программа не приносит желаемых результатов по ряду целевых показателей.

Считаем необходимым отметить, что в 2017 г. Президентом России была утверждена Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г., в которой указан ряд вызовов и угроз экономической безопасности РФ, а также показатели состояния экономической безопасности страны. По нашему мнению, успешной реализации Стратегии экономической безопасности и укрепления экономики РФ будут способствовать, кроме прочих, и те результаты, которые будут получены в ходе выполнения ряда стратегических задач, закрепленных в нормативно-правовых документах государственного и регионального уровня.

Новый указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» ставит перед Правительством РФ и экономикой страны ряд амбициозных целей и задач. С учетом во многом неудачного опыта реализации госпрограмм и стратегий развития различных отраслей и секторов экономики страны за прошедшие годы необходимо выделить несколько блоков проблем отечественной практики государственного стратегического планирования и целеполагания, постепенное решение которых обусловит возможность достижения заданных Президентом РФ ориентиров:

1. Доминирование идеологии прямолинейного заимствования опыта развития передовых стран. Как указывает В.М. Полтерович, инструментарий программ для развивающихся стран должен существенно отличаться от инструментария развития ведущих стран в связи с тем, что институциональные нужды отстающих регионов качественно отличаются от нужд развитых стран по ряду критериев

– это и культура, и технологический задел, и ресурсные ограничения [9, 10].

2. Отсутствие достаточной мотивации для реализующих программы и стратегии органов власти, а также слабая ответственность за отсутствие положительного результата. Это является, кроме прочего, следствием низкого качества институтов российского государства. Об этом свидетельствуют и индексы Worldwide Governance Indicators [18], где в рамках исследования проводится оценка таких компонентов государственного управления, как учёт мнения населения и подотчётность госорганов, политическая стабильность и отсутствие насилия, эффективность правительства, качество законодательства, верховенство закона, контроль над коррупцией. Наша страна имеет низкие рейтинги по всем категориям и значительно отстает от развитых стран.

3. Совершенствование государственного института планирования. На сегодняшний момент созданы такие структуры, как Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, а также Центр стратегических разработок, Институт экономики роста им. П.А. Столыпина (который можно отнести к альтернативным), однако документы стратегического планирования страны разрабатываются рядом государственных структур по поручению Президента, Правительства и т.д., зачастую это происходит недостаточно скоординированно, без возможности внести какие-либо критические замечания. Кроме того, зачастую в разных стратегических документах ставятся несогласованные задачи, показатели разнятся, корректировка их не производится. Как отмечает А.Л. Кудрин, система стратегического планирования на сегодняшний день в РФ функционирует недостаточно эффективно. Все это диктует необходимость создания продуманной, логически согласованной, последовательной, системной программы реформирования и развития экономики РФ.

4. Сложность в экспериментальной проверке работоспособности предлагаемых к реализации документов стратегического планирования России.

В заключение заметим, что единый алгоритм формирования эффективных стратегий роста и развития, которые бы приносили безусловно положительные результаты,

на сегодняшний день не создан в силу того, что каждая отдельно взятая территориальная единица обладает набором специфических особенностей экономического, социально-культурного, природно-климатического, индустриального и прочего характера. Кроме того, международное окружение, геополитическая ситуация также накладывают свои отпечатки на текущую проблемную ситуацию, требующую решения. В свете этого мы разделяем точку зрения ряда экономистов о том, что каждое отдельное преобразование должно быть подвергнуто тщательному исследованию и обсуждению, в том числе с участием представителей экономической науки.

Библиографический список

1. Аудит от Кудрина: почему неэффективна господдержка малого бизнеса. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/08/2018/5b687b5e9a79477837be4cc6>
2. *Виноградов Б.А., Новиков Б.А., Вольнов А.А.* Есть ли путь из инновационного тупика? // *Инновации*. 2019. №1 (243). С. 3–10.
3. Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/823/events/>
4. Единый реестр субъектов МСП. URL: <https://ofd.nalog.ru>
5. *Иванов В.В., Малинецкий Г.Г.* Стратегические приоритеты: перспективы прорыва и наука России // *Стратегические приоритеты*. 2018. №2 (18). С. 56–95
6. *Малинецкий Г.Г.* Инновационный кризис, политика, самоорганизация // *Инновации*. 2018. № 8 (238). С. 3–12
7. Механизм ОЭЗ по-прежнему неэффективен для российской экономики. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/34870?sphrase_id=10478583
8. Особые экономические зоны не справились с задачей развития экспорта. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/36068/>
9. *Полтерович В.М.* Почему реформы терпят неудачу // *Журнал НЭА*. 2014. №3 (23). С. 169–173
10. *Полтерович В.М.* Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // *Журнал НЭА*. 2017. №3 (35). С. 198–206
11. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 328. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». URL: https://base.garant.ru/70643464/c97cd9b59d97e89f8842c374b081d6f/#block_100000
12. Рейтинг инвестиционной привлекательности индустриальных парков и особых экономических зон – 2017. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/rejting-industrialnih-parkov-i-oez---2017.html>
13. *Романова О.А.* Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Часть 1 // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 2. С. 420–432.
14. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf>
15. Счетная палата дала оценку мерам по господдержке малого и среднего предпринимательства. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/34077/>
16. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
17. QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019>
18. The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org>

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РФ

*Ю.Н. АЛЕКСАНДРИН, кандидат
экономических наук, доцент, доцент
кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: alex_yun.05@mail.ru*

*А.В. ТЫРИНА, магистрант кафедры
мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: a.tyrina2010@yandex.ru*

Аннотация

В статье исследуются проблемы реализации политики импортозамещения в России. Проведен анализ динамики импортозамещения по наиболее импортозависимым отраслям экономики. На основе проведенного анализа авторы предлагают новые финансовые инструменты стимулирования импортозамещения, ориентированные в перспективе на усиление экспортного потенциала и повышение конкурентоспособности российской экономики.

Ключевые слова: импортозамещение, импортозависимость, импорт, экспорт, финансовые инструменты, налоговые льготы, гранты, субсидии.

Политика импортозамещения в условиях санкционного давления со стороны США и стран ЕС является ключевым направлением повышения экономической безопасности РФ. Для эффективной реализации государственной программы импортозамещения необходимо не только нормативно-правовое обеспечение данного направления экономического развития страны, но и оптимизация действующих и разработка новых финансовых инструментов стимулирования хозяйствующих субъектов.

Правительством РФ в Государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» определены следующие приоритетные направления импортозамещения в России до 2020 г. (рис. 1).

Для реализации политики импортозамещения проведена государственная экспертиза более 2,5 тыс. инвестиционных проектов по указанным секторам экономики. Основные критерии для государственной финансовой поддержки инвестиционных проектов импортозамещения: реализация в одном из субъектов РФ, снижение уровня импортозависимости, возможный экспорт продукции, высокая добавленная стоимость, конкурентоспособность по сравнению с зарубежными аналогами [6].

Основные инструменты прямой и косвенной государственной финансовой поддержки предприятий, реализующих проекты в сфере импортозамещения, представлены на рис. 2.

Санкции в значительной степени повлияли на объемы товарного импорта России (табл. 1). Совокупный объем импорта с 2014 по 2018 гг. снизился на 17,04%: на 17,36% – по машинам, оборудованию и транспортным средствам, на 25,74% – по продовольственным товарам и сельскохозяйственному сырью для их производства, на 6,47% – по продукции химической промышленности. При этом существенных изменений в структуре импорта не произошло (табл. 1).

Например, в 2018 г. импорт машин, оборудования и транспортных средств относительно 2014 г. сократился только на 0,19% и составил 47,3%, продовольственных товаров – на 1,46% (12,44%), а по продукции химической промышленности произошел рост на 2,1% (18,3%). В совокупном объеме импорта перечисленные категории товаров составляют около 78% за анализируемый период.

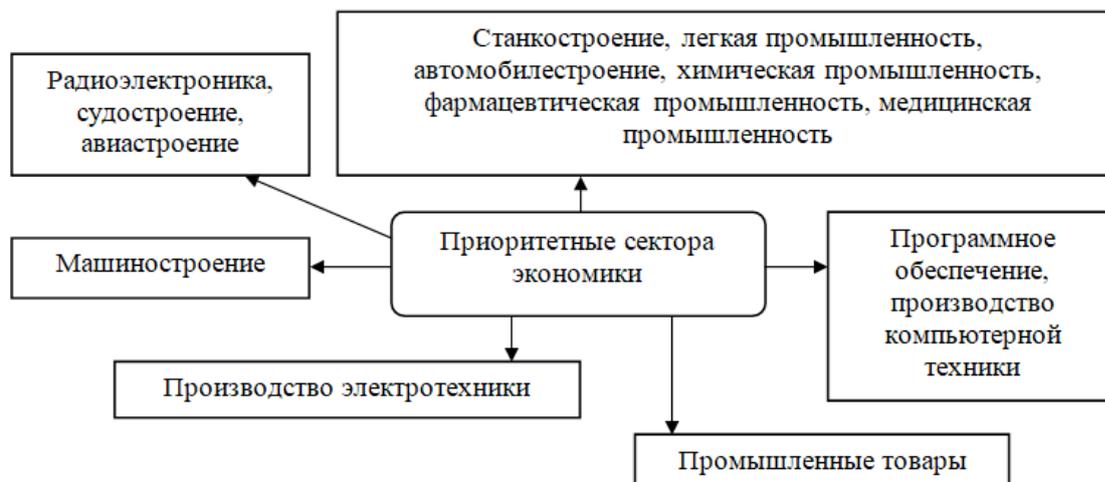

Рис. 1. Сектора российской экономики, приоритетные с позиции импортозамещения (разработано авторами по [6])

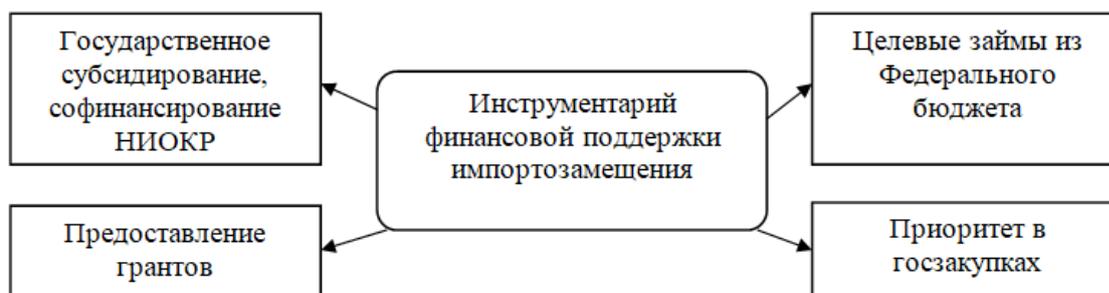

Рис. 2. Инструментарий государственной финансовой поддержки импортозамещения в РФ (разработано авторами по [6])

Таблица 1

Импорт в РФ по основным товарным группам за 2014–2018 гг., млн дол. США (разработано авторами по [3, 7])

Показатели	2014г.	2015г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Импорт - всего	287063	182 404	182 267	227 464	238151
из него: машины, оборудование и транспортные средства	136 318	81 868	86 059	110 460	112 642
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье для их производства	39 905	26 584	25 031	28 924	29 632
продукция химической промышленности	46 462	33 974	33 822	40 298	43 555

Следует отметить, что доля фармацевтической продукции в структуре импорта продукции химической промышленности составляет 38,9%. С 2014 по 2018 г. объем импорта лекарственных препаратов и медикаментов превысил 48 млрд дол. Основные импортеры: Германия, Франция, Италия, США (табл. 2).

Рассмотрим далее подробнее динамику товарной структуры импорта и экспорта РФ по отдельным группам промышленных товаров за анализируемый период (табл. 3, 4).

По сравнению с 2014 г. в 2018 г. объемы импорта выросли на 30,56%. Наибольшая доля импорта в 2018 г. приходится на машины и оборудование, фармацевтическую продукцию, легковые автомобили. За анализируемый период увеличилась доля импорта машин и оборудования, одежды, обуви, гру-

зовых автомобилей. Основные импортеры: Китай (21,7%), Германия (10,9), Беларусь (5,3), США (4,7), Франция (4,6), Италия (4,3), Япония (3,5), Республика Корея (2,7%) [5].

Несмотря на положительное сальдо во внешней торговле РФ (экспорт превысил импорт в 2018 г. в 1,89 раза), следует отметить, что основными позициями экспорта по-прежнему остаются: нефть, газ, уголь, пшеница, черные металлы, т.е. продукция с низкой добавленной стоимостью.

Экспортировала Россия более всего в: Китай (11,9%), Нидерланды (10,5), Германию (8), Турцию (6), Беларусь (4,9), Польшу (3,8), Италию (3,4), Казахстан (3), Финляндию (2,8%) [9, 10].

Если рассматривать импорт и экспорт с точки зрения инновационности продукции,

Таблица 2

Страны-импортеры фармацевтической продукции в РФ [4]

№	Страна	∑ (2014-2018)	Доля
1	Германия	\$9.95 млрд	20.6%
2	Франция	\$4.3 млрд	8.9%
3	Италия	\$2.88 млрд	6%
4	США	\$2.81 млрд	5.8%
5	Швейцария	\$2.54 млрд	5.3%
6	Индия	\$2.49 млрд	5.2%
7	Англия	\$2.22 млрд	4.6%
8	Венгрия	\$1.98 млрд	4.1%
9	Нидерланды	\$1.87 млрд	3.9%
10	Словения	\$1.75 млрд	3.6%
11	Испания	\$1.31 млрд	2.7%
12	Австрия	\$1.3 млрд	2.7%
13	Ирландия	\$1.29 млрд	2.7%
14	Бельгия	\$1.07 млрд	2.2%
15	Польша	\$767 млн	1.6%
16	Пуэрто-Рико	\$706 млн	1.5%
17	Дания	\$692 млн	1.4%
18	Болгария	\$651 млн	1.3%
19	Румыния	\$633 млн	1.3%
20	Швеция	\$604 млн	1.3%
...
По всем странам:		\$48.2 млрд	100%

Товарная структура импорта РФ по отдельным группам товаров в 2015–2018 гг.

Наименование показателя	2015		2016		2017		2018	
	млн дол.	% к итогу	млн дол.	% к итогу	млн дол.	% к итогу	млн дол.	% к итогу
Импорт – всего	182403,5	100	182261,7	100	226966,4	100	238151,4	100
В том числе:								
медикаменты	6 870,6	3,77	7 065,1	3,88	8 581,0	3,78	8 094,4	3,40
одежда	5 098,2	2,80	5 261,1	2,89	6 575,2	2,90	7 061,7	2,97
обувь	1 160,0	0,64	1 103,6	0,61	1 545,1	0,68	1 740,6	0,73
машины и оборудование	81 800,1	44,85	86 314,1	47,36	110 280,8	48,59	112 641,9	47,30
автомобили легковые	6 490,2	3,56	6 027,4	3,31	6 697,5	2,95	7 261,0	3,05
автомобили грузовые	878,9	0,48	1 030,6	0,57	1 998,8	0,88	1 999,0	0,84

Рассчитано авторами по [4].

Таблица 4

Товарная структура экспорта РФ по отдельным группам товаров 2015–2018 гг.

Наименование показателя	2015		2016		2017		2018	
	млн дол.	в % к итогу						
Импорт – всего	343 426,7	100	285 491,1	100	357 083,1	100	449 963,7	100
В том числе:								
медикаменты	–	–	–	–	–	–	–	–
одежда	–	–	–	–	–	–	–	–
обувь	–	–	–	–	–	–	–	–
машины и оборудование	25 385,6	13,92	24 293,4	13,33	28 069,1	12,37	29 059,8	12,20
автомобили легковые	1 109,8	0,61	1 097,5	0,60	1 320,2	0,58	1 287,8	0,54
автомобили грузовые	451,5	0,25	352,9	0,19	335,9	0,15	370,8	0,16

Рассчитано авторами по [9, 10].

то доля высокотехнологичных товаров в 2013–2017 гг. в общем объеме импорта (рис. 3) увеличилась до 68% в 2017 г. При этом доля экспорта (рис. 4) высокотехнологичных

товаров выросла с 10 до 13%, что более чем в 5 раз меньше импорта. Данный факт свидетельствует о значительном потенциале РФ для импортозамещения в указанном сегменте.

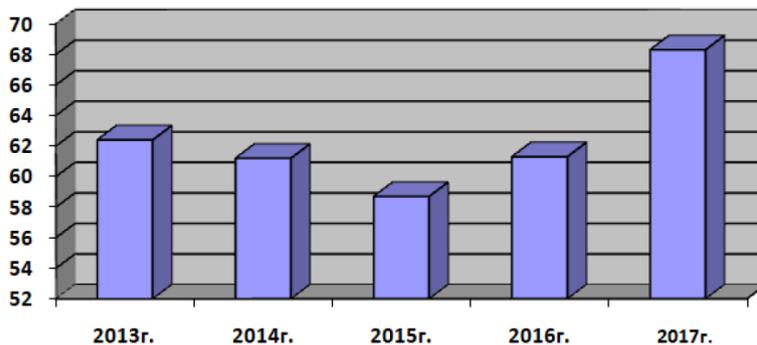

Рис. 3. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме импорта, % (разработан авторами по [1])

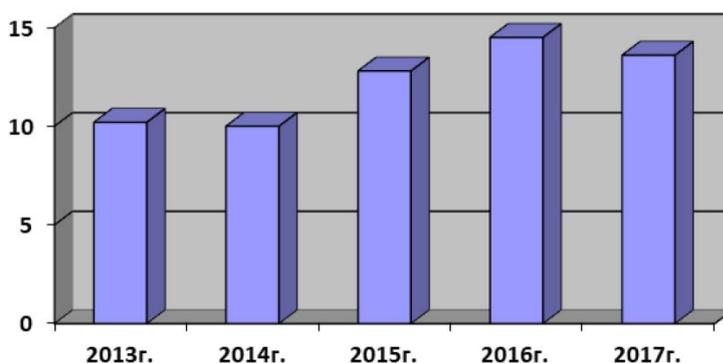

Рис. 4. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта, % (разработан авторами по [2])

Анализ разработанных в РФ передовых технологий по видам экономической деятельности (табл. 5) показал, что в 2017 г. более 25% технологий приходится на металлургическую промышленность и металлообработку, на производство машин и оборудования – 2,3%, транспортных средств – 3,1%, химическую промышленность – 0,6%, деревообрабатывающую промышленность – 0,7%.

В машиностроении количество разработанных передовых технологий за анализируемый период сократилось в 2 раза: с 64 в 2013 г. до 32 в 2017 г. Отсутствие передовых технологий отражается на структуре выпускаемой продукции с точки зрения ее инновационности (табл. 6).

Из данных табл. 6 следует, что в машиностроении доля инновационной продукции составила в 2017 г. 7,9 %, фармацевтической промышленности – 8, химической – 7,9, про-

изводстве текстильных изделий – 4,3, одежды – 1,7, обуви – 0,6%.

В результате проведенного исследования выявлены следующие проблемы реализации политики импортозамещения в РФ:

— во-первых, сохраняется значительная импортозависимость по продукции машиностроения, оборудованию, транспортным средствам, продукции фармацевтической и химической промышленности;

— во-вторых, в указанных секторах отмечается низкая доля разработанных передовых технологий;

— в-третьих, отсутствие высоких технологий отражается на незначительном удельном весе инновационной продукции (услуг) в приоритетных отраслях промышленности.

Для решения указанных проблем в реализации программы импортозамещения мы предлагаем применение следующих финансовых инструментов.

Число разработанных передовых технологий по видам экономической деятельности с 2013 по 2017 гг. [8]

Вид экономической деятельности	2013	2014	2015	2016	2017
Всего	1429	1409	1398	1534	1402
добыча полезных ископаемых	15	25	18	25	23
обрабатывающие производства	398	414	442	523	442
из них: обработка древесины и производство изделий из дерева	8	7	7	8	10
химическое производство (без производства взрывчатых веществ)	1	5	11	9	8
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	84	90	95	106	104
производство машин и оборудования	64	44	34	40	32
производство транспортных средств	40	50	54	49	44
научные исследования и разработки	619	546	529	502	490

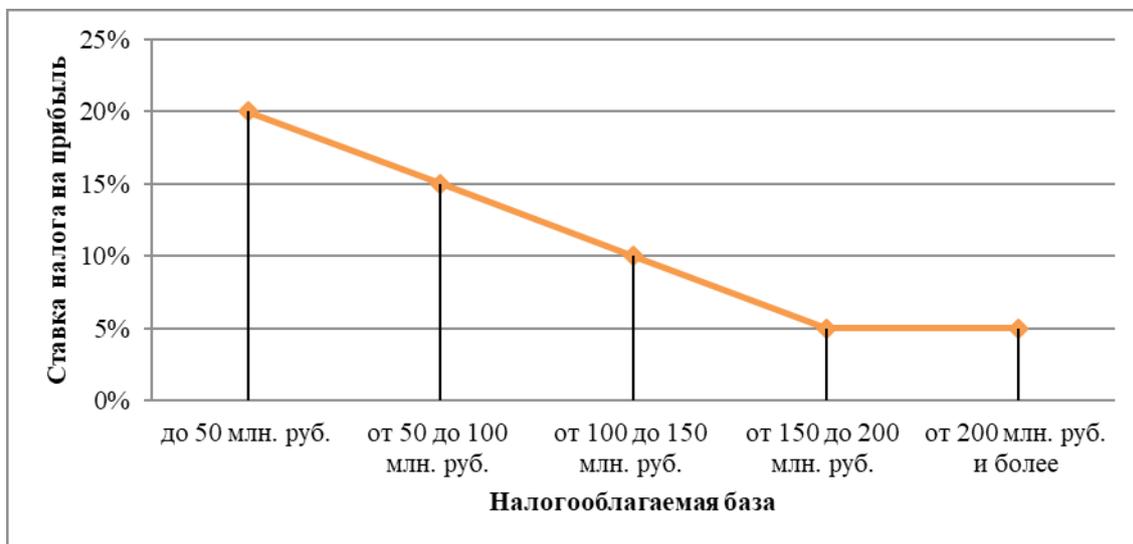

Рис. 5. Регрессионная ставка на прибыль для предприятий-производителей импортозамещающей продукции (разработано авторами)

Таблица 6

Удельный вес инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров (работ, услуг) в обрабатывающей промышленности РФ в 2017 г., % [5]

Вид экономической деятельности	2017 г.
Промышленное производство	6,7
Обрабатывающие производства	8,6
в т.ч.	
производство пищевых продуктов	7,6
производство напитков	3,4
производство табачных изделий	2,0
производство текстильных изделий	4,3
производство одежды	1,7
производство кожи и изделий из кожи	0,6
обработка древесины и производство изделий из дерева	2,1
производство бумаги и бумажных изделий	6,4
деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	4,8
производство кокса и нефтепродуктов	5,0
производство химических веществ и химических продуктов	7,9
производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	8,0
производство резиновых и пластмассовых изделий	9,3
производство прочей неметаллической минеральной продукции	4,2
производство металлургическое	7,0
производство готовых металлических изделий	13,4
производство компьютеров, электронных и оптических изделий	17,2
производство электрического оборудования	8,1
производство машин и оборудования	7,9
производство автотранспортных средств	20,0
производство прочих транспортных средств и оборудования	25,8
производство мебели	1,9
производство прочих готовых изделий	1,4
ремонт и монтаж машин и оборудования	1,0

1. Грантовая поддержка исследований и разработок в наиболее импортозависимых отраслях экономики: на сумму до 500 млн р. в машиностроении, АПК, химической и легкой промышленности; до 1 млрд р. – в фармацевтической промышленности.

2. Специальные налоговые льготы для институциональных и частных венчурных инвесторов, активно применяемых в странах с инновационной экономикой. А именно: освобождение от налогов на НДС, имущество и прибыль венчурных инвесторов при финансировании НИОКР, связанных с импортозамещением, на срок реализации инновационных

проектов. Это позволит снизить нагрузку на федеральный бюджет и стимулировать частные инвестиции.

3. Для стимулирования производителей товаров-импортозаменителей предлагается ввести регрессионную шкалу ставки по налогу на прибыль. В зависимости от объемов производства и реализации импортозамещающей продукции ставка по налогу на прибыль снижается в 4 раза: с 20 до 5% (рис. 5).

4. Предлагаются налоговые «каникулы» для производителей товаров-импортозаменителей из Перечня жизненно важных лекарств. Срок налоговых каникул составит

5–7 лет – среднее время инновационного лага для данной категории импортозамещающей продукции.

Данные рекомендации, на наш взгляд, будут способствовать совершенствованию финансовых инструментов стимулирования импортозамещения и в конечном итоге повышению конкурентоспособности российской продукции на внутреннем и внешнем рынках, обеспечению экономической безопасности РФ.

Библиографический список

1. Внешняя торговля. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме импорта. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#
2. Внешняя торговля. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#
3. Импорт Российской Федерацией важнейших товаров. URL: <http://customs.ru/opendata/7730176610-p5statimpvajneytov/>
4. Импорт в РФ продукции фармацевтической промышленности. URL: <https://ru-stat.com/date-M201601-201701/RU/import/RU/06>
5. Наука и инновации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
6. Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности. Государственная программа РФ. URL: <http://government.ru/docs/>
7. Товарная структура импорта Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/#
8. Число разработанных передовых производственных технологий по видам экономической деятельности. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/technol/3-09.xls
9. Экспорт РФ по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2015-2019/RU/export/world>

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ РЫНКА УСЛУГ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ

*С.Ю. ЛОБАНОВ, кандидат экономических наук, председатель совета директоров, ООО «Страховая компания «Арсеналь»
e-mail: sergey@lobanov.ru*

Аннотация

Финансовая безопасность стала самостоятельным сегментом для роста конкурентоспособности национальной экономики. По проблемам обеспечения финансовой безопасности опубликовано достаточное количество научных работ, однако не все вопросы регулирования и обеспечения финансовой безопасности разработаны, в частности это касается такой важнейшей сферы как организация обеспечения финансовой безопасности для рынка страховых услуг страховой компании. Этой теме посвящена предлагаемая статья.

Ключевые слова: организация, финансовая безопасность, рынок услуг, страховые компании.

В рамках перехода к рыночной экономике в 1990-е гг., когда вновь создавалась система государственного устройства страны, функции по обеспечению финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний в 1996–2004 гг. выполнял Департамент по надзору, созданный в рамках Министерства финансов РФ. В период 2004–2011 гг. все полномочия в рамках организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний были в полном составе переданы подразделениям Федеральной службы Минфина России.

С 2011 г. ФССН была упразднена. Функции ФССН по организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний стала выполнять Финансовая служба по финансовым рынкам и банкам РФ. В настоящий момент (с января 2013 г.) все функции по организации обеспечения финан-

совой безопасности для рынка услуг страховых компаний выполняет Департамент по организации работы страхового рынка в составе Центрального банка РФ. Данный Департамент наделен рядом полномочий по организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний. Он также вправе начать проведение проверки и вправе наказывать всех административно виновных в снижении уровня финансовой безопасности страховых компаний, также начинать дела в судах РФ.

Предлагаемые нами основные этапы организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний представлены на рис. 1.

В рамках первого этапа до установления номенклатуры рисков для финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний данные риски ранжируются в соответствии с уровнем их значимости, что, в свою очередь, можно осуществить на базе, например, методик ведения страховой деятельности. Это позволит эффективно провести распределение ответственности и полномочий соответствующих служб специальных институциональных структур по проведению оценки, анализу и обеспечению финансовой безопасности на рынке услуг страховых компаний. При этом здесь оценка внешних рисков для обеспечения финансовой безопасности, которые не связываются с деятельностью страховых компаний, а также внутренних специфических рисков на рынке страховых услуг должна стать функцией специально организованной институциональной структуры по обеспечению финансовой безопасности, при этом полномочия в управлении внутренними рисками следует распределить по дей-

Рис. 1. Основные этапы организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний

ствующим специальным институциональным структурам, которые занимаются соответствующей указанным рискам деятельностью (важно установить механизм осуществления системной диверсификации в отношении аналитических полномочий по обеспечению финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний).

Далее, в рамках второго и третьего этапов важно разработать первоначальную информационную базу, построить систему показателей, а также критериев по оценке возможностей обеспечения желательного уровня финансовой безопасности на рынке услуг страховых компаний на основе принципов по распределению полномочий между специальными институциональными структурами. В рамках оценки внутренних, внешних угроз для обеспечения финансовой безопасности на рынке услуг страховых компаний возможно эффективно применять методы по проведению стратегического анализа, например, универсальный подход к оценке системы фак-

торов рискованности построения внутренней среды рынка услуг страховых компаний на базе технологий SNW-анализа. В свою очередь, в отношении внешних угроз для обеспечения финансовой безопасности анализ наиболее удачен в рамках методики оценки уровня инвестиционной привлекательности страховых компаний, которая объединяет довольно значительный комплекс показателей и критериев.

В рамках четвертого этапа целесообразно построить оптимизационную модель обеспечения финансовой безопасности на рынке услуг страховых компаний на базе интеграции системы показателей оценки внешних, внутренних угроз для ведения страховой деятельности. Для данной оценки следует использовать модели осуществления системной интеграции процессов по обеспечению финансовой безопасности, имитационные и статистические модели локализации угроз для страховой деятельности. Важно отметить метод главных компонент в деятельности

специальных институциональных структур для реализации целей по снижению уровня размерности факторов, последующего ограничения параметров угроз для финансовой безопасности на рынке услуг страховых компаний. Посредством указанного метода появляются возможности применить методiku оптимизационного соответствия действий по обеспечению финансовой безопасности комплексному региональному или отраслевому риску функционирования рынка услуг страховых компаний (иными словами, сводной системе согласованных показателей деятельности страховых компаний в различных регионах и сферах страны).

В рамках пятого этапа при разработке системы по оптимизации действий по обеспечению финансовой безопасности на уровне управленческих компетенций сотрудников (работников специальных институциональных структур) будет проводиться управление рядом отдельных рисков ситуаций на рынке услуг страховых компаний (микрохедж), результатом чего будет формирование государственной и институциональной системной политики по обеспечению финансовой безопасности на рынке услуг страховых компаний посредством общепринятых методов и форм. Однако следует указать на тот факт, что ряд методов, например, метод диверсификации, необходимо применять при локализации рисков ситуаций на рынке услуг страховых компаний не только в рамках пятого этапа. Так, диверсификация активов страховых компаний по срокам является базисом для оценки возможных рисков, иными словами, данный метод может применяться уже в рамках второго–третьего этапов организации обеспечения финансовой безопасности как базовый метод. Отсюда, диверсификация при обеспечении финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний может рассматриваться и в качестве метода по оценке, и в качестве метода общего обеспечения финансовой безопасности, поскольку по факту применения данного метода усиливается эффективность действий специальных институциональных структур.

В рамках шестого этапа происходит мобилизация данных по определенным угрозам для финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний в оптимизационную комплексную модель по факту распределения

полномочий, а также ответственности разных специальных институциональных структур. Здесь, правда, комплексный риск будет снижаться, после чего появятся возможности провести повторную оценку уровня оптимальности реализуемых действий по обеспечению финансовой безопасности для целесообразности последующего осуществления мероприятий на седьмом этапе.

В рамках седьмого этапа будет разрабатываться и функционировать механизм выбора и способов оптимизации действий по обеспечению финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний (макрохедж) посредством формирования согласованной внутренней политики для всех страховых компаний и согласованной государственной и институциональной политики, которая будет в значительной степени связана с вопросами организации системы взаимодействий специальных институциональных структур со страховыми компаниями. В основе эффективного применения данного механизма оптимизации действий по обеспечению финансовой безопасности в рамках данного этапа будет лежать диверсификационная политика в отношении формирования ресурсной базы деятельности страховых компаний.

В рамках последнего, восьмого этапа организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний следует провести ретроспективный анализ всех полученных результатов. Именно в рамках восьмого этапа появятся возможности по оптимизации функций специальных институциональных структур, своевременному исправлению возможных просчетов, избежанию данных просчетов в перспективе обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний. Кроме этого, следует отметить, что оценку уровня эффективности обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний возможно проводить посредством оптимизации стратегии долгосрочного развития рынка страхования России по технологиям стратегического анализа, бенчмаркинга и форсайта.

С учетом всего сказанного для повышения эффективности организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний целесообразно в силу множественности и содержательной сложности основных и вспомогательных функ-

ций обеспечения финансовой безопасности создание дополнительной специальной институциональной структуры, которая была бы ответственна за реализацию отдельных составляющих описанных этапов. Такой институциональной структурой, например, может быть центр по обеспечению финансовой безопасности страховой компании.

Центр может быть создан при крупной страховой компании или объединении страховщиков и должен взаимодействовать с Федеральным центром финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний, который, в свою очередь, целесообразно создать при Министерстве финансов РФ – федеральном органе исполнительной власти (ФОИВ). Кроме того, аналогичные Центры могут быть созданы при профильном департаменте регионального и/или муниципального органа исполнительной власти. Далее опишем функции Федерального центра в целом (для федерального уровня исполнительной власти) и более подробно – функции обеспечения финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний, включая функции планирования, координации, мониторинга, контроля и регулирования данного рынка.

С нашей точки зрения, общими функциями Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний должны быть:

- формирование при Федеральном центре финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний экспертных узкоспециализированных сообществ в части решения важных вопросов, которые связаны с защитой финансовых ресурсов страховых компаний, их инвестиций в проекты развития рынка услуг, с развитием форм частно-государственного партнерства на рынке и с саморегулированием страховых компаний;

- формирование на региональном и муниципальном уровнях сети представительств Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний, включая и представительства Центра в государствах СНГ, в прочих государствах дальнего зарубежья для реализации целей по созданию организационно-методического базиса качественного и эффективного оказания страховыми компаниями различных страховых услуг;

- обеспечение развития комплекса механизмов экономической и финансовой экспертизы деятельности страховых компаний, создание системы условий для поступательного профессионального роста экспертных сообществ в вопросах развития рынка услуг страховых компаний, которые имеют практический и успешный опыт проведения экспертиз финансовых угроз и проблем, объединение данных экспертных сообществ под эгидой Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний;

- разработка и практическая апробация эффективных механизмов противодействия преступлениям в финансовой сфере на рынке услуг страховых компаний для реализации целей по защите прав, законных интересов отдельных потребителей услуг страховых компаний, самих страховых компаний и их инвестиций, государства как участника рынка услуг страховых компаний и страхователя своих инвестиционных и инновационных проектов;

- обеспечение эффективного участия в развитии, использовании механизмов и моделей частно-государственного партнерства на рынке услуг страховых компаний и формирование системы финансовых гарантий для реализации целей по соблюдению интересов страховых компаний, государства и его национальных и зарубежных партнеров;

- обеспечение развития и защиты механизмов саморегулирования на рынке услуг страховых компаний в разных сферах предпринимательской и профессиональной деятельности на рынке, активное участие в формировании системы мониторинга и контроля деятельности саморегулируемых структур на рынке услуг страховых компаний (СРО).

В свою очередь, функциями планирования, координации, мониторинга, контроля и регулирования рынка услуг страховых компаний, которые реализуются Федеральным центром финансовой безопасности, будут следующие:

- формирование системы по противодействию сложным преступлениям в финансовой сфере на рынке услуг страховых компаний и обеспечение финансовой безопасности страховых компаний и их инвестиций, обеспечение развития эффективных механизмов и моделей частно-государственного партнерства на исследуемом рынке (функция планирования);

– активное участие в процессах разработки и содействия практической реализации стратегии и программ развития рынка услуг страховых компаний, которые направлены на развитие финансового базиса страховых компаний для реализации целей по обеспечению действенных механизмов защиты финансовых ресурсов и инвестиций, осуществляемых проектов частно-государственного партнерства на исследуемом рынке (функция планирования);

– содействие различным формам установления партнерств, между федеральным уровнем исполнительной власти, региональными и муниципальными органами власти, научно-исследовательским сообществом, страховыми компаниями, ассоциациями, сообществами и профессиональными институциональными участниками рынка услуг страховых компаний по вопросам защиты финансовой ресурсной базы, инвестиций, эффективного обеспечения финансовой безопасности (функция координации);

– построение системы рейтингов для профессиональных участников на рынке услуг страховых компаний в области защиты финансовой ресурсной базы, инвестиций страховых компаний, включая и субъектов в сфере саморегулирования на исследуемом рынке (функция координации);

– обеспечение проведения сбора, изучения, анализа и распространения информации, формирование баз данных, которые затрагивают вопросы эффективного обеспечения финансовой безопасности на рынке услуг страховых компаний (функция мониторинга, контроля);

– обеспечение осуществления научно-исследовательской, преподавательской деятельности в отношении участников рынка услуг страховых компаний на основе собранных, изученных, проанализированных и распространенных данных, сформированных бах данных по вопросам эффективного обеспечения финансовой безопасности на исследуемом рынке (функция мониторинга, контроля);

– максимально возможное и всестороннее содействие процессам разработки комплекса проектов нормативно-правовых актов, которые направлены на регулирование финансовых отношений в различных сферах защиты законных интересов и прав страхователей, страховых компаний, инвесторов проектов,

собственников страховых активов и кредиторов участников рынка, системы частно-государственного партнерства на исследуемом рынке (функция регулирования);

– обеспечение содействия органам государственной власти на всех уровнях управления национальной экономикой в части реализации комплекса мероприятий, которые связаны с гарантированием целевого применения бюджетных ресурсов, направляемых на рынок услуг страховых компаний, защиту интересов страхователей и страховых компаний, участников рынка, привлекающих инвестиции в проекты стратегического развития исследуемого рынка (функция регулирования).

Необходимо также отметить ряд требований, которые должны предъявляться к процессам создания Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний применительно к современным социально-экономическим условиям. Прежде всего следует говорить о том, что Федеральный центр финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний должен создаваться на основе специализированной крупнейшей инфраструктуры и научной базы эффективного государственного участия в развитии национальной экономики. При этом инфраструктура и организационная структура Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний должна развиваться в рамках действующих научно-образовательных центров ведущих профильных вузов страны и Российской академии наук для реализации целей по обеспечению безусловных преимуществ в рамках организации, проведения различных исследований и экспертиз финансовых угроз и возможностей для исследуемого рынка.

Также деятельность Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний должна позволять объединять профессиональные знания, сформированные научным сообществом, опыт практиков исследуемого рынка, узкопрофильных квалифицированных специалистов, действующих госслужащих для реализации целей по развитию рынка услуг страховых компаний в части обеспечения защиты финансовой ресурсной базы и инвестиций страховых компаний. В силу этого Федеральный центр финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний должен объединять в своем

инфраструктурном комплексе саморегулируемые структуры институциональных участников рынка, оценщиков рисков и финансовых угроз, медиаторов, прочих специалистов по развитию и обеспечению эффективного функционирования исследуемого рынка.

Как результат, деятельность Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний должна быть ориентирована на обеспечение эффективной работы систем по управлению финансовыми рисками и угрозами, принятие страховыми компаниями, страхователями и институциональными участниками рынка эффективных и своевременных управленческих решений, которые направлены на предотвращение, на возмещение возможных имущественных и репутационных ущербов для всех участников рынка услуг страховых компаний.

Важно также понимать, что результаты деятельности Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний следует в обязательном порядке использовать для принятия процессуальных и управленческих решений судебными инстанциями, подразделениями органов охраны права и финансового благополучия в силу того, что создаваемый Центр в полной и эффективной мере должен обеспечивать организацию комплексной работы с различными органами федеральной, региональной и муниципальной власти, включая и организацию работы с правоохранительными органами страны для реализации целей противодействия коррупции при оказании страховых услуг и возмещении всех возможных страховых последствий. Еще одним важным требованием к созданию Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний следует считать требование, в соответствии с которым Центр должен в обязательном порядке обеспечивать организацию системной и эффективной работы со СМИ, с различными участниками системы общественного контроля над ситуацией на рынке услуг страховых компаний, включая и международный уровень функционирования исследуемого рынка.

Совершенно очевидно, что в рамках реализации всех описанных этапов организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний требуется наличие значительного багажа разнообразных теоретических знаний, отработанных

практических навыков, системной эрудиции сотрудников Федерального центра финансовой безопасности. Кроме этого, важно обеспечить накопление достаточных массивов и баз данных, средств обработки информации, что также определяет необходимость серьезной теоретической и практической подготовки сотрудников Федерального центра финансовой безопасности. Констатация данного факта делает процессы по комплексному обеспечению финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний весьма дорогостоящим и игнорирование угроз для финансовой безопасности страховых компаний, безусловно, будет приводить к печальным последствиям, поэтому нельзя не учитывать объективную необходимость установления четких требований в отношении нормирования требуемых личностно-квалификационных характеристик работников Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний.

В завершение рассмотрения вопросов организации обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний опишем основные требования к личностно-квалификационным характеристикам работников Федерального центра финансовой безопасности рынка услуг страховых компаний.

В части выявления причин, которые оказывают негативное влияние и воздействие на уровень финансовой стабильности, уровень конкурентоспособности страховой компании, в части принятия мер по локализации, устранению основных угроз для финансовой безопасности страховой компании работник Федерального центра должен владеть знаниями, умениями и навыками: анализа процессов страховой компании для реализации целей по выявлению возможных утраты финансовых ресурсов и инвестиций страховой компании; оценки конкурентной среды, выявления внешних, внутренних угроз для финансовой стабильности страховой компании; формирования системы обеспечения финансовой безопасности для последующей минимизации всех возможных рисков утраты финансовых ресурсов и инвестиций страховой компании; применения методик финансового анализа, всестороннего аудита применительно к выделению в данных методиках процедур, регламентов, требований, рекомендаций по обеспе-

чению финансовой безопасности страховой компании; проведения финансово-экономического и правового анализа противоправной деятельности страховой компании в отношении своей финансовой ресурсной базы и инвестиций при использовании инновационных информационных технологий; подбора необходимой информации для проектирования и анализа систем по управлению рисками утраты базы финансовых ресурсов для большинства методов по проектированию деятельности страховой компании, постановки задач, определения путей достижения.

В части проведения анализа тенденций и закономерностей развития нормативно-правовой базы, которая определяет параметры защиты финансовой ресурсной базы страховой компании, в части использования зарубежного и отечественного опыта по разработке, корректировке нормативно-правовых актов работник Федерального центра должен владеть знаниями, умениями и навыками: проведения мониторинга законодательства РФ, нормативно-правовых актов по вопросам обеспечения финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний; обеспечения внедрения передового зарубежного и отечественного опыта в нормативно-правовые документы, процессы обеспечения финансовой безопасности страховой компании; выработки основных направлений развития деятельности, связанной с обеспечением финансовой безопасности страховой компании; выполнения задач, связанных с выявлением и устранением угроз финансовой безопасности страховой компании; разработки мер и реализации мероприятий, связанных с повышением эффективности комплекса механизмов и моделей обеспечения финансовой безопасности страховой компании при учете состояния национальной, региональной, муниципальной финансовой безопасности.

В части проведения сбора, анализа информации в разных открытых источниках при решении сложных и системно взаимосвязанных проблем обеспечения финансовой безопасности страховой компании работник Федерального центра должен владеть знаниями, умениями и навыками: обучения руководителей подразделений страховой компании, региональных представителей страховых ассоциаций и объединений методам ведения работы с различными доверенными лицами

применительно к коллективам структурных подразделений страховой компании для реализации целей по сбору информации о состоянии финансовой ресурсной базы страховой компании; разработки, реализации положений о возможных альтернативных источниках информирования администрации страховой компании, прочих формах по сбору информации о состоянии финансовой ресурсной базы от сотрудников страховой компании в отношении совершаемых и планируемых противоправных действий, способных понизить уровень финансовой безопасности для компании; анализа социально-экономических показателей финансового состояния подразделений, обособленных структур страховой компании в рамках оценки общего уровня финансовой безопасности для компании; расчета пороговых значений уровня финансовой безопасности и рационального использования методов определения данных пороговых значений для страховой компании.

В части проведения оценки комплексных, альтернативных решений, связанных с защитой финансовых ресурсов, в части проведения анализа и подготовки решений по будущим мероприятиям планирования, координации, мониторинга, контроля и регулирования рынка услуг страховых компаний, в части контроля реализации всех поставленных задач по обеспечению финансовой безопасности для исследуемого рынка работник Федерального центра должен владеть знаниями, умениями и навыками: проведения мониторинга эффективности всех разработанных систем по обеспечению финансовой безопасности для страховых компаний и применения методики по корректировке главных задач управления финансовой ресурсной базы данных компаний; оценки результатов внедрения систем по обеспечению финансовой безопасности для страховых компаний, а также возможной модернизации данных систем применительно к условиям развития страховой компании; рынка услуг страховых компаний, национальной и мировой экономики в целом; разработки альтернативных вариантов по защите финансовых ресурсов страховых компаний при одновременном учете возможностей реструктуризации, диверсификации деятельности компаний; анализа ранее полученных результатов процессов формирования и использования финансовой ресурсной базы страховых

компаний по различным базам данных, применения данных результатов применительно к процессам по обеспечению финансовой безопасности для рынка услуг страховых компаний; использования программных продуктов для обработки всех полученных результатов по измерениям и исследованиям финансовой безопасности, угроз и рисков для деятельности страховых компаний.

Библиографический список

1. *Богатырев С.И.* Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: монография. М., 2016.

2. *Давыдова Л.В., Федорова О.В.* Формирование механизма обеспечения финансовой безопасности в системе финансового менеджмента предприятия. Орел, 2014.

3. *Каурова Н.Н.* Финансово-экономическая безопасность в условиях открытости национальной экономики (теоретико-методологический аспект): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2013.

4. *Хабибулина А.А.* Финансовая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности России. М., 2011.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

*Н.В. ЯШКОВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и менеджмента, Российский университет транспорта (МИИТ), доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
e-mail: nv-nnov@mail.ru*

Аннотация

В современных условиях продовольственная безопасность является основой социально-экономического развития, а также важнейшим элементом экономической и национальной безопасности государства. Именно в системе обеспечения продовольственной безопасности формируются условия и механизмы противодействия угрозам экономической безопасности, а также развития воспроизводственных процессов в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе, которые являются основой повышения уровня самообеспеченности как отдельных регионов России, так и страны в целом. В этой связи необходимо провести сравнительный анализ имеющихся в экономической литературе авторских определений понятия «продовольственная безопасность», а также трактовок, представленных в нормативно-правовой базе, на основании выявленных недостатков разработать авторское определение указанного понятия.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, экономическая доступность продуктов, физическая доступность продуктов питания.

Национальная продовольственная безопасность – относительно новый для российских ученых предмет исследования. Впервые вопросы продовольственной безопасности были затронуты в трудах Т. Мальтуса. Он пришел к заключению, что рост населения многократно обгоняет рост производства продовольствия и, следовательно, продоволь-

ствия на всех может не хватить. Т. Мальтус утверждал, что в мире существует своеобразный механизм автоматического обеспечения соответствия численности населения наличным средствам к существованию, а именно болезни, пороки, войны.

В экономической и научной литературе приводятся различные трактовки понятия «продовольственная безопасность».

В экономической и научной литературе приводятся различные трактовки понятия «продовольственная безопасность».

На основании проведенного сравнительного анализа теоретических подходов к определению понятия «продовольственная безопасность» нами сделаны следующие выводы. В трудах российских ученых продовольственная безопасность рассматривается только с точки зрения физической доступности. На это указывают авторские определения данной экономической категории таких ученых, как А.И. Алтухов [19], О.А. Чернова, В.Е. Степаненко [28].

В трудах зарубежных ученых продовольственная безопасность рассматривается:

а) как механизм защиты отечественного производителя, на это указывает М. Трэйси [27];

б) с позиции обеспечения физической доступности продовольствия [29].

В трудах ученых стран СНГ продовольственная безопасность также рассматривается исключительно с позиции физической доступности продуктов питания для населения. Это отражено в трудах З.Х. Жавнбековой [22] и Г. Султанбековой [26], Л.А. Бимендиевой [21].

В качестве критериев обеспечения населения продовольствием авторами применяются:

а) норматив потребления (Е.Н. Артамошкина [20], У.З. Сафин [24]), однако авторы не уточняют, что они понимают под нормативом потребления: физиологические нормы потребления или нормы потребления исходя из потребительской корзины;

б) гарантированное насыщение продовольственной потребности (А.А. Кудряшова, О.П. Преснякова [23]), авторы не дают пояснений, что они понимают под данным критерием;

г) поддержание нормального образа жизни (Е.В. Серова [25]), автор не конкретизирует, что относится к поддержанию нормального образа жизни, применительно к категории продовольственной безопасности;

д) необходимые и полезные потребности (О.А. Чернова, В.Е. Степаненко [28]), однако авторы определения не поясняют, как количественно измерить полезные потребности и что относится именно к необходимым полезным потребностям с точки зрения продовольственной безопасности.

В рассмотренных авторских трактовках понятия продовольственная безопасность не рассматривается экономическая доступность продовольствия для населения страны (региона).

Вопросы качества продовольствия были затронуты только в определении, данном У.З. Сафиным [24], Г. Султанбековой [26] и Л.А. Бимендиевой [2].

Следует отметить, что ни один из авторов не указал на возможность обеспечения продовольственной безопасности региона за счет развития интеграционных процессов между сырьевой зоной и перерабатывающей промышленностью. Кроме того, приведенные авторские трактовки категории «продовольственная безопасность» не затрагивают демографическую составляющую региона (т.е. не учитывают численность и состав населения).

Вопросы продовольственной безопасности рассматриваются не только в научной экономической литературе, но и в международных правовых актах.

На основании сравнительного анализа международных правовых актов [3–6] можно констатировать во всех международных правовых актах:

1) при определении категории «продовольственная безопасность» применяется как фи-

зическая, так и экономическая доступность продуктов питания;

2) за исключением Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания отмечается качественная характеристика продовольствия через «безопасность продуктов»;

3) отсутствует связь с численностью населения с его возрастным составом.

В странах СНГ большое внимание уделяется вопросам продовольственной безопасности. Во всех странах СНГ (основных и ассоциированных) разработаны и приняты нормативно-правовые акты, регламентирующие данную категорию.

На основании проведенного сравнительного анализа нормативно-правовых актов России [1, 9–15] можно сделать следующие выводы:

1) все страны рассматривают продовольственную безопасность как состояние экономики страны;

2) при характеристике продовольственной безопасности основной акцент делается на собственное производство продуктов питания;

3) не все страны при рассмотрении продовольственной безопасности выделяют демографическую составляющую; это характерно только для:

а) Республики Таджикистан – продовольственная безопасность направлена на обеспечение демографического роста [12];

б) Республики Беларусь – продовольственная безопасность должна отвечать условиям расширенного воспроизводства [9];

в) концепции стран СНГ – продовольственная безопасность должна способствовать реализации демографической политики [11];

4) страны по-разному определяют критерий определения физической доступности продовольствия для населения:

а) на уровне медицинских норм (Республика Беларусь) [9];

б) физиологические нормы потребления (Республика Казахстан) [10];

в) минимальные нормы потребления (Республика Кыргызстан) [13];

д) здравоохранительные нормы (Республика Армения) [15];

5) экономическая доступность продуктов питания указана только в нормативных актах республиках Кыргызстан и Армения.

Особенности определения сущности продовольственной безопасности имеются в законе Республики Казахстан, где особое внимание уделяется агропромышленному комплексу.

Изучив нормативно-правовую базу России и отдельных регионов (Нижегородская, Ульяновская и Свердловская области) [2, 7, 8, 16, 17, 19] можно подвести итог. Все нормативно-правовые акты:

а) рассматривают продовольственную безопасность с позиции физической и экономической доступности;

б) определяют продовольственную безопасность как состояние экономики страны;

в) в качестве основного критерия обеспечения физической доступности продовольствия рассматриваются рациональные нормы потребления;

г) как условие продовольственной безопасности обеспечение населения качественной продукцией.

По результатам проведенного сравнительного анализа теоретических и законодательных подходов к определению категории

«продовольственная безопасность» возникла объективная необходимость конкретизировать данную экономическую категорию с учетом указанных недостатков и неточностей и сформулировать авторское определение.

Продовольственную безопасность следует рассматривать с позиции страны и региона.

Считаем, что понятие «продовольственная безопасность страны» и «продовольственная безопасность региона» не являются полностью идентичными понятиями. Поэтому необходимо дать авторское определение каждого из указанных понятий.

Авторское определение продовольственной безопасности приведено в табл. 1.

В приведенном нами авторском определении устранены указанные выше недостатки, а именно:

1) предложено рассматривать продовольственную безопасность с позиции как физической, так и экономической доступности;

2) указан источник обеспечения продовольственной безопасности страны (собственное производство);

Таблица 1

Авторское определение продовольственной безопасности

Категория	Авторское определение
Продовольственная безопасность страны	Состояние экономики страны и агропромышленного комплекса, позволяющее обеспечивать платежеспособный спрос населения продуктами питания собственного производства, качество которых соответствует требованиям ГОСТ, а количество – установленным рациональным нормам потребления, независимо от конъюнктуры мировых рынков, с учетом возможного расширенного воспроизводства населения страны и его возрастных категорий
Продовольственная безопасность региона	Такое состояние экономики региона и его агропромышленного комплекса, позволяющее в соответствии с природно-климатическими условиями обеспечивать платежеспособный спрос населения продуктами питания как за счет собственного производства (для производящих регионов), так и за счет ввоза продовольствия (не производимого на территории региона) из других субъектов страны (для потребляющих регионов). При этом качество продуктов соответствует требованиям ГОСТ, а количество – установленным рациональным нормам потребления, с учетом возможного расширенного воспроизводства населения региона и его возрастных категорий

Состав категорий «продовольственная безопасность страны» и «продовольственная безопасность региона»

3) отражено требование к качеству продуктов питания;

4) указана связь продовольственной безопасности с демографической составляющей.

Продовольственная безопасность – это многосторонняя экономическая категория, которая включает критерии, необходимые для оценки, это:

– экономическая доступность продуктов, выраженная через обеспечение «платежеспособного спроса населения продуктами питания»;

– физическая доступность продуктов, которая определяется объемом собственного производства и объемом импорта продовольствия из соседних регионов);

– демографическое состояние региона (численность населения и возможность её увеличения);

– качество продуктов питания, которое определено требованиями ГОСТ;

– независимость от внешних экономических условий;

– природно-климатические условия.

Состав категорий «продовольственная безопасность страны» и «продовольственная безопасность региона» несколько отличаются друг от друга. Их состав представлен на рисунке. Многие из представленных на рисунке критериев продовольственной безопасности, являются сложными категориями.

Мы детализировали состав критериев продовольственной безопасности (табл. 2).

Таблица 2

Детализированный состав критериев оценки продовольственной безопасности

Критерий	Состав критерия
Физическая доступность	Объем производства продуктов питания: – наличие сырьевой зоны и динамика ее развития (трудовые ресурсы, посевные площади, поголовье сельскохозяйственных животных, наличие животноводческих помещений, наличие сельскохозяйственной техники); – наличие и состояние перерабатывающей промышленности; – наличие логистических систем между производителями и переработчиками сырья
Экономическая доступность	1. Цены на продукты питания в стране (регионе) 2. Уровень жизни населения страны (региона): – среднедушевые доходы населения; – средний размер пенсии
Демографическое состояние региона	1. Динамика изменения численности населения 2. Численность населения по возрастным группам
Природно-климатические условия	1. Климат 2. Качественный состав почвы

На основании проведенного сравнительного анализа научной литературы и нормативно-правовой базы (российской, зарубежной и стран СНГ) можно констатировать, что продовольственная безопасность – сложная экономическая категория, которая включает критерии, необходимые для оценки продовольственной безопасности. Это:

- экономическая доступность продуктов, выраженную через обеспечение «платежеспособного спроса населения продуктами питания»;
- физическая доступность продуктов, которая определяется объемом собственного производства и объемом импорта продовольствия из соседних регионов);
- демографическое состояние региона (численность населения и возможность её увеличения);
- качество продуктов питания, которое ограничено требованиями ГОСТ;
- независимость от внешних экономических условий;
- природно-климатические условия.

Библиографический список

1. О модельном законе «О продовольственной безопасности»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств

– участников Содружества Независимых Государств от 16 октября 1999 г. № 14–10.

2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120.

3. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. Рим, 2009.

4. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания: принята 16 ноября 1974 г. Всемирной продовольственной конференцией, созванной в соответствии с резолюцией 3180 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1973 г. и резолюцией 3348 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1974 г.

5. World Food Summit. WFS 96 3 – Corr. 1. Rome, Italy, 1996

6. The State of Food Insecurity in the World / The Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2001

7. О продовольственной безопасности Российской Федерации : федер. закон (проект): принят Государственной Думой РФ 10 декабря 1997 г. и одобрен Советом Федерации от 25 декабря 1997 г.

8. О проекте «О продовольственной безопасности Российской Федерации»: постановление Государственной Думы

Федерального Собрания РФ от 16 июня 1999 г. № 4122-П ГД.

9. О концепции национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 марта 2004 г. № 252.

10. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам продовольственной безопасности : закон Республики Казахстан от 11 декабря 2009 г. № 229-IV.

11. О Концепции повышения продовольственной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств : решение Совета глав правительств СНГ от 19 ноября 2010 г.

12. О продовольственной безопасности: Закон Республики Таджикистан от 29 декабря 2010 г. № 641.

13. О продовольственной безопасности Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 г. № 183.

14. О продовольственной безопасности: Закон Туркменистана от 15 июня 2000 г. №29-П.

15. Об обеспечении продовольственной безопасности: Закон Республики Армения от 5 июня 2002 г. №ЗР-338.

16. Об обеспечении продовольственной безопасности в Нижегородской области: Закон Нижегородской области №111-З от 09.08.2011.

17. Об обеспечении продовольственной безопасности в Свердловской области: Закон Свердловской области от 31 января 2012 г. № 6-ОЗ

18. Об обеспечении продовольственной безопасности в Ульяновской области: Закон Ульяновской области от 23.12.2011 № 242-ЗО.

19. *Алтухов А.И.* Продовольственная безопасность Российской Федерации: современное состояние и перспективы решения. М., 1999.

20. *Артамошкина Е.Н.* Приоритеты аграрной политики в вопросах продовольственной безопасности // Экономика, предпринимательство и право.- 2013. №1(18). С. 58–66

21. *Бимендиева Л.А.* Продовольственная безопасность: проблемы и пути ее решения // Вестник КазНУ. Сер. Экономика. 2003. №3. С. 14–16.

22. *Жавнбекова З.Х.* Внутренние и внешние угрозы продовольственной безопасности Казахстана // Вестник КазНУ. Сер. Экономика. 2003. №3. С. 23–27.

23. *Кудряшова А.А., Преснякова О.П.* Продовольственная безопасность: показатели, критерии, категории и масштабы // Пищевая промышленность. 2007. №8. С. 18–21.

24. *Сафин У.З.* Обеспечение продовольственной безопасности в системе экономической безопасности России (теоретико-методологический подход): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010.

25. *Серова Е.В.* К вопросу о продовольственной безопасности России Круглый стол по вопросам продовольственной и аграрной политики. М., 1996. № 1.

26. *Султанбеков Г.* Продовольственная безопасность Казахстана: современное состояние и направления обеспечения // Экономика и статистика. 2001. №1. С. 42

27. *Tracy M.* Agriculture and the food in economy of developed countries: introduction in the theory, practice and policy. The lane with English St.P., 1995.

28. *Чернова О.А., Степаненко В.Е.* Продовольственная безопасность: научно-теоретические подходы к определению терминологии // Юридический мир. 2006. № 10. С. 44–48.

29. *Conway G., Barber E.* After the Green Revolution. Sustainable Agriculture for Development. London. 1990.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ БЕДНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

*Г.А. АНДРОСОВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономики спорта, Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта
e-mail: lunez@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме сокращения масштабов бедности населения в современной России. Рассматриваются особенности определения прожиточного минимума и потребительской корзины, выявлены и классифицированы основные источники, обуславливающие воспроизводство бедности в стране. Определены возможности и основные направления преодоления бедности за счет устранения влияния эндогенных источников, обоснована ведущая роль здорового образа жизни в корректировке социального и экономического поведения населения.

Ключевые слова: бедность, прожиточный минимум, потребительская корзина, источники бедности, здоровый образ жизни.

Бедность представляет собой одну из острейших проблем современного общества: она является фактором социальной напряженности, замедляет экономический рост вследствие недостаточной покупательной способности, не позволяет полностью использовать творческий и трудовой потенциал населения, снижает качество трудовых ресурсов.

В России границей, за которой начинается бедность и обнищание населения, служит прожиточный минимум: семьи, в которых среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, относятся к бедным.

На наш взгляд, определенный таким образом уровень бедности характеризуется некоторой погрешностью, поскольку испытывает влияние двух разнонаправленных факторов.

С одной стороны, не учитывается деятельность теневой экономики, масштабы которой достигают в стране 33,7% ВВП [5]. До 25% заработной платы находится «в тени», охватывая не менее 15 млн работников [8]. С этой точки зрения уровень бедности должен корректироваться в сторону понижения.

С другой стороны, размер прожиточного минимума как критерия бедности значительно занижен, в связи с чем занижена численность населения, проживающего за чертой бедности. «Прожиточный минимум включает стоимостную оценку потребительской корзины, обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина – необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности минимальный набор продуктов питания, а также непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания» [1]. Суммарная стоимость потребительской корзины рассчитывается путем увеличения стоимости продуктового набора вдвое. В этой пропорции видится программирование бедности: по мнению многих экспертов, расходы на питание не должны превышать 30% семейного бюджета.

Прожиточный минимум в начале 2019 г. составил для детей 10390 р., для пенсионеров – 8583 р., для трудоспособного населения – 11280 р. То есть трудоспособный человек должен тратить на питание 188 р. в день, что в современных условиях недостаточно [2].

В состав потребительской корзины не входят многие блага, потребляемые населением: парфюмерно-косметические и спортивные

товары, оплата мобильной связи и Интернета, содержание домашних животных и др. Кроме того, в набор включаются наиболее дешевые товары, тогда как в реальных условиях потребитель вынужден приобретать их по более высоким ценам. Можно утверждать, что действующий в России показатель прожиточного минимума ориентирован на биологическое выживание человека.

Исходя из этого, реальный уровень бедности в России представляется значительно более высоким по сравнению с данными Росстата, согласно которым в 2017 г. он составил 13,2% от общей численности населения [3]. Поскольку в настоящее время за чертой прожиточного минимума находятся более 19 млн чел., то очевидной представляется необходимость выявления и анализа источников бедности в современных условиях. Под источником бедности автор подразумевает совокупность факторов, постоянно воспроизводящих ситуацию бедности.

В зависимости от возможности влияния населения на источники бедности их можно подразделить на две группы: экзогенные и эндогенные. Экзогенные источники формируются внешними обстоятельствами и, как правило, имеют объективный характер для основной массы населения.

Основополагающим источником бедности в стране является неравенство в распределении доходов, при котором на первую квинтильную группу приходится только 5,4% национального дохода, тогда как 20% самых богатых россиян получают 46,8% его величины [3]. Уровень коэффициента фондов стабильно высок: в 2017 г. он составил 15,3 раза, и при существующем механизме распределения в экономике нет оснований ожидать его кардинального снижения. Социальная поляризация обуславливает сужение возможностей воспроизводства рабочей силы за счет падения реальных доходов россиян, спроса на физкультурно-спортивные, образовательные и другие влияющие на формирование личности услуги.

Регионально-географические особенности России определяют различия в уровне экономического развития, климатических и географических условиях регионов, узкой специализации территорий. Проживание в депрессивном дотационном регионе является весьма значимым источником бедности,

поскольку в большинстве случаев влечет низкий уровень доходов, отсутствие перспектив профессионального роста, низкое качество жизни. В 2017 г. наибольшая доля бедного населения отмечается в республиках Тыва – 40,5%, Ингушетия – 32,0, Калмыкия – 27,3, Алтай – 25,8% [4]. При этом до 90% лиц, относящихся к категории бедных, живут в деревнях, селах и районных центрах. Порог бедности в селах составляет 30,7%, в городах с населением до 200 тыс. – 24,3 % [7].

Объективным источником существования бедности служит естественное старение населения, опережающее темпы рождаемости, и увеличение с каждым годом числа пенсионеров. Так, в 2018 г. число россиян старше трудоспособного возраста составило 25,4% всего населения и увеличилось по сравнению с 2017 г. на 0,4% [2]. Выход на пенсию резко сокращает доходы человека вследствие малого размера пенсии, средняя величина которой в 2018 г. составила 14075 р. [2]. Формально средняя трудовая пенсия в стране выше прожиточного минимума, однако в реальности неуклонный рост цен на продукты питания, лекарства и услуги ЖКХ приводит к тому, что пенсионеры относятся к категории незащищенных граждан Российской Федерации. Кроме того, значительная часть пожилых граждан получают пенсию, размер которой ниже среднероссийской. Доля пенсионеров по возрасту в структуре малоимущего населения достигает 7,5% [4].

Все более весомым источником бедности выступают проблемы, связанные с заболеваниями и утратой здоровья. Неблагоприятная экологическая обстановка, низкое качество продуктов питания, доступных для малообеспеченных семей, невозможность получения качественной медицинской помощи и прочие факторы обуславливают ухудшение здоровья нации, распространение таких хронических заболеваний, как болезни эндокринной системы, органов дыхания, системы кровообращения, онкологические болезни. В 2017 г. инвалидизация населения составила 662 тыс. чел., из них в трудоспособном возрасте признаны инвалидами 302 тыс. В структуре малоимущего населения доля инвалидов в 2016 г. составила 1,3% [2]. Таким образом, болезнь или инвалидность одного из членов семьи с большой долей вероятности относит семью в категорию малоимущих. Ситуация

усугубляется при наличии ребенка-инвалида, поскольку в большинстве случаев основное бремя материального обеспечения таких семей несут матери, что, принимая во внимание гендерные проблемы и рост стоимости жизни, приводит к снижению уровня жизни этих семей. Между тем, число детей-инвалидов в России неуклонно растет (табл. 1).

Однако в России в зоне повышенного риска бедности находятся не только социально уязвимые семьи, в конце XX в. появилась социальная группа «новых бедных», к которой относятся полные семьи с двумя и более детьми. Демографические источники бедности основываются на особенностях семьи, а также на опережающем росте цен на услуги, удовлетворяющие современные потребности детей: оплата репетиторов, занятий в спортивной секции, различных гаджетов, взносы на школьные нужды, не говоря о постоянном обновлении одежды и обуви по мере роста ребенка. В этих условиях воспитание второго ребенка становится бременем для семейного бюджета, а в случае неполной семьи практически обрекает ее на бедность. Подоплекой появления «новой бедности» является ее трудовой характер: более половины бедных трудоспособны и заняты на низкооплачиваемых должностях и в отраслях с низким уровнем конкурентоспособности продукции. Так, в производстве одежды в 2017 г. начисленная заработная плата составила 19 776 р. в месяц или 50,5% от среднероссийской, в обувной промышленности – 21000 р. (53,6%) [3].

По своему характеру трудовая бедность относится одновременно и к экзогенным, и к эндогенным источникам бедности, которые формируются самими семьями и, соответственно, могут быть полностью или частично устранены. В условиях рыночных отношений выбор места жительства, сферы трудовой деятельности является безусловным правом и прерогативой работника. Однако использование современных возможностей требует от человека значительных усилий, решимости, переоценки жизненных взглядов и устоев и в

большинстве случаев нейтрализуется другими эндогенными источниками бедности.

Основным из них является патернализм, проистекающий из укоренившейся традиции советского строя и выражающийся в иждивенческих настроениях, нежелании и неумении нести ответственность за собственную жизнь и здоровье. Своеобразная философия бедности, социальная апатия порождает ситуацию, известную под названием «ловушки бедности». В разных странах преобладают свои «ловушки бедности», для России характерна передача бедности «по наследству». Родившись в бедной семье, как правило, человек не может получить качественное образование и высокую квалификацию, что предопределяет проблемы с трудоустройством, низкий заработок, низкую оценку своих возможностей и т.д. Образовав собственную семью, он передает состояние бедности следующему поколению. «Наследственная бедность» формирует у ребенка психологию бедняка, не верящего в свои способности, возможности и будущее благополучие.

Следствием этого выступает такой источник бедности, как вредные привычки и зависимости. Россия входит в десятку стран с наибольшим числом курящих граждан – 31% от всего населения страны [2], при этом среднечеловеческое потребление сигарет достигает 3330 шт. в год [6]. Если принять среднюю розничную цену одной пачки сигарет за 50 руб., то ежегодные расходы курящего на сигареты превысят 26 тыс. р. Для малообеспеченной семьи отказ от курения – существенный резерв экономии, не говоря о таком важном сопутствующем эффекте, как укрепление здоровья курильщика и его семьи.

Значительно более разрушительной по своему влиянию на семейный бюджет, душевное и физическое здоровье является алкогольная зависимость. На начало 2018 г. на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло 1304,6 тыс. чел., однако реальные масштабы бытового пьянства оценить не представляется возможным [2].

Таблица 1

Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет [2]

Год	2012	2013	2014	2015	2016
Всего, тыс. чел.	560	568	580	600	617

Огромный ущерб благосостоянию семьи наносит такая острая проблема, как наркомания: официальная численность наркоманов в России в 2018 г. составила более 230 тыс. чел. [2].

Имеющий пагубную зависимость член семьи, как правило, не является высококлассным и добросовестным работником или вообще не имеет работы, соответственно, не вносит лепту в формирование семейного бюджета, тем самым обрекая семью на малообеспеченное существование.

В последние годы серьезным источником риска бедности становится задолженность населения по кредитам: объем задолженности домашних хозяйств в 2018 г. достиг 14,7 трлн. р. [1]. Дефицит денежного дохода побуждает россиян обращаться за займами, невзирая на достаточно высокие процентные ставки. Данной тенденции способствует нерациональное потребительское поведение части малообеспеченных граждан, которые используют кредитные ресурсы для оплаты дорогостоящих статусных покупок, усугубляя свою имущественную несостоятельность. С другой стороны, в долгосрочном периоде затраты бедных на удовлетворение текущих потребностей выше по сравнению со средним классом, поскольку доступные для бедных более дешевые, некачественные вещи быстрее выходят из строя. Реализуя правило «жить по средствам», около 75 % россиян вынуждены прибегать к экономии на основных потребительских расходах: одежде и обуви – 76 %, продуктах питания – 69 %, развлечениях – 68,2 %, поездках в отпуск – 57,8 % [7].

Для нейтрализации экзогенных источников бедности необходимы ускорение темпов роста национальной экономики и увеличение социальных выплат, чему не способствует современная макроэкономическая ситуация и состояние государственного бюджета. Поэтому реальный путь борьбы с бедностью заключается в устранении эндогенных источников бедности путем изменения социального и экономического поведения малообеспеченных групп населения. Необходимо осознание собственной ответственности за свою жизнь и благосостояние своей семьи, отказ от философии патернализма и понимание того, что в рыночных условиях человек должен делать свой выбор самостоятельно.

Наиболее очевидным направлением выхода из состояния хронической бедности является восприятие здорового образа жизни, который позволяет воспитать качества личности, необходимые для преодоления философии бедности. Главными составляющими здорового образа жизни являются:

– безоговорочный отказ от вредных привычек;

– занятия физической культурой; тренированность дает человеку жизненную энергию, уверенность в себе, обеспечивает высокую трудоспособность, устойчивость по отношению к стрессовым ситуациям, отрицательным эмоциям, болезням; для старшего поколения физическая активность способствует укреплению здоровья, экономии на лекарственных препаратах, росту продолжительности и качества жизни, возможности продолжать активную деятельность; для детей и молодежи физическая культура и спорт служат хорошей альтернативой вредным привычкам, безделью, деградации и создают условия для саморазвития и формирования полноценной целеустремленной личности;

– формирование системы жизненных целей и ориентиров на основе изменения отношения к себе, окружающим и к жизни в целом; у человека появляется возможность повышения профессионального и интеллектуального уровня путем постоянного самообразования, очного или дистанционного обучения, переподготовки и, соответственно, более успешного трудоустройства.

Всеобъемлющее распространение здорового образа жизни является не только общенациональным приоритетом, но и задачей каждого из россиян. Сознательное и ответственное отношение человека к своему здоровью как к общественному достоянию обеспечит экономии на лечении, повышение работоспособности и как следствие – рост доходов семьи, сокращение масштабов бедности.

Библиографический список

1. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон РФ № 134-ФЗ (действующая редакция 2019 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/

2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/
3. Прожиточный минимум в 2019 году по регионам России. URL: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prozitochniy-minimum2019.html>
4. Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. М., 2018.
5. Росстат оценил долю теневой экономики. URL: <https://ria.ru/20180227/1515368247.html/>
6. Статистика курения в России и мире. URL: <http://vsezavisimosti.ru/kurenie/statistika-kureniya-v-rossii-i-mire.html>
7. Тарасов А. Уровень бедности в России. URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html>
8. Черная четверть. URL: <https://rg.ru/2017/08/16/rosstat-kazhdaia-chetvertaia-zarplata-v-rossii-chnaia.html>

МЕДИАТЕХНОЛОГИИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РФ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

*А.Н. МИРОШНИК, кандидат
философских наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет
e-mail: Alexandro200.ru@yandex.ru*

*И.А. ХУСТОЧКИН, студент,
НИУ Московский государственный
строительный университет
e-mail: iahustochkin@gmail.com*

Аннотация

В статье рассматривается такая тенденция развития банковской системы РФ, как цифровизация банковских учреждений. Дается характеристика возросшему уровню конкуренции банков, что привело к сокращению спроса на банковские услуги. В условиях четвертой промышленной революции банки расширяют информационную инфраструктуру, транслируя услуги через социальные сети. Финансовые стартапы, оказывающие длительное время идентичные с банками услуги, сменяются цифровыми онлайн-технологиями.

Ключевые слова: цифровизация банковской системы; финансовый стартап; онлайн-поддержка банковской системы; транслятор банковских услуг; инфокоммуникационное пространство Сбербанка; социальные сети; интернет-банкинг.

Функционирование банковской системы в современных рыночных условиях во многом зависит от внедрения цифровых технологий, позволяющих транслировать и предлагать финансовые товары и услуги. Это дает возможность финансовым институтам позволять более гибко адаптироваться к конкурентной среде. Для удовлетворения потребностей населения важно упростить доступ к услугам. Именно цифровые технологии, представленные социальными сетями становятся сегодня неотъемлемой частью системы управления банками.

Сегодня в условиях цифровизации многих сфер общественной жизни наблюдается тенденция формирования медиапространства финансовых институтов. Особую роль данный процесс в 2000-х гг. стал играть в банковской системе. Технический прогресс, повышение значимости банковских институтов в условиях системной конкуренции обуславливают необходимость в целях финансовой устойчивости крупнейших банков, функционирующих в стране, искать наиболее востребованные, современные технологии взаимодействия с общественностью, социальными структурами, которые позволят продвигать свои финансовые продукты и услуги. Российская практика развития банковской системы за последние десятилетия после дефолта 1998 г. показала нестабильность финансовой сферы, экономики страны в целом, что существенно снизило количество обращений граждан за услугами в банки. Это объясняется конструктивными последствиями развития финансовой и банковской систем в РФ. Во-первых, сегодня появилось множество финансовых стартапов, которые по сути своей оказывают аналогичные услуги, что и банки, что в равной степени приводит к привлечению определённого процента банковских клиентов. Безусловно, это вытесняет банковские услуги на периферию банковской системы. В условиях нестабильности финансовой системы банки вынуждены подстраиваться под требования общества, становиться более мобильными и адаптированными к экономическим и информационным трансформациям. Во-вторых, в условиях перехода к смешанной экономике многократно увеличивается

конкуренция среди коммерческих банков, которая достигает, по мнению главы ЦБ РФ Э. Набиуллиной критической отметки, что обуславливает высокий уровень нелегальной деятельности отдельных финансовых институтов. Степень недоверия граждан к банкам возрастает, что объясняется также низким уровнем финансовой грамотности населения [2, с. 295].

Как показывает практика, во избежание деструктивных явлений в функционировании банковских организаций руководство крупнейших банков берет во внимание социальные сети, которые выступают в качестве важного инструмента продвижения продукции и услуг. Социальные сети становятся незаменимыми в повседневной жизни россиян. Сегодня банки при помощи социальных сетей определяют векторы продвижения финансовых услуг населению и организациям. По мнению финансового аналитика А.В. Сысоева, «Банки используют социальные сети в качестве платформы информирования, взаимодействия, а также воздействия на потенциальных и действующих клиентов».

Эксперт поясняет, что сегодня социальные сети – это ключевые каналы медиадеятельности банков, позволяющие расширить линейку розничных онлайн-продуктов банка.

Одной из тенденций развития банковской системы становится цифровизация операций, которые вытесняют ранее использовавшиеся информационные стенды в банковских офисах: внешняя реклама на билбордах; радио и телевидение, а также самый мощный инструмент продвижения своей продукции – реклама. Вместо этого за последние годы крупнейшие банки РФ получили мощную онлайн-поддержку. По данным мониторинга PR News сервиса автоматического сбора данных в социальных сетях за 2017 г., финансовые аналитики составили рейтинг крупнейших банков, которые используют социальные сети в финансовой деятельности. В рейтинг вошли ТОП-15 банков по количеству подписчиков на каждой из информационных онлайн-площадок. В практическом аспекте для анализа медиапространства крупнейших банков России аналитиками были изучены ключевые критерии оценки каждой из групп: количество

ТОП–15 официальных сообществ банков по количеству подписчиков

Название банка	Количество подписчиков				
	Facebook	Vkontakte	Twitter	Одноклассники	instagram
Сбербанк	424 617	2282804	733034	1 495 458	209000
Группа ВТБ	206 430	6988	113000	0	0
Тинькофф Банк	122 836	287576	129000	53 667	100000
Банк «ТРАСТ»	70 250	33712	19000	34 592	0
Банк ВТБ 24	206 430	63909	18800	6 493	13,604
Промсвязьбанк	44 875	54689	35500	0	6385
ЮниКредит Банк	33 859	96913	3147	2 885	1497
ВТБ Банк Москвы	206 430	63909	18800		13600
Райффайзенбанк	65 969	68393	8595	6 493	9955
Альфа-Банк	22 940	126906	72800	1189	41800
БИНБАНК	23 491	33532	4957	10 469	7401
МДМ Банк	9 480	136	852	2168	14
БАНК УРАЛСИБ	9388	19034	58	0	1134
Банк ОТКРЫТИЕ	19 489	27007	5597	4	13200
Банк АВАНГАРД	8 205	3028	1596	0	326

подписчиков, их вовлеченность в систему коммуникации с брендом, потребителем [1]. Коэффициент вовлеченности банка во взаимодействие с клиентами представляет собой интегральный показатель, отражающий среднюю реакцию одного пользователя на одно сообщение в информационной группе. На основе данных мониторинга официальных групп были получены статистические данные в социальных сетях. Совокупность банков, транслирующих услуги и продукты в информационной платформе социальных сетей, можно представить в виде таблицы.

Согласно данным мониторинга по состоянию на 2017 г. в России действует 15 крупнейших банков. Помимо официальных страниц в социальных сетях каждый из представленных банков имеет свой официальный веб-сайт с самым различным сервисом: от публикации новостей до интернет-банкинга, причем в информационной базе крупнейшие банки имеют обратную связь на официальном портале, а также в сообществах социальных сетей. Расширение медиаканалов как основных технологий предполагает наличие обратной связи с банковскими клиентами в цифровых формах: онлайн-чат, онлайн-звонок и обмен электронными письмами [4, с. 852].

Активные медиа технологии и их внедрение в функционирование российских банков начинается с 2010г., когда наступает период информационной интеграции банков и финансовых институтов в пространство социальных сетей при помощи создания собственных страниц и сообществ. При анализе медиакоммуникационной деятельности крупнейших банковских учреждений важно учитывать данные мониторинга, показывающие, что ведущими социальными сетями – трансляторами новостной информации банковских товаров и услуг является в Российской Федерации «большая тройка»: Facebook (FB), ВКонтакте (VK) и Одноклассники (OK), наряду с этим используется сервис микроблогов Twitter, который только набирает обороты. Менее популярной сетью является (telegram) телеграмм и (instagram) инстаграм, что обусловлено неразвитостью провайдера. Анализ медиапространства как платформы медиакоммуникационных технологий банковской системы позволяет отметить, что роль социальных сетей в развитии банковской системы РФ заключается в том, что появляется

редкая возможность работы помимо целевой аудитории также с сообществом или группой друзей. Медиа технологии, формирующие инфокоммуникационное пространство банков РФ, позволяет определить и «увидеть» будущего или уже обслуживаемого клиента сквозь призму его интересов, высказываний и контактов. Данная система взаимодействия клиента непосредственно с банковской организацией становится практикой функционирования большинства учреждений, в частности Сбербанка, ВТБ 24, причем весьма эффективной. Это обусловлено тем, что сегодня ни один другой вид коммуникаций не позволяет так близко «подойти» к клиенту. На данном основании можно сделать вывод, что большинство менеджеров, работающих в банковских учреждениях, не должны беспокоиться о рентабельности каждого сообщения [2, с. 25].

Медиа технологии в функционировании современной банковской системы РФ вызывают спор относительно создания платформы перехода банков к цифровизации производства путем использования информационного потенциала социальных сетей. Правомерным остается вопрос: какие цели преследуют ведущие банки России, прибегая к социальной сети как платформе медиакоммуникационной деятельности? Бесспорно, для ответа на данный вопрос важно учитывать, что медиа технологии, представленные социальными сетями, – это платформа доступной информации банковского клиента о разных событиях в банке, новых продуктах, акциях, услугах. Действительно, большинство пользователей не имеют возможности получать информацию в силу отсутствия времени для знакомства с перечнем услуг, которые предоставляет финансовое учреждение. В этом случае социальные сети, формирующие медиапространство банка, позволяют сформировать положительный «дружеский» имидж учреждения. основополагающей задачей социальных сетей для банка остается привлечение новых клиентов, для которых банк выступает в качестве друга [4, с. 25].

Для эффективного функционирования банк разрабатывает и внедряет стратегию коммуникационной деятельности, основанную на применении программ по повышению уровня финансовой грамотности граждан. Привлечение клиентов на расстоянии,

упрощение системы доступа к основным продуктам и банковским услугам текущего периода, конструктивное обслуживание – основные векторы развития инфокоммуникационных технологий. Это создает основу для коммуникационного пространства. Аналитик в сфере медиатехнологий в банковской сфере А.А. Какурина подчеркивает следующее: «Социальные сети – это не просто медиапространство, в рамках которого банковские учреждения предлагают выгодные программы, акции клиентам, а каналы трансляции компонентов имиджа конкретного учреждения. Именно поэтому взаимодействие через социальные медиа становится сегодня очень выгодным для потребителя». Медиакоммуникационные технологии в практическом аспекте позволяют транслировать информацию о различных банковских товарах, услугах для отдаленных потребителей. По состоянию на 2017 г. большинство ведущих банков создало собственную корпоративную мини-сеть. Безусловно, крупнейшим учреждением с разветвленной системой медиасотрудничества в России является Сбербанк, который одним из первых и крупнейших коммерческих банковских структур с 2010 г. стал внедрять платежные онлайн-сервисы, которые позволяют ускоренно переводить денежные средства между картами данного банка и интернет-покупок.

На официальных сайтах Сбербанка, ВТБ создан интерфейс для удобства информирования клиентов о новшествах. Гиперссылка на социальные сети позволяет ПАО Сбербанк позиционировать себя как информационный портал «Банк друзей». По статистике на страницах крупнейших социальных сетей Facebook, ВКонтакте и Twitter специалисты отдела по рекламе создают блоги, которые просматривают чаще. Так, в группе ВКонтакте Бинбанк созданы блоги, которые просматривают в месяц более 11 тысяч потенциальных клиентов банковских услуг. Так, председатель совета директоров Олег Тиньков размещает в своем блоге интервью с известными бизнесменами и представителями шоу-бизнеса, рассказывает о планах топ-менеджмента банка, своем жизненном опыте. Это позволяет привлечь большое количество читателей, получающих информацию о новых продуктах и предложениях банка. Важно отметить, что на практике банк сосредоточивается на

одной социальной сети и ведет основную работу там. Соответственно, в зависимости от выбора, группа банка в данной сети имеет большой численный перевес по сравнению с двумя другими социальными провайдерами [3, с. 33]. Сайт «Одноклассники» является менее популярным информационным каналом, используемым банками. Однако по данным мониторинга большинство россиян большую часть информации об изменениях в банковской системе РФ узнают из информации социальных групп. По сравнению с двумя другими информационными технологиями аудитория этой сети более возрастная. Своя группа в «Одноклассниках» есть почти у всех банков, однако перевес в пользу этой сети обеспечило несколько больших по численности групп Сбербанка.

Наименее распространенным информационным каналом и информационной технологией является социальная сеть «ВКонтакте». Он мог бы попасть и на первое, причем с большим отрывом, если бы не группы Сбербанка со значительной численностью пользователей, изменивших всю картину. На сайте «ВКонтакте» есть сообщества у всех участников рейтинга. Таким образом, в социальной сети «ВКонтакте» банками создана мощная медиа стратегическая площадка для работы с молодежной аудиторией. Исходя из анализа данных мониторинга можно отметить, что третьей по популярности остается сеть Facebook, которая имеет представительства не для всех крупных банков. Тут абсолютные лидеры «Тинькофф Кредитные Системы», на втором месте НБ «Траст». Также весьма большие группы у ВТБ 24 и Сбербанка. Соотношение информационных технологий, каналов медиакоммуникационного сотрудничества позволяет нам определить показатель, который вполне пригоден для сравнения «социальной» активности различных банков. Сегодня ведущие банки не ограничиваются созданием сообществ. Последнее время не только отмечается информационная активность, но и ищутся новые формы работы в социальных сетях. Для привлечения пользователей эксперты разрабатывают игры, опросы, банковские приложения. Это отражено на официальных сайтах ведущих банков РФ. Так, один из крупнейших банков Альфа-Банк проводил кампанию по повышению узнаваемости бренда, предлагая страховать свои

фотографии в «Одноклассниках» от плохих оценок. Это привлекло внимание будущих клиентов, которые были заинтересованы узнать об услугах банка.

Современная банковская система России внедряет новые инфокоммуникационные технологии, которые ускоряют финансовые операции на расстоянии, удешевляют их обслуживание. Социальные сети становятся каналом трансляции услуг. Ориентированное на процесс управление операциями в банках РФ рассматривается как совокупность взаимосвязанных бизнес-процессов, ориентированных на результат и оптимальный способ его достижения. В условиях четвертой промышленной революции банки расширяют информационную инфраструктуру, транслируя услуги через социальные сети. Финансовые стартапы, популярные в 2000-х гг., были заменены цифровыми онлайн-технологиями, которые оказываются более востребованными. Именно в современном информационном пространстве социальные сети нашли способы монетизации и стали успешными бизнесами.

Библиографический список

1. *Басова С.Н., Какурина А.А.* Интегрированные маркетинговые коммуникации банка как фактор его конкурентоспособности на рынке финансовых услуг // *Перспективы Науки и Образования*. 2014. № 1. С. 294–299.
2. *Сысоева Е.Ф.* Тенденции развития банковской системы России в условиях турбулентности // *Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление*. 2015. №1. С. 23–32.
3. *Перекатов Б.А., Тютиков Ю.П.* Подходы к разработке корпоративной стратегии // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2017. № 1. С. 33–34.
4. *Шевченко Е.И., Рудская Е.Н.* Омниканальная стратегия: интеграция каналов продвижения банковских продуктов и услуг // *Молодой ученый*. 2017. № 10. С. 850–861.
5. *Александров И.* Какой должна быть страница банка в социальной сети? Опыт ВТБ24. URL: <http://www.slideshare.net/ИльяАлександров4/ss-54137039>

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЕКТОРОВ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ

*К.Е. КОПЬЁВ, студент магистратуры
кафедры экономического анализа,
статистики и финансов,
Кубанский государственный университет
e-mail: 16tonax@mail.ru*

*А.А. ГАВРИЛОВ, доктор экономических наук,
профессор, профессор кафедры экономического
анализа, статистики и финансов,
Кубанский государственный университет
e-mail: gavrilovcc@rambler.ru*

Аннотация

В статье проверяется гипотеза о наличии зависимости между годовым объемом выданных ипотечных жилищных кредитов (ИЖК), средневзвешенным сроком кредитования, годовой средневзвешенной ставкой по ипотечным жилищным кредитам, средней ценой одного квадратного метра квартир на рынке жилья, годовым объемом жилищного строительства и среднедушевым доходом населения.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, годовой объем ипотечных жилищных кредитов, средневзвешенный срок кредитования, среднегодовая ставка по ипотечным жилищным кредитам, средняя цена одного квадратного метра квартир на рынке жилья, годовой объем жилищного строительства, доход на душу населения.

Одной из наиболее важных составляющих государственной социально-экономической политики России уже долгое время остаётся проблема обеспечения жителей нашей страны жильём. Развитие системы ипотечного кредитования невозможно без улучшения жилищных условий граждан, а также без стимулирования спроса на рынке недвижимости и строительства новых жилых объектов [6].

Рабочая гипотеза исследования состоит в наличии зависимости между годовым объемом выданных ИЖК в миллионах рублей, средневзвешенным сроком кредитования в месяцах, годовой средневзвешенной ставкой по ИЖК в процентах, средней ценой одного квадратного метра площади квартир на рынке жилья в рублях, годовым объемом жилищного

строительства в тысячах квадратных метрах и среднедушевым доходом населения в рублях.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть её, проведём регрессионный анализ ИЖК по федеральным округам Российской Федерации, взяв за основу статистические показатели 2017 г. Зависимым показателем (Y) в данном анализе будет являться годовой объём выданных ИЖК (млн р.). За независимые показатели, которые, возможно, оказывают влияние на объёмы выданных ИЖК, примем статистические данные экономического состояния сферы ИЖК. На данном этапе развития системы ИЖК существует немалое количество факторов, оказывающих как стимулирующее, так и сдерживающее воздействие на рынок ИЖК.

Выберем из них основные и укажем значения в табл. 1:

X_1 – средневзвешенный срок кредитования, мес.;

X_2 – годовая средневзвешенная ставка по ИЖК, %;

X_3 – средняя цена 1 м² площади квартир на рынке жилья, р.;

X_4 – годовой объём жилищного строительства, тыс. м²;

X_5 – среднедушевой доход населения, р.;

Уравнение регрессии будет иметь следующий вид:

$$Y = \alpha + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \beta_4 X_4 + \beta_5 X_5, (1)$$

где α – константа;

β_i – коэффициент регрессии, показывает, насколько изменится Y (в единицах измерения Y), если увеличить X_i на единицу.

Таблица 1

Показатели рынка ИЖК за 2017 г., разбитые по федеральным округам РФ [1–3, 5]

Округ	Y, млн р.	X1, мес.	X2, %	X3, р.	X4, тыс. м ²	X5, р.
ЦФО	627 051	191	10,64	54 592	23 947,4	40 594
СЗФО	257 421	181,4	10,65	71 014	8 878,6	33 669
ЮФО	138 770	193	10,7	64 028	9 542,6	27 234
СКФО	40 284	193,2	10,72	48 691	4 933	24 270
ПФО	403 282	185,2	10,6	37 107	15 573,4	25 971
УФО	217 832	187,6	10,65	44 863	6 267,4	32 712
СФО	236 798	181,2	10,66	51 442	7 257	23 860
ДВФО	99 964	182	10,57	44 797	1 969,6	37 223

Из-за малого количества наблюдений регрессионная математическая модель, построенная по первичным данным, может оказаться в корне неверной. Чтобы быть уверенным в её точности, необходимо проанализировать матрицу парных коэффициентов корреляции,

после чего можно будет выбрать из имеющихся факторов нужные для модели множественной регрессии [4].

Представим результат анализа матрицы парных коэффициентов в табл. 2.

Таблица 2

Матрица парных коэффициентов корреляции пятифакторной регрессионной математической модели

	Y	X1	X2	X3	X4	X5
Y	1,000000	0,005106	0,310732	0,034074	0,941393	0,562645
X1		1,000000	0,645831	0,044084	0,286376	0,093039
X2			1,000000	0,443701	0,077371	0,504680
X3				1,000000	0,054511	0,154165
X4					1,000000	0,331712
X5						1,000000

Проанализировав строки матрицы, можно найти такие факторы, которые имеют высокую степень зависимости с результативным показателем, а значит, их нужно включать в модель. В данном анализе наивысшая связь с годовым объёмом выданных ИЖК наблюдается у факторов X_4 и X_5 . Но при составлении многофакторных моделей необходимо строго соблюдать правило отсутствия мультиколлинеарности, т. е. как можно меньшей коррелированности (зависимости) факторов, включенных в модель.

Мультиколлинеарность – это линейная зависимость переменных (факторов) регрессионной модели друг с другом. Из-за наличия мультиколлинеарности, как правило, появляются очень большие ошибки во время вычисления коэффициентов множественной регрессии [4].

Самым распространенным способом устранения мультиколлинеарности считают удаление одной объясняющей переменной. В таком методе из анализа удаляют тот фактор, который имеет наиболее высокий парный ко-

эффициент корреляции ($r > 0,5$) с другим фактором [4].

В нашем анализе факторы и коррелируют с другими на допустимом уровне. На текущем этапе регрессионного анализа целесообразно убрать из модели X_1 и X_3 (слабо коррелируют с Y), X_2 (коррелирует с X_5). Это способствует увеличению истинности и адекватности модели. Повторим предыдущее действие с учётом исключённых факторов.

Представим результат анализа матрицы парных коэффициентов в табл. 3.

Данные табл. 3 говорят об отсутствии мультиколлинеарности между факторами X_4 и X_5 после исключения трёх других факторов. Значит, можно построить искомое уравнение множественной регрессии с учётом исключенных факторов (табл. 4).

Коэффициент детерминации (R-квадрат) показывает, что объём ИЖК на 91,16 % зависит от годового объёма жилищного строительства и среднедушевых доходов населения.

Математическая модель будет выглядеть следующим образом:

Таблица 3

Матрица парных коэффициентов корреляции двухфакторной регрессионной математической модели

	Y	X4	X5
Y	1,000000	0,941393	0,562645
X4		1,000000	0,331712
X5			1,000000

Таблица 4

Параметры двухфакторной модели

Множественный R	0,954792
R-квадрат	0,911628
Константа	-135848
Коэффициент β_1	24
Коэффициент β_2	5

Моделирование векторов развития системы ипотечного жилищного...

$$Y = -135\,848 + 24X_4 + 5X_5, \quad (2)$$

где Y – это годовой объём выданных ИЖК в млн р.;

X_4 – это годовой объём жилищного строительства, тыс. м²;

X_5 – среднедушевой доход населения, р.

Далее проведём регрессионный анализ ИЖК в целом по Российской Федерации, взяв за основу статистические показатели 2008–2017 гг. Рассмотрим показатели табл. 5.

Вновь проанализируем матрицу парных коэффициентов корреляции, чтобы выбрать

из имеющихся факторов нужные для модели множественной регрессии.

Представим результат анализа матрицы парных коэффициентов в табл. 6.

Здесь наблюдается наиболее высокая связь годового объёма выданных ИЖК с факторами X_2 , X_4 и X_5 . Поэтому целесообразно убрать из модели X_1 и X_3 (слабо коррелируют с Y), а также X_5 (мультиколлинеарность с X_2 и X_4). Повторим предыдущее действие с учётом исключённых факторов (табл. 7).

Данные табл. 7 говорят об отсутствии мультиколлинеарности между факторами X_2

Таблица 5

Показатели рынка ИЖК за 2008–2017 гг. в целом по РФ [1–3, 5]

Годы	Y, млн р.	X1, мес.	X2, %	X3, р.	X4, тыс. кв. м	X5, р.
2008	560 670,9	215,3	12,9	53 253	63 692	14 932
2009	142 967,7	197,5	14,32	51 857	59 831	16 895
2010	364 634	196,3	13,05	53 768	58 113	18 958
2011	697 417	178,9	11,9	44 816	62 264	20 780
2012	1 017 316	179,5	12,29	50 430	65 742	23 221
2013	1 338 731	176,4	12,44	52 805	70 485	25 928
2014	1 753 294	179,5	12,45	53 931	80 977	27 767
2015	1 157 760	176,5	13,35	54 822	83 809,9	30 467
2016	1 472 380	183	12,48	54 037	79 795,6	30 747
2017	2 021 402	186,8	10,64	54 592	78 582,2	31 477

Таблица 6

Матрица парных коэффициентов корреляции пятифакторной регрессионной математической модели

	Y	X1	X2	X3	X4	X5
Y	1,000000	-0,550425	-0,715475	0,374322	0,847287	0,884917
X1		1,000000	0,318804	0,175786	-0,526318	-0,718894
X2			1,000000	0,112127	-0,326484	-0,500150
X3				1,000000	0,523920	0,398327
X4					1,000000	0,908445
X5						1,000000

Таблица 7

Матрица парных коэффициентов корреляции двухфакторной регрессионной математической модели

	Y	X2	X4
Y	1,000000	-0,715475	0,847287
X2		1,000000	-0,326484
X4			1,000000

Таблица 8

Параметры двухфакторной модели

Множественный R	0,966158
R-квадрат	0,933461
Константа	1935054
Коэффициент β_1	-312936
Коэффициент β_2	43

и X_4 после исключения трёх других факторов. Значит можно построить искомое уравнение множественной регрессии с учётом исключенных факторов таблица 8.

Коэффициент детерминации (R-квадрат) показывает, что объём ИЖК на 96,61 % зависит от годовой средневзвешенной ставки по ИЖК и годового объёма жилищного строительства.

Математическая модель будет выглядеть следующим образом:

$$Y = 1935054 - 312936X_2 + 43X_4, \quad (3)$$

где Y – это годовой объём выданных ИЖК, млн р.;

X_2 – годовая средневзвешенная ставка по ИЖК, %;

X_4 – годовой объём жилищного строительства, тыс. м².

Результаты исследования подтверждают гипотезу о наличии значимой взаимосвязи годового объёма выданных ИЖК (млн р.) лишь с годовым объёмом жилищного строительства (тыс. м²), среднедушевым доходом населения

(р.) и годовой средневзвешенной ставкой по ИЖК (%).

Библиографический список

1. Аналитический центр по ипотечному кредитованию и секьюритизации. URL: http://rusipoteka.ru/ipoteka_v_rossii/ipoteka_statistiska
2. Единый институт развития в жилищной сфере. URL: <https://дом.рф/about/analytics>
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
4. Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных. 3-е изд. М., 2007.
5. Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=ipoteka>
6. Шеховцов В.В., Шевцова Н.В., Шандаков А.А. Современное состояние и перспективы развития ипотечного кредитования в России: региональный аспект // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 24 (258). С.16–25.

ВЛИЯНИЕ КРЕДИТОВАНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

*С.В. СОЛОНИНА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, Кубанский государственный технологический университет
e-mail: svevic@mail.ru*

*Н.А. ЧЕМЕРЕНКО, аспирант кафедры экономической безопасности, Кубанский государственный технологический университет
e-mail: elizaveta.gora@yandex.ru*

*Е.Ю. ГОРА, студентка V курса кафедры экономической безопасности, Кубанский государственный технологический университет
e-mail: elizaveta.gora@yandex.ru*

Аннотация

В научной статье исследовано влияние кредитования на экономическую безопасность региона. Основой обеспечения региональной экономической безопасности является развитие бизнеса. Сделан вывод о благоприятном влиянии кредитования, оказывающем стимулирующее воздействие на экономику региона и рост благосостояния населения.

Ключевые слова: региональная экономика, кредитование, банковская система региона, ключевая ставка, экономическая безопасность региона.

В настоящее время экономика России находится в кризисном положении, что обусловлено влиянием «финансового шока», санкционных ограничений, наличием внешних и внутренних угроз. Под воздействием этого экономика страны требует создания механизма адаптации к внешним и внутренним негативным факторам. В то время когда государство сосредоточило свое внимание на совершенствовании внешней политики, положение внутри страны остается крайне затруднительным, особенно в части социально-экономических показателей, в числе которых дифференциация населения по уровню доходов, уровень безработицы, количество нетрудоспособного населения, износ основных производственных фондов и т.д.

Для того чтобы внутреннее положение в стране не пришло в больший упадок, были запущены процессы децентрализации власти. В последние годы происходит регионализация, и большее значение приобретает экономическая безопасность региона. Важным фактором экономической безопасности является самодостаточность региона. Эта проблема стала исходной в теоретико-практическом делении регионов России на две группы: регионы-реципиенты и регионы-доноры. Априори самодостаточность регионов-доноров выше, чем регионов-реципиентов, в связи с этим, государственная поддержка распределяется неравномерно: большая часть государственных безвозмездных трансфертов направлена на поддержку регионов-реципиентов. В то же время регионы-доноры должны обеспечивать достижение высоких социально-экономических показателей и уровня экономической безопасности самостоятельно, на что и направлены процессы регионализации [1].

Основным элементом обеспечения самодостаточности региона является процветание предпринимательства на его территории. Развитие рыночных отношений и формирование коммерческих структур невозможно без кредитных организаций. Это обусловлено тем, что кредитные ресурсы устраняют лаг в производственном процессе предприятия, т.е. произведенная продукция требует определенного времени на реализацию, что затрудняет воспроизводство наиболее ликвидных

активов – денежных средств. Посредством привлечения кредитных средств организации могут закупить партию материалов, необходимых для дальнейшего производства, или приобретать модернизированные объекты. Однако привлечение кредитных средств имеет отрицательные последствия для предприятия, которые обусловлены оплатой процентов за пользование кредитными средствами [2].

Исходя из этого, кредитование оказывает разнонаправленное влияние на экономическую безопасность региона. С одной стороны, кредитование является элементом развития предпринимательских структур, а с другой стороны – снижает финансовую устойчивость и ликвидность хозяйствующего субъекта. При этом кредитные организации выдают денежные средства не только юридическим, но и физическим лицам, что оказывает влияние на социально-демографическую функциональную составляющую региональной экономической безопасности. Так, если в регионе наблюдается низкий уровень оплаты труда, то физическим лицам ничего не остается кроме привлечения кредитных средств для обеспечения нормальной жизнедеятельности. В данной ситуации привлечение кредитных средств будет негативно сказываться на основных социально-демографических показателях, т.е. будет снижаться естественный прирост населения, усилятся процессы миграции в поисках лучшего рабочего места, возрастет уровень заболеваемости и, как следствие, снизится уровень качества жизни населения.

Таким образом, можно отметить, что кредитование, являясь необходимым элементом экономики, оказывает прямое влияние на функциональные составляющие и уровень региональной экономической безопасности, что требует анализа данного направления и контроля со стороны государственных и региональных органов власти.

Для оценки уровня экономической безопасности и влияния на показатель кредитования были выбраны Московская область как один из главных доноров России, Ставропольский край как регион-реципиент и Краснодарский край, который не вошел в список десяти регионов-доноров, но является «регионом – локомотивом роста».

Прежде чем оценивать влияние кредитования на региональную экономическую безопасность, необходимо сопоставить показате-

тели экономической безопасности региона с пороговыми значениями, что будет отражено в табл. 1 [3–5].

Анализируя данные табл. 1, можно отметить, что основные индикаторы экономической безопасности не везде соответствуют или превышают пороговые значения. Однако разрыв между фактическими данными и пороговыми значениями меньше в Московской области и больше в Ставропольском крае. Краснодарский край находится между Московской областью и Ставропольским краем исходя из динамики индикаторов экономической безопасности региона.

Дифференциация регионов по основным социально-экономическим показателям и по потенциалу для развития хозяйственной территории предполагает наличие разных условий кредитования. Так, если экономика региона характеризуется низким уровнем социально-экономических показателей, коммерческим банкам становится невыгодно внедрять новые кредитные продукты. Если регион развивается и наблюдается повышение социально-экономических показателей, то кредитные организации расширяют кредитную линейку продуктов и могут незначительно увеличить ставки по кредиту.

Рассмотрим на рис. 1 динамику средневзвешенных ставок по кредитам (без учета данных ПАО «Сбербанк») и ключевой ставки Центрального Банка РФ [6].

Исходя из рис. 1, можно отметить, что ставки по кредитованию имеют тенденцию к снижению, это должно благоприятно сказываться на развитии бизнеса.

Для оценки влияния кредитования на развитие предпринимательских структур и на положение физических лиц рассмотрим данные табл. 2.

Оценивая данные табл. 2, можно отметить, что сфера предпринимательства больше развита в Московской области и имеет положительную динамику. В Краснодарском крае также увеличилось количество субъектов предпринимательства с 137,8 тыс. ед. в 2015 г. до 141,8 тыс. ед. в 2017 г. Негативная динамика наблюдается по показателям Ставропольского края, так как в данном регионе по отношению к другим оцениваемым субъектам РФ наименьшее количество субъектов предпринимательства, при этом данный показатель снижается и в 2017 г. составил 48,3 тыс. ед.

Анализ показателей региональной экономической безопасности в сопоставлении с пороговыми значениями

Показатель	Пороговое значение	Московская область			Краснодарский край			Ставропольский край		
		2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Объем ВРП на душу населения, %	100% от среднего показателя по РФ	96,11	97,09	99,8	85,91	90,20	78,90	45,96	44,12	46,48
Объем инвестиций в основной капитал, % к ВРП	25% от ВРП	20,13	21,82	19,44	29,53	35,92	24,67	26,83	27,01	22,78
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Менее 7%	8,63	9,15	7,93	11,7	11,9	11,60	13,5	14,2	13,8
Уровень безработицы, %	Менее 8%	3,02	3,05	2,93	5,99	5,80	5,7	5,37	5,0	5,22
Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, раз	Более 3,5 раз	3,49	3,64	3,54	3,36	3,37	3,29	2,79	2,72	2,74
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Более 75 лет	72,26	72,54	75,08	72,53	72,90	73,42	73,52	73,40	74,19

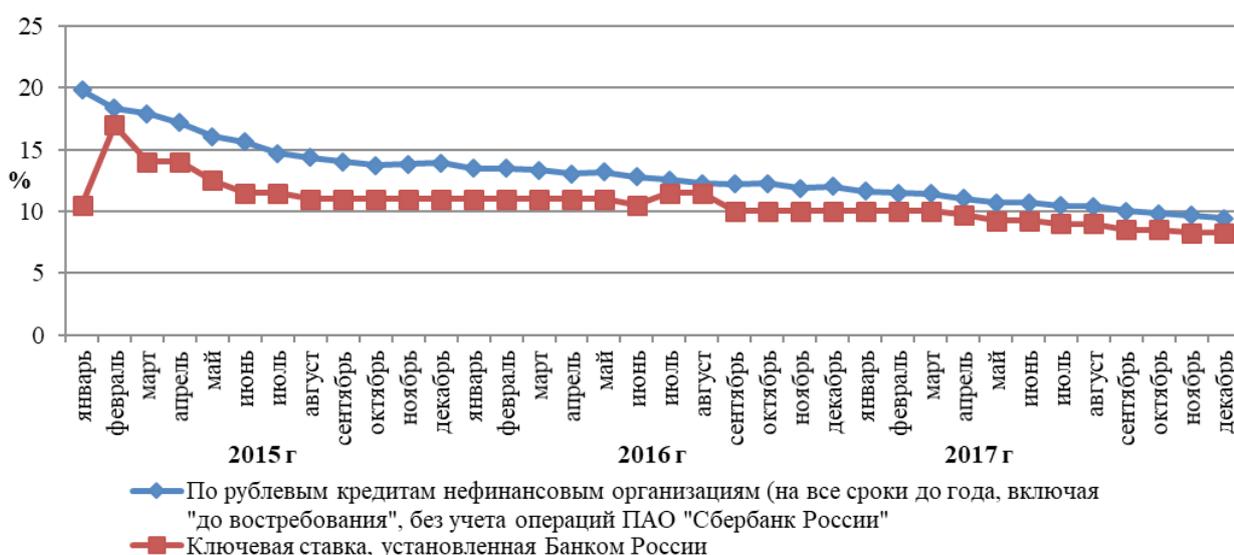

Рис. 1. Динамика ставок по кредитам за 2015–2017 гг.

Таблица 2

Оценка влияния кредитования на развитие бизнеса и положение физических лиц [3–5]

Показатель	Московская область			Краснодарский край			Ставропольский край		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Количество субъектов предпринимательства, тыс. ед.	250,2	243,0	259,7	137,8	143,1	141,8	57,9	50,9	48,3
Сальдированный финансовый результат организаций, млрд р.	134,14	709,72	393,1	160,8	443,4	274,1	54,8	70,1	65,6
Основные фонды предприятий, млрд р.	6635,1	6847,3	6911,2	4770,7	5481,5	5647,2	1499,3	1535,6	1645,1
Кредиторская задолженность, млрд р.	4449,5	4907,6	4878,4	683,9	733,9	784,1	280,8	293,3	295,1
Коэффициент абсолютной ликвидности, % (больше 20)	8,0	8,9	9,1	6,7	8,1	9,6	6,1	5,7	4,6
Коэффициент ликвидности, % (больше 80)	77,4	79,8	81,2	64,5	68,9	75,4	60,1	57,7	52,9
Коэффициент текущей ликвидности, % (больше 200)	108,0	110,3	112,4	104,1	106,2	109,4	84,0	81,2	79,6
Сумма выданных юр. лицам и ИП кредитов, млрд р.	2542,1	2555,7	2807,8	1140,1	1454,1	1540,7	161,0	161,4	193,3
Задолженность юр. лиц и ИП по кредитам, млрд р.	1577,4	1697,7	1825,5	887,3	916,7	991,3	180,0	173,6	180,0
Просроченная задолженность юр. лиц и ИП, млрд р.	114,3	129,1	132,8	55,8	55,7	58,0	14,1	9,9	9,2
Численность населения, тыс. чел.	7318,6	7423,4	7504,3	5453,3	5513,8	5570,9	2799,5	2801,5	2804,4
Реальные доходы на душу населения, р.	38628	40509	40895	28734	32785	33214	22675	23440	24536
Сумма выданных физ. лицам кредитов, млрд р.	416,4	517,8	675,2	173,9	216,5	287,7	71,5	90,1	118,7
Задолженность физ. лиц по кредитам, млрд р.	778,7	788,0	907,1	349,2	343,5	398,6	151,7	155,2	174,1
Просроченная задолженность физ. лиц, млрд р.	56,7	55,7	57,3	33,9	35,0	36,5	15,2	15,8	15,9

Сальдированный финансовый результат организаций во всех рассматриваемых субъектах РФ характеризуется подъемом в 2016 г. и спадом в 2017 г. Причины могут быть в воздействии как внутренних и внешних угроз, обусловленных структурными дисбалансами в экономике.

Рассматривая основные фонды предприятий, можно отметить положительную тенденцию показателя в анализируемых субъектах, что свидетельствует о расширении технико-технологического потенциала субъектов предпринимательства. Рост показателя может быть обусловлен увеличением кредиторской задолженности, которая максимальное значение принимает в Краснодарском крае.

Коэффициент абсолютной ликвидности должен превышать 20%, однако пороговое значение не достигнуто ни в каком регионе. Коэффициент ликвидности должен превышать 80%, и пороговое значение достигнуто только в Московской области в 2017 г., а в Ставропольском крае данный показатель на оборот снижается.

Сумма выданных кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям сохраняет положительную динамику на протяжении всего анализируемого периода и во всех субъектах РФ, при этом такая же динамика наблюдается по задолженности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и по суммам просроченной задолженности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кредитование способствует расширению производственного потенциала предприятий, что особенно актуально в настоящее время в условиях санкций, нестабильности внешней политики и т.д.

Следует оценить тенденции кредитования юридических и физических лиц.

Численность населения увеличилась в Московской области с 7318,6 тыс. чел. до 7504,3 тыс. чел., в Краснодарском крае – с 5453,3 тыс. чел. до 5570,9 тыс. чел., а в Ставропольском крае – с 2799,5 тыс. чел. до 2804,4 тыс. чел. При этом увеличиваются реальные доходы на душу населения пропорционально численности населения. Одной из причин роста доходов населения является повышение суммы оплаты труда на предприятиях, что возможно при условии расширения

предприятия и увеличения объема производства или оказания услуг.

Суммы выданных физическим лицам кредитов увеличиваются ежегодно во всех рассматриваемых субъектах РФ, и задолженность по кредитам характеризуется ежегодным возрастанием, как и просроченная задолженность.

Представим динамику по кредитам физическим и юридическим лицам на рис. 2.

Исходя из данных рис. 2, можно сделать вывод о том, что большая часть кредитов приходится на юридических лиц. Это связано с тем, что предприятия вынуждены брать большие суммы кредита на свое развитие, чем физические лица. Рост сумм выданных кредитных средств может быть обусловлено как положительными, так и отрицательными факторами. Например, организации могут обращаться за привлечением кредитных средств или на развитие бизнеса (наращивание технико-технологической базы, расширение ресурсного потенциала и др.), или из-за сложности в расчетах с поставщиками и другими кредиторами. Физические лица в основном берут кредиты на покупку недвижимости или другого личного движимого имущества.

В рассматриваемых субъектах РФ наблюдается рост основных производственных средств юридических лиц пропорционально росту сумм кредитов. Следовательно, организации и индивидуальные предприниматели в большей части привлекают кредитные средства с целью расширения бизнеса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кредитование разнонаправленно влияет на экономическую безопасность региона. Это связано с тем, что основа обеспечения региональной экономической безопасности – развитие бизнеса. Кредитование является неотъемлемым инструментом развития предпринимательских структур и способствует устранению «временных лагов» в производственном цикле, замене или покупке основных производственных фондов, что, в свою очередь, увеличивает объем производства продукции или услуг, а также наращиванию ресурсного потенциала организации. При этом организации должны выплатить проценты по кредитам, что сложно в ситуации нестабильного спроса и насыщенности рынка, так как финансовые результаты субъектов пред-

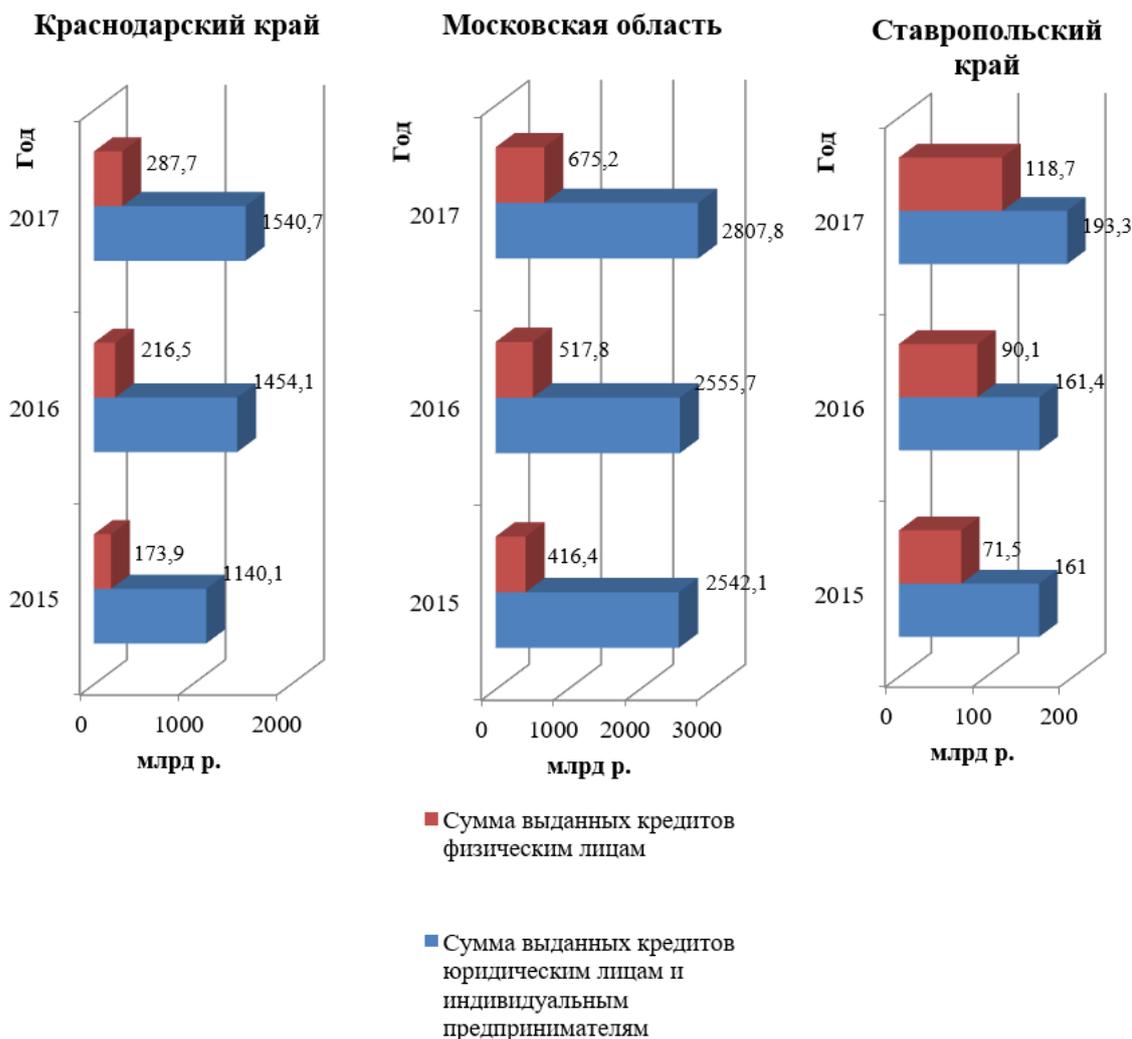

Рис. 2. Динамика сумм выданных кредитов за 2015–2017 гг.

принимательства анализируемых субъектов характеризуются тенденцией к снижению.

При росте доходов населения наблюдается прямо пропорциональная динамика роста сумм выданных кредитов. Это связано с тем, что повышение реальных доходов населения способствует выделению большей части дохода на выплаты по кредиту. Также, согласно правилам кредитования, кредит выдается, если 20% совокупного дохода физического лица способны полностью покрыть ежемесячный платеж [2].

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемых субъектах Российской Федерации кредитование оказывает в большей части положительное влияние на экономическую безопасность регионов. Во-первых, кредитование юридических лиц и индивидуальных предпринимате-

лей способствует не только расширению бизнеса, но и созданию новых рабочих мест или повышению заработной платы работников за счет снижения себестоимости продукции или услуг. Во-вторых, кредитование физических лиц свидетельствует о росте уровня качества жизни населения, т.е. о повышении доходов, улучшении имущественного положения и т.д. В-третьих, кредитование оказывает прямое влияние на повышение региональной экономической безопасности, в том числе за счет: создания новых предпринимательских структур, наращивания технико-технологического и ресурсного потенциалов региона, снижения уровня безработицы и показателя заболеваемости, а также за счет увеличения скорости обращения денежных средств в экономике региона и дальнейшего их воспроизводства. В-четвертых, кредитование сейчас оказывает

больше стимулирующее воздействие на экономику региона за счет стабильного снижения ключевой ставки и ставок по кредитам, так как снижение ставок является одним из резервов роста спроса на кредитные ресурсы и не требует от заемщиков больших выплат по процентам, в то время как коммерческие банки окупают это за счет масштаба выданных кредитов.

Таким образом, кредитование оказывает благоприятное влияние на технико-технологическую, ресурсную, финансовую, социально-демографическую и прочие функциональные составляющие экономической безопасности региона, что обеспечивает рост уровня региональной экономической безопасности как единого механизма взаимодействия функциональных составляющих.

Библиографический список

1. *Манохина Н.В.* Экономическая безопасность: учеб. пособие / Н.В. Манохина [и др.]; под ред. Н.В. Манохиной. М., 2014.
2. *Марченко Д.В., Тернавченко К.О.* Оценка финансовой безопасности Краснодарского края // Молодые лидеры-2016: сб. тр. конф. Краснодар, 2016. С. 402–407.
3. Федеральная служба государственной статистики по Московской области. URL: <http://msko.gks.ru/>
4. Федеральная служба государственной статистики по Ставропольскому краю, Карачаево-Черкесской Республике и Кабардино-Балкарской Республике. URL: <http://stavstat.gks.ru/>
5. Федеральная служба государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: <http://krsdstat.gks.ru/>
6. Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА АНТИКРИЗИСНОГО ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Э.Г. БАЛАДЫГА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, Краснодарский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова e-mail: bala-el@yandex.ru

Ю.С. ЕРМАКОВА, ст. преподаватель кафедры финансов и кредита, Краснодарский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова e-mail: ullichka100@rambler.ru

Аннотация

В современных экономических условиях вероятность наступления кризисной ситуации существует всегда. Однако организации не всегда в полном объеме используют современный инструментарий антикризисного финансового управления. В статье рассматривается применение механизма антикризисного финансового управления организацией, ориентированного на результат, обосновывается его эффективность.

Ключевые слова: антикризисное управление, контроль, ликвидность, платежеспособность, прогнозирование, рентабельность, финансовое состояние, эффективность.

Управление любой организацией в определенной мере должно быть антикризисным, поскольку вероятность наступления кризисной ситуации существует всегда. Особенно это актуально на современном этапе развития экономики России, когда наряду с внутренними факторами огромную роль играют факторы внешней среды развития и функционирования хозяйствующих субъектов. Однако менеджмент организаций зачастую не в полной мере использует инструменты антикризисного финансового управления. Причинами такого положения являются: отсутствие полноценного финансового менеджмента в организациях, недостаточный уровень квалификации руководителей подразделений и бухгалтерских служб в вопросах планирования, прогнозирования и анализа. При этом функции финансового директора во многих

организациях обычно выполняет главный бухгалтер.

В настоящее время учеными-экономистами применяются различные термины, в той или иной мере раскрывающие суть антикризисного финансового управления.

Е.В. Арсенова, О.Г. Крюкова, А.Н. Ряховская под антикризисным управлением понимают «комплекс мероприятий по анализу и оценке потенциальных кризисов, разработке планов антикризисных действий, выявлению признаков кризисов, реализации планов мероприятий по предупреждению и преодолению кризисов, ликвидации их последствий и недопущению кризисов в планируемой перспективе» [3, с. 54].

По мнению И.К. Ларионова, «антикризисное управление – это система управленческих мер по диагностике, предупреждению, нейтрализации и преодолению кризисных явлений и их причин на всех уровнях экономики» [2, с. 17].

М.В. Чараева говорит об антикризисном управлении финансами предприятия, которое «представляет собой комплекс мероприятий по предотвращению банкротства предприятия за счет разработки специальной стратегической антикризисной программы, в основе которой будут собственные финансовые ресурсы предприятия либо привлеченные на приемлемых условиях инвестиции» [6, с. 204].

Распопов В.М., Ряховская А.Н., Арсенова Е.В. считают, что «новые требования времени, особенности экономического развития предполагают трансформацию антикризисно-

го управления в антикризисное бизнес-регулирование, под которым понимается совокупность систем антикризисного управления на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях, каждая из которых имеет свои цели, выполняемые функции, применяемые инструменты и методы воздействия при стабильном развитии экономики и в условиях кризиса» [1, с. 12].

Отсутствие единого мнения авторов в данном вопросе говорит о сложности и неоднозначности антикризисного финансового управления организацией. Однако все авторы отмечают комплексный подход к антикризисному финансовому управлению, что, безусловно, является верным.

Основная задача антикризисного финансового управления – нормализация деятельности организации и предотвращение снижения ее рыночной стоимости, вызываемых финансовыми кризисами. Таким образом, механизм антикризисного финансового управления организации должен быть направлен прежде всего на своевременное решение проблем (принятие управленческих решений), стабилизацию неустойчивых ситуаций, минимизацию потерь и упущенных возможностей.

Система антикризисного финансового управления должна строиться на общепринятых принципах финансового менеджмента, к которым можно отнести готовность незамедлительного и адекватного реагирования, превентивность действий, вариативность решений, адаптивность системы управления, приоритетность в использовании внутренних ресурсов организации, эффективность управленческих решений, ответственность.

Следует отметить, что механизм антикризисного финансового управления должен быть увязан с финансовой стратегией выхода из кризиса, а последний должен разрабатываться в соответствии с действующей стратегией предприятия.

В.В. Кукушкина в монографии «Антикризисный менеджмент» отмечает, что «разработка антикризисной финансовой стратегии предприятия нацелена на построение эффективной системы управления финансами, с помощью которой можно обеспечить решение стратегических и тактических задач его деятельности. Реформирование предприятия направлено на решение таких стратегических задач, как оптимизация прибыли, рост стоимости чистых активов (максимизация

рыночной стоимости бизнеса), оптимизация структуры капитала и формирование инвестиционной привлекательности предприятия» [5, с. 255].

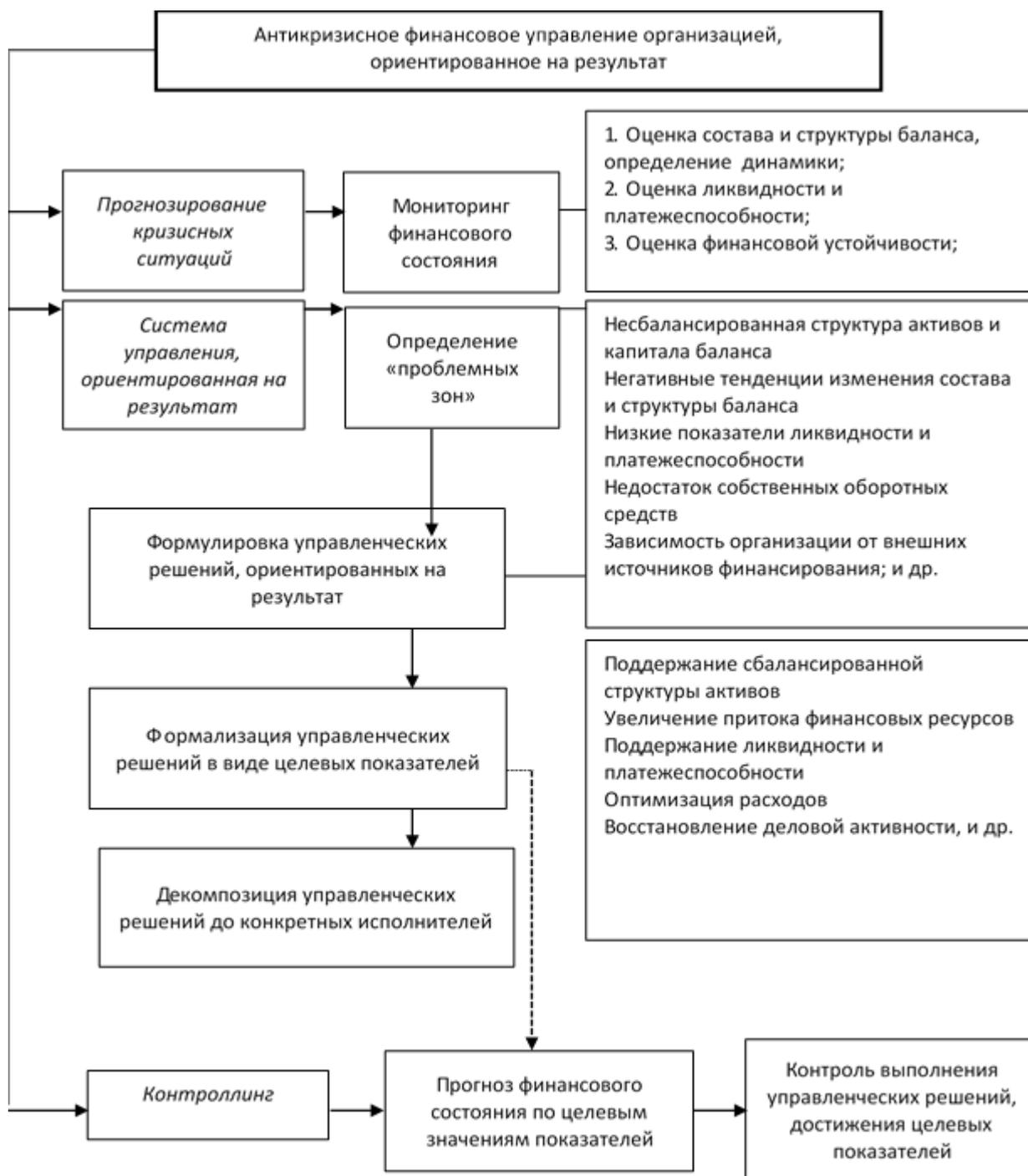
Поскольку наступление кризисной ситуации не всегда можно предусмотреть, руководство организации должно быть готово предпринять оперативные меры для преодоления причин и последствий кризиса. Оперативное принятие решений должно ускорить восстановительные процессы, скорректировать существующие механизмы формирования и распределения финансовых ресурсов [1].

В целях совершенствования механизма антикризисного финансового управления в организации рационально внедрить ориентированную на результат систему оперативного управления, представленную на рисунке. Механизм антикризисного финансового управления в данном случае представлен в виде совокупности взаимосвязанных элементов: прогнозирование кризисных ситуаций; система управления, ориентированная на результат; контроль.

Основным индикатором эффективности антикризисного управления организацией является ее финансовое состояние. Однако в практической деятельности многими предприятиями мониторинг финансового состояния не осуществляется в силу отсутствия осознания его необходимости и методических разработок по его применению.

Работа рекомендуемой системы основывается на мониторинге финансового состояния организации, поскольку в условиях постоянно изменяющейся внешней среды возможности и преимущества мониторинга обеспечат эффективное выполнение функций антикризисного финансового управления. «Установление финансового диагноза предполагает использование разнообразного арсенала методик финансового анализа, что позволяет всесторонне рассматривать и оценивать различные стороны жизнедеятельности предприятия» [1, с. 61].

Информационной базой для проведения мониторинга служит оперативная финансовая отчетность. Мониторинг финансового состояния должен проводиться по основным финансово-экономическим показателям, наиболее значимым, по мнению менеджмента организации, в конкретных условиях деятельности. Особое внимание в ходе мониторинга

Механизм антикризисного финансового управления, ориентированного на результат

следует уделять анализу денежных потоков. Рациональным для мониторинга финансового состояния представляется использование пяти групп показателей: состав и структура баланса; финансовая устойчивость; ликвидность и платежеспособность; деловая активность; рентабельность.

Так, для торговой организации в целях мониторинга финансового состояния могут быть выбраны следующие показатели в соответствии с указанными группами:

- 1) структура актива и пассива баланса, величина собственных оборотных средств и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами;

2) коэффициент автономии, коэффициент маневренности собственного капитала, величина и доля собственного капитала в пассивах, наличие и величина просроченных долгов;

3) коэффициенты ликвидности;

4) показатели прибыли (прибыль от продаж, прибыль до налогообложения, чистая прибыль) и рентабельности (рентабельность продаж, рентабельность оборотных активов и их составляющих, рентабельность собственного капитала и др.);

5) оборачиваемость оборотных активов и их составляющих.

Следует отметить, что указанные показатели необходимо рассматривать в динамике за ряд периодов.

В зависимости от результатов анализа выявляются «проблемные зоны», определяющие финансовое состояние организации, свидетельствующие о возможности наступления кризисной ситуации. В качестве «проблемных зон» можно рассматривать несбалансированную структуру активов и капитала баланса, негативные тенденции изменения состава и структуры баланса, низкие показатели ликвидности и платежеспособности, недостаток собственных оборотных средств, зависимость организации от внешних источников финансирования, низкую рентабельность или убыточность, снижение деловой активности и др.

Рассмотрим показатели мониторинга финансового состояния и порядок определения возможных «проблемных зон» на примере предприятия торговой отрасли в соответствии с определёнными ранее группами показателей (см. таблицу).

Следует отметить, что показатели мониторинга финансового состояния для каждой отдельной организации могут отличаться, их выбор зависит от многих факторов: сферы и условий деятельности, квалификации персонала, ожиданий собственников организации, уровня конкуренции, состояния отрасли и экономики в целом и др.

После того как проблемы выявлены, необходимо произвести более глубокий анализ показателей, негативно влияющих на финансовое состояние в целях выявления причин негативных явлений. На основании анализа разрабатываются управленческие решения, направленные на их устранение. В свою оче-

редь, система антикризисного финансового управления выстраивается в соответствии с принятыми управленческими решениями, направленными на достижение поставленных целей. Для этого необходимо формализовать управленческие решения в систему целевых показателей, осуществить прогноз финансового состояния организации в соответствии с заданными значениями показателей. В случае, если прогноз финансового состояния по целевым значениям показателей удовлетворяет задачам антикризисного финансового управления, принятые управленческие решения и значения целевых показателей доводятся до конкретных исполнителей.

Немаловажной составляющей рекомендуемого механизма является контроллинг, поскольку без обратной связи механизм антикризисного финансового управления не станет эффективным. Элементы обратной связи предусматривают возможность при изменении факторов внутренней и внешней среды произвести диагностику, по результатам которой откорректировать управленческие решения и целевые показатели деятельности. К тому же контроллинг должен обеспечивать информационно-аналитическую поддержку процессов принятия управленческих решений.

Существование системы контроллинга обосновывается следующими принципами:

- наличием цели, или системы целей;
- измеримостью контролируемого результата;
- наличием «прогнозной» модели для выявления отклонений достигнутого результата;
- существованием возможности принятия определенных мер для исправления выявленных недостатков и отклонений.

Таким образом, основой контроллинга является управление по отклонениям, которое базируется на оценке достижения поставленных целевых показателей за определенный период.

В заключение следует отметить: разработанный механизм антикризисного финансового управления может быть применен организациями, осуществляющими свою деятельность в различных сферах деятельности. Необходимо лишь определение на основании показателей мониторинга финансового состояния «проблемных зон», формулировка

управленческих решений, ориентированных на результат, конкретизация системы целевых показателей, учитывающая специфику и условия осуществления деятельности.

Библиографический список

1. Антикризисное бизнес-регулирование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. А. Н. Ряховской. М., 2019.

2. Антикризисное управление: учебник / под ред. И.К. Ларионова. М., 2017.

3. Арсенова Е.В., Крюкова О.Г. Зарубежная практика антикризисного управления: учеб. пособие / под ред. А.Н. Ряховской. М., 2019.

4. Глухова Д.В. Совершенствование механизма антикризисного финансового управления в организациях: дис. ... канд. экон. наук. Ставрополь, 2015.

5. Кукушкина В.В. Антикризисный менеджмент: монография. М., 2018.

6. Чараева М.В. Финансовый менеджмент: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

МОДЕЛЬ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В УСЛОВИЯХ ЛАТЕНТНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

*М.Б. ЩЕПАКИН, доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и бизнес-коммуникаций, Кубанский государственный технологический университет
email: shchepakin@mail.ru*

*В.А. ГУБИН, доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и бизнес-коммуникаций, Кубанский государственный технологический университет
email: d_vag@mail.ru*

Аннотация

Сформирована стратификационная пирамида противоречий, определяющих латентную нестабильность функционирования и развития предприятия как составной части социально-экономической системы. Раскрыта роль социальной справедливости в формировании и нарастании этих противоречий. Разработана модель антикризисного управления предприятием в условиях латентной нестабильности его состояния.

Ключевые слова: латентная нестабильность, многоконтурная диагностика, пирамида противоречий, определяющие факторы, маркетинговое поведение, антикризисный компонент, модель антикризисного управления.

Функционирование и развитие предприятия проходит в условиях постоянного конфликта с окружающей его маркетинговой коммуникационной средой. Проявляется этот конфликт в следующем: а) формируется существенный деструктивный заряд в системе отношений между участниками маркетингово-коммуникационного пространства, возникающий в переговорном процессе при установлении тех или иных договоренностей (в отношении доли участия в бизнесе, распределения доходов от совместной деятельности, характера и объема вовлекаемых ресурсов, содержания принимаемых решений и ответственности за их неисполнение и др.), затра-

живающих построение бизнес-процессов на этапах функционирования и развития предприятия [11]; б) возникает цепь перманентных кризисных явлений в деятельности хозяйствующего субъекта, отражающих нарастание и изменение противоречий разного характера между взаимодействующими сторонами, проявляющих себя достаточно отчетливо и в экономической составляющей деятельности, и в социальной [34, 35]; в) в создании предпосылок разного масштаба и характера в части закрепления или ослабления непроходящей опасности «разрушения» предприятия [10]; г) в его способности обретать свойства «пульсирующего» источника перманентной нестабильности, проявляющей себя в латентной или явной форме [33, 36]; д) в структурно-ресурсной деформации выстраиваемых субъектом цепочек в разных составляющих его деятельности (логистических, производственно-технологических, создания инновационных продуктов, маркетингово-коммуникационных, организационно-процедурных и т.п.) [23]; е) в разрушении морально-психологического климата в коллективе в результате искажения нравственно-этических норм и правил, традиций, а также утраты уважения к возрасту, авторитету и человеческому достоинству во всех формах ее проявления при нарастании противоречий и разногласий внутри субъекта [30]; ж) в снижении доверия к управляющим и регулирующим сигналам разного уровня, спускаемым сверху для урегулирования проявлений недовольства в результате

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00114.

нерешаемых или «затушевываемых» противоречий и конфликтов [21]; и) в разрушении целостности и единства субъекта, не проявляющихся в явной форме, но тормозящих любые позитивные начинания и преобразования из-за неопределенности единого мотивационного вектора развития предприятия [37]; к) в нерациональности функциональных действий работников, а также в неадекватном применении ими маркетинговых инструментов для воздействия на разных участников рынка и в использовании нецелесообразных форм маркетингового поведения субъекта, являющихся результатом изменений во внутреннем состоянии бизнес-структуры [1, 18, 38]; л) в потере (утрате) адаптационного потенциала субъектом в условиях необходимости осуществления маркетинговой мимикрии к изменяющимся требованиям различных рыночных агентов из-за снижения мотивационной проницаемости и коммуникационной достаточности для решения проблем инновационных преобразований; м) в стремлении реструктурировать свои производственно-хозяйственные и коммерческие связи, а также иные коммуникации под собственное понимание рациональности вовлечения разных участников рынка в формирование маркетинговой сети в условиях нестабильности и ограниченности ресурсов [2, 20] .

Бизнес выстраивает свои коммуникационные и иные связи, ориентируясь на необходимость удерживать свое равновесное состояние, исходя из ресурсных возможностей и требований экономической системы сохранять и поддерживать желаемый уровень стабильности [6]. Тем не менее изменчивость внешнего окружения и противоречивость отношения работников к бизнесу и государству приводит к нестабильности, проявляющей себя по-разному (в явных и латентных формах). Неявная нестабильность – это такое состояние предприятия, когда оно несмотря на имеющиеся внутри или вне его противоречия и конфликты не испытывает недостатка денежных и иных ресурсов, необходимых и достаточных для осуществления текущей деятельности. В рамках неявной нестабильности субъекта в изменяющемся рыночном окружении всегда присутствует «ореол» тех невысказанных разногласий и недопониманий между работниками и собственниками, которые вызваны активизируемыми мерами

со стороны топ-менеджмента в отношении интенсификации труда персонала без надлежащей материальной компенсации затрачиваемых ими сил на предлагаемые им инновационные инициативы (начинания). Эти противоречия и внутренне скрытые конфликты в бизнес-структурах чаще всего связаны с наличием и проявлением мотивационно-ресурсных противоречий между разными участниками отношений (между работниками и высшим управленческим персоналом, между руководителями отдельных подразделений и собственниками бизнеса, между разработчиками идей и новшеств и исполнителями вносимых свыше решений).

Неявная нестабильность как порождение внутренних разногласий внутри предпринимательских структур и внешних – между субъектами рынка по разным аспектам их сотрудничества – имеет априорную и латентную формы. Для каждой из них характерны свои особенности в отношении направленности и состава реализуемых предприятием управленческих воздействий, которые, несмотря на различные субъектно-объектные, организационные и регламентные форматы, характеризуются очевидной антикризисной направленностью и предполагают рационализацию использования инструментов маркетингового поведения, адаптированных к целям функционирования субъектов предпринимательства и их ресурсным возможностям изменять конкурентные позиции бизнеса на тех или иных рынках.

Априорная нестабильность в большей степени присуща предприятию, пока еще существующему в виртуальном режиме в головах его учредителей, в рамках их субъективизированного восприятия хозяйственной жизни и того места в рыночном маркетингово-коммуникационном пространстве, которое еще предстоит занять в нем создаваемому предприятию. Как только предприятие материализуется в официально зарегистрированный субъект хозяйствования, оно немедленно погружается в реалии окружающей экономической действительности и выступает в качестве объекта непрерывных кризисных вызовов и угроз, которые образуют «надувающийся как шарик» источник его латентной нестабильности.

Латентная нестабильность предприятия еще не проявляется через дефицит денеж-

ных средств на его счетах, несмотря на то что включающиеся по возникающим стихийно импульсам (внутреннего и внешнего давления) инструменты негативного влияния разнообразных по своей природе и характеру факторов начинают сказываться на результатах работы предприятия и перспективах его позитивного развития. Вновь по-разному проявляющие себя факторы могут в силу исключительной динамичности хозяйственной жизни нести в себе опасность необратимых негативных последствий, которые способны при определенном сценарии развития событий привести к разрушению предприятия в результате нарастания конфликта субъекта с его маркетинговой коммуникационной средой. Следует иметь в виду, что латентная нестабильность является чаще всего продуктом тех кризисных процессов и явлений, которые изначально присутствуют: а) в «сознании» собственников бизнеса как держателей капиталов и ресурсов (прежде всего природных); б) в суждениях наиболее осведомленных людей о реалиях социально-экономических отношений, выстраиваемых между разными участниками отношений в социальном устройстве общества на разных этапах его развития и объективного состояния; в) в представлениях высших управленческих звеньев бизнеса о характере выстраиваемых взаимодействий между ними и властью, между ними и субъектами крупного, среднего и малого предпринимательства, между работниками внутри предпринимательских структур и т.п.; г) в намерениях представителей высших стратификационных классов решать возникающие проблемы, порождающие конфликты, противоречия разного масштаба и характера, которые им надлежит решать или же не решать в силу несовпадения интересов этих классов с интересами (требованиями) государства, общества и людей низших стратификационных уровней; д) в скрытых реакциях рядовых граждан (работников, индивидов, представителей разных социальных групп, а также представителей структур духовно-культурной социальной сферы, политико-правовой сферы) на предлагаемые сверху государственные и иные воздействия; е) в ощущениях людей чувствовать присутствие справедливости и значимости каждого из них для государства и общества [32].

Проблема справедливости приобретает особую значимость в периоды обострения кризисных явлений, а также в периоды ощутимых социальных изменений, когда речь идет о принадлежности к той или иной собственности или к тем или иным ресурсам. Для российского общества в период резкой смены социально-политического строя и передачи существенной доли государственной собственности в частные руки эта проблема конфликтов и противоречий между стратификационными классами является осязаемой и ощутимой (материально, нравственно и прагматично) во всех звеньях жизнедеятельности общества. Принявшие одиозные формы коррупция и эксплуатация рядового человека труда, а также высокий уровень социального расслоения внутри общества породили обостренное отношение людей к справедливости как форме жизненного существования. Проблема несправедливости приобрела комплексный характер; она стала проблемой экономической, правовой, политической и социально-гуманитарной. Поэтому рассмотрение влияния латентной нестабильности на экономический рост, на позитивное поступательное движение общества в направлении укрепления социального вектора развития следует начинать с оценки влияния на нее всей пирамиды противоречий, выстраиваемых между стратификационными классами и порождающих изменение внутреннего потенциала субъектов предпринимательства (и его элементов). Характер самовозрастающих противоречий между стратификационными классами должен рассматриваться: в разрезе иерархии уровней стратификации; в разрезе разномасштабных и разнохарактерных модуляционных импульсов, исходящих от этих уровней (вниз, вверх и внутри каждого уровня); в разрезе противоречий, которые имеют специфические родовые признаки и отражают область (сферу, звенья) возникающих разногласий, например, между чиновниками и представителями научной сферы [32], между властью и политическими партиями [12]. Модуляционные импульсы противоречий характеризуют спираль этих противоречий и могут восприниматься как «линии напряжения». Эти линии могут налагаться друг на друга и создавать отрицательный синергетический эффект в системе коммуникационного пространства [13]. Логика взаимоотноше-

ний между взаимодействующими сторонами (внутри бизнеса или между стратификационными классами, между государством и политическими партиями и т.п.) порождает «точки несогласия» между ними, влияние которых должно оцениваться с позиций теории динамической эффективности, определяющей характер трендов на принятие нужных обществу и государству решений [29].

Спектр противоречий, расширяющий сферу латентной нестабильности в обществе, чрезвычайно широк. Например, прогресс в создании и использовании полезного знания в экономике во многом зависит от качества институциональной структуры хозяйственного порядка [7]. Функционирование экономической системы определяется существующим в обществе набором институциональных ограничений, которые представляют собой созданные индивидами поведенческие рамки, определяющие взаимоотношения между людьми, между работниками, между структурами бизнеса, между властью и бизнесом, между структурами власти и социальной сферы и т.п. Формируя маркетинговое и иное поведение участников отношений, следует исходить из того, как соотносятся формы и методы взаимодействия субъектов с теми стимулами, которыми сопровождаются выстраиваемые разноуровневые взаимодействия. Конфликт интересов порождает противоречия, обретающие ту или иную силу в зависимости от того, какие грани экономической и социальной жизни людей они затрагивают. Следует принять как данность, что совокупность внутрикладных, межкладных противоречий и их структура, затрагивающая процессы труда в их разнообразных характеристиках, изменяющие поведенческие реакции работников на те или иные воздействия (со стороны государства, общества, бизнеса, субъектов социально-культурной сферы и др.), образуют единую систему диалектически взаимосвязанных противоречий (разногласий), которая обретает свойства источника движения и развития отдельных хозяйствующих субъектов и экономической системы в целом.

Скрытость противоречий не является фактором, влияние которого не отображается на сознании трудового ресурса, на внутреннем потенциале субъектов, на вырастающем как бы ниоткуда «сопротивлении» тому нерациональному, что обретает форму обязательного

исполнения без учета реакций людей (и иных субъектов) на обратные связи с источником происхождения этих импульсов (сигналов).

На рис. 1 представлена пирамида самовозрастающих противоречий, формирующихся между стратификационными классами и требующих своего разрешения в том или ином масштабе для стабилизации процессов развития общества и социально-экономической системы.

Обеспечить такую стабилизацию можно, если проблемы противоречий решать через создаваемый в обществе механизм самоутверждения представителей этих классов в их значимости и полезности для укрепления социогуманистического вектора поступательного движения. Этот вектор формируется на принципах целостности личности, принципа позитивности человеческой природы, принципа развития возможностей и потенций, принципа активности. Противоречия между стратификационными классами в их разных воплощениях (по родовым признакам и собственно по вертикали самой спирали), с одной стороны, влияют на формирование внутреннего потенциала субъектов, а с другой, — формируют образ (содержание, наполнение и т.п.) латентной нестабильности в социально-экономической системе. Спираль пирамидальной цикличности самовозрастающих (естественно возникающих) противоречий в социальной общности возникает от импульса ударной формы кризисных проявлений (воздействий), затрагивающих те или иные уровни стратификационных классов. Спираль отражает модуляционные импульсы изменяющихся противоречий в стратификационном измерении. Вертикальные кривые отображают ветви противоречий по их родовым признакам, затрагивающим противоречия прав собственности, противоречия взаимодействия по разным параметрам (экономическим, социальным, функциональным, организационным, коммуникационным, маркетинговым, нравственно-психологическим и др.). Вершина пирамиды представляет собой вершину социального единства в гармонизированном самовыражении субъектов как ориентир, к достижению которого должно стремиться общество и отображаемая (воплощаемая) в нем социально-экономическая система. Пирамидальная система самовозрастающих противоречий подкрепляется раз-

Рис. 1. Пирамида противоречий, формирующихся в социальной общности по стратификационному признаку

работкой и использованием теми или иными субъектами рынка методов гибридного маркетингового поведения.

Нами дается следующее определение гибридного маркетингового поведения: это такое поведение субъектов, которое построено на признании ими тех или иных противоречий, разногласий и конфликтов, носящих самый разнообразный характер (в том числе враждебный, антагонистический), и приспособлении их возможностей к усилению маркетингового и иного давления на конкурентов, потребителей, партнеров и иных участников рынка для подавления их интересов и ответных реакций. Такое маркетинговое поведение предусматривает различные формы маркетинговой мимикрии вплоть до расширения масштабов отрицательной маркетинговой симуляции в агрессивных формах ее включения в процессы функционирования и развития бизнеса с использованием для этого всех возможных средств, методов и способов давления (организационные, нормативные, девиантные, психологические и др.).

Гибридное маркетинговое поведение субъектов является, с одной стороны, продуктом латентных противоречий (разногласий), а с другой, оно само порождает возрастающие противоречия, придавая им антагонистический (враждебный) характер, проявляющийся в формах ведения переговоров, в действиях, в фальсифицировании любой информации, которая может на время создать преимущества в экономическом пространстве и т.п. Гибридное маркетинговое поведение ведет к маркетинговым войнам, в которых всегда страдает потребитель [27]. Социально-экономическая система «пожинает» плоды гибридного маркетингового поведения субъектов, поскольку на уровне государственных воздействий самоустраняется от решения проблем, порождающих его и приводящих к «уродливым» формам маркетинговой войны. Работник как создатель благ для собственников и главный «носитель» возникающих и существующих противоречий разного уровня и характера ощущает их действие и проявление в процессе оценки материального воз-

награждения своего труда (и творческого, и механического).

Существует достаточно серьезное противоречие (наиболее отчетливо обозначившее себя еще в 2001 г.) между бедными и богатыми в отношении взимания подоходного налога с заработной платы со ставкой 13%. Плоская шкала налога на доходы физических лиц вызывает споры и разногласия между теми, кто имеет низкие годовые доходы и теми, кто причисляет себя к высшему стратификационному классу и имеет годовые доходы более 10 млн р. Так, доля тех, кто имеет годовой доход до 1 млн р. составляет 87,44%, от 1 млн р. до 10 млн р. – 12%, свыше 10 млн р. – 0,56 %. Структура работников по уровню получаемых месячных заработных плат такова: до 9 тыс. р. – 4, 7%; от 9 тыс. р. до 40 тыс. р. – 64,3 %, от 40 тыс. р. до 100 тыс. р. – 26,5%; от 100 тыс. р. до 250 тыс. р. – 4%; свыше 250 тыс. р. – 0,5 % [17]. Соотношение между доходами 20% самых богатых граждан России и 20% малоимущих к началу 2019 г. составило 15,3.

Уровень оплаты труда как фактор, вызывающий наибольший всплеск разногласий (и противоречий) в обществе на средних и низших ступенях российского социального устройства, формирует внутренние конфликты, которые усиливают латентную нестабильность в обществе и отрицательно влияют на состояние мотивированности работников на реализацию конструктивных инициатив и высокое творческое самовыражение. На примере оплаты зарплаты отчетливо видно, что в России ее уровень по-прежнему далек от принятого в развитых странах. В Дании средняя заработная плата составляла 362 тыс. р., в США – 229 тыс. р., в Китае – 53 тыс. р., а в России она достигла величины порядка 40 тыс. р. [16]. По паритету покупательной способности (ППС) средняя российская зарплата ниже датской в 2,7 раза, американской – в 3,2 раза, греческой – в 1,4 раза. Суперзарплаты получают топ-менеджеры крупных компаний, чаще всего в сфере добычи и переработки природных ресурсов, что приводит к серьезным перекосам на рынке труда и необоснованному наращиванию внутренних противоречий в обществе. Разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми работниками превышает 14 раз. Речь не идет сейчас о спортсменах, доходы которых изме-

ряются десятками миллионов долларов и превышают среднюю зарплату по стране в сотни и тысячи раз. Существует взаимосвязь между уровнем заработной платы и производительностью труда, которая в результате низкой мотивации труда работников ниже в 3–4 раза.

Пирамида противоречий как инструмент «давления» на внутреннее состояние предприятия, определяемое параметрами диагностики его элементов, осуществляемой во всех его идентификационных контурах, определяет то, какими могут быть (или должны быть) регулирующие воздействия со стороны государства, какими могут быть управленческие воздействия, разрабатываемые со стороны хозяйствующих субъектов (предприятий) для стабилизации конкурентного положения бизнеса на нестабильном рынке. Но в глубинном подсознании работника всегда присутствует ощущение несправедливости, которая выросла из недр 1990-х гг. и оформилась в их ощущениях как «вселенский» обман, когда речь идет о ваучерах и выданных людям обещаниях стать им в том или ином масштабе собственниками богатств государства. Несправедливость оформилась окончательно и обрела свои конкретные очертания как форма существования богатых и бедных [9]. Эксперты Внешнеэкономбанка подтвердили тот факт, что «узкий круг» российских самых богатых граждан владеет почти всеми богатствами страны. В частности, на долю 3% населения приходится 89% всех финансовых активов, 92% всех срочных вкладов в банках и почти 90% всех наличных сбережений [14]. Такое положение вещей приводит к ситуации, когда обычные противоречия в обществе переходят в ранг антагонистических и углубляют внутренний кризис до масштабов, способных привести к разрушению системы российского общества. Не случайно, в результате противоречий и конфликтов в российской экономической системе создается ловушка неэффективности, которая может характеризоваться следующим образом: «самая главная трагедия сегодняшнего бытия – чудовищное расслоение, когда 10% живут нормально, а 70% – выживают» [8]. Результаты исследований указывают на отчетливые признаки серьезного кризиса в отношениях «улицы и дворцов, народа и власти» [14]. По данным Фонда общественного мнения (ФОМ), за последний год число граждан, которые эконо-

мят на еде, возросло на 40%. На еде не экономят только 3% населения. Противоречия, возникающие внутри системы и вне нее (на уровне правящих элит), тормозят процессы позитивных преобразований, оставляя ключевые разногласия в обществе без изменений. Потребитель находится в ситуации выбора своих действий в отношении удовлетворения насущных потребностей, ощущая на себе (на своем кошельке, на качестве предлагаемых товаров и услуг и т.п.) кризис маркетинга и «невразумительные» попытки бизнеса поддерживать свое конкурентное положение посредством принятия антикризисных мер, которые касаются только самого бизнеса, а не ориентированы на интересы потребительского сектора [19, 31]. Эффективность в сфере предложения товаров не гармонируется с эффективностью в сфере потребления [5]. Рационализм в бизнесе как форма его существования превалирует над здравым смыслом и логикой рядового потребителя. Отсюда вырастает целый «букет» противоречий между потребителями, бизнесом, государством и обществом, который не может быть дан в «дар» кому-то одному: проблема эффективности «вырастает» до гигантских размеров, в ее решение втягиваются все участники отношений [22].

Другой, но очень важной стороной оформившихся противоречий как тренда в развитии системы является игнорирование разногласий и противоречий в сфере науки и образования. Эти противоречия отражаются на внутреннем состоянии субъектов рынка и его возможностях включаться в ресурсную декомпенсацию тех цепочек стоимости, которые так важны для общества, государства и рядового человека. Так, например, состояние российской экономики усугубляется из-за насаждения провальной (бездумной) наукометрии и хронического недофинансирования российской науки. Если международная норма затрат на науку оценивается в 2% и более от ВВП, то в нашей стране в 2015 г. на нее тратилось 1,77 % от ВВП, на 2019–2021 гг. запланировано 0,38% от ВВП [32]. Налицо ослабление влияния и социокультурной сферы (образование, наука, культура и др.).

Функционирование и развитие социально-экономической системы предъявляют определенные требования к входящим в нее хозяйствующим и иным субъектам, выстра-

ивающим свое маркетинговое поведение на рынке с оглядкой на скрытые внутри бизнеса противоречия, а также на противоречия, выходящие за рамки самого бизнеса, но присутствующие в нем косвенно как условие его существования в определенных границах социально-экономического пространства с определенным качеством имеющихся и формируемых взаимосвязей, несущих в себе, в том числе, и постоянную опасность разрушения предприятия (кризисную угрозу). Бизнес на уровне предприятия (хозяйствующего субъекта) в этих условиях должен моделировать свое антикризисное поведение, ориентируясь на имеющиеся ресурсы [3, 4, 26], а также учитывать характер и интенсивность проявления противоречий, заявляющих о себе на всех этапах построения цепочек создания стоимостей в условиях конкретных маркетинговых полей. Осуществляемые с использованием антикризисного компонента управленческие воздействия в условиях латентной нестабильности направлены на распознавание и предупреждение возникновения и нарастания опасности этого разрушения, проявляющего себя через признание предприятия несостоятельным. Исходной базой для управленческих воздействий в условиях латентной нестабильности служит идентификация глубины нестабильности предприятия, позволяющей судить о том, являются ли негативные изменения в деятельности предприятия лишь своего рода естественным фоном рыночных колебаний или их нужно рассматривать в качестве достаточно грозного предвестника катастрофических перемен в судьбе предприятия. Следует всячески противодействовать неблагоприятным для бизнеса формам проявления нарастающих противоречий посредством включения антикризисного компонента, организационно, экономически, финансово обеспечивающего снижение интенсивности и глубины негативных явлений в деятельности предприятия за счет оптимизации его маркетингового поведения на внутреннем и внешнем коммуникационных контурах. Современные проблемы социально-гуманитарных наук сводятся к толкованию и расшифровке тех процессов и явлений, которые сопровождают развитие общества и бизнеса по присущим им законам и традициям [24]. Понимание происходящего в каждом обращении представителей власти и бизнеса

к формам и методам решения возникающих проблем и противоречий сталкивается с необходимостью действовать рационально во всех составляющих жизнедеятельности социально-экономической системы с учетом накопленного опыта науки трансформировать научные категории в инструменты управления общественным развитием и экономическим ростом во благо социумов и рядовых граждан [25].

Сообразно этому посылу антикризисное управление в условиях латентной нестабильности предусматривает осуществление управленческих воздействий по линии идентификации угрозы несостоятельности. Осуществляется она на основе использования механизмов искусственного интеллекта, позволяющего непрерывно обрабатывать значительные базы первичных исходных данных, всесторонне характеризующих деятельность предприятия. В последующем ведется разработка и реализация маркетинговых изменений, минимизирующих эту угрозу, которая купируется действиями менеджмента предприятия, выстраиваемыми на основе диагностики состояния элементов субъекта (по параметрам и критерия, формируемым внутри бизнеса специалистами требуемого уровня квалификации). Идентификацию степени нестабильности предприятия целесообразно осуществлять посредством многоконтурного последовательного (итеративного) анализа дискретных характеристик, обозначающих качество и эффективность использования ресурсов предприятия (мотивационных, коммуникационных, инновационных, поведенческих, организационных и иных), в зависимости от характера решаемых задач и установленных целей (рис. 2). В качестве приоритетного предмета диагностирования рассматривается несостоятельность предприятия, которая выступает завершающим «мерилом» воплощения непреодолимости стоящих перед ним проблем [15].

Первый идентификационный контур в блоке диагностики состояния хозяйствующего субъекта представлен дискретными характеристиками, позволяющими оценивать общее финансовое состояние предприятия с точки зрения возможности возникновения и распространения в его коммуникационном пространстве негативных импульсов внешнего и внутреннего порядка, рассматриваемых в

качестве возможных предвестников несостоятельности предприятия.

В этом плане такого рода индикаторами могут рассматриваться такие негативные отклонения в деятельности предприятия, как снижение объемов продаж, сокращение свободных денежных средств на счетах; резкое снижение уровня капитализации предприятия; неконтролируемый рост кредиторской задолженности и стремление ее к критическому уровню; чрезмерное преобладание краткосрочной составляющей в практике финансирования долгосрочных вложений; устойчиво низкие значения показателей эффективности работы предприятия (ликвидности, деловой активности, рентабельности и т.д.); стабильный дефицит оборотных средств; существенное преобладание постоянных затрат в общих затратах предприятия; выход из лимитированного интервала привлекаемых предприятием заемных средств; количественное и календарное неисполнение обязательств перед инвесторами и акционерами; нестабильность дивидендных выплат; высокая динамика роста непогашенной дебиторской задолженности; рост сверхнормативных запасов готовой продукции и производственных запасов.

Второй идентификационный контур, формируемый в рамках предлагаемого итеративного подхода при условии отрицательной направленности характеристик первого контура, ориентирован на более глубинное отслеживание негативных тенденций в деятельности предприятия, осуществляемое посредством расчета и динамического сопоставления совокупности объемных и структурных финансовых индикаторов по линии таких объектов диагностирования, как чистый денежный поток, структура капитала предприятия, состав финансовых обязательств предприятия по срочности погашения, состав активов предприятия, состав текущих затрат предприятия, уровень концентрации финансовых операций в зоне повышенного риска.

Третий идентификационный контур носит более предметный характер и предусматривает динамическую оценку результатов деятельности предприятия по линии удельного веса чистых оборотных средств в сумме актива баланса (коэффициент прогноза банкротства), а также соотношения ожидаемой прибыли и средневзвешенной стоимости обязательств предприятия с учетом процентов и

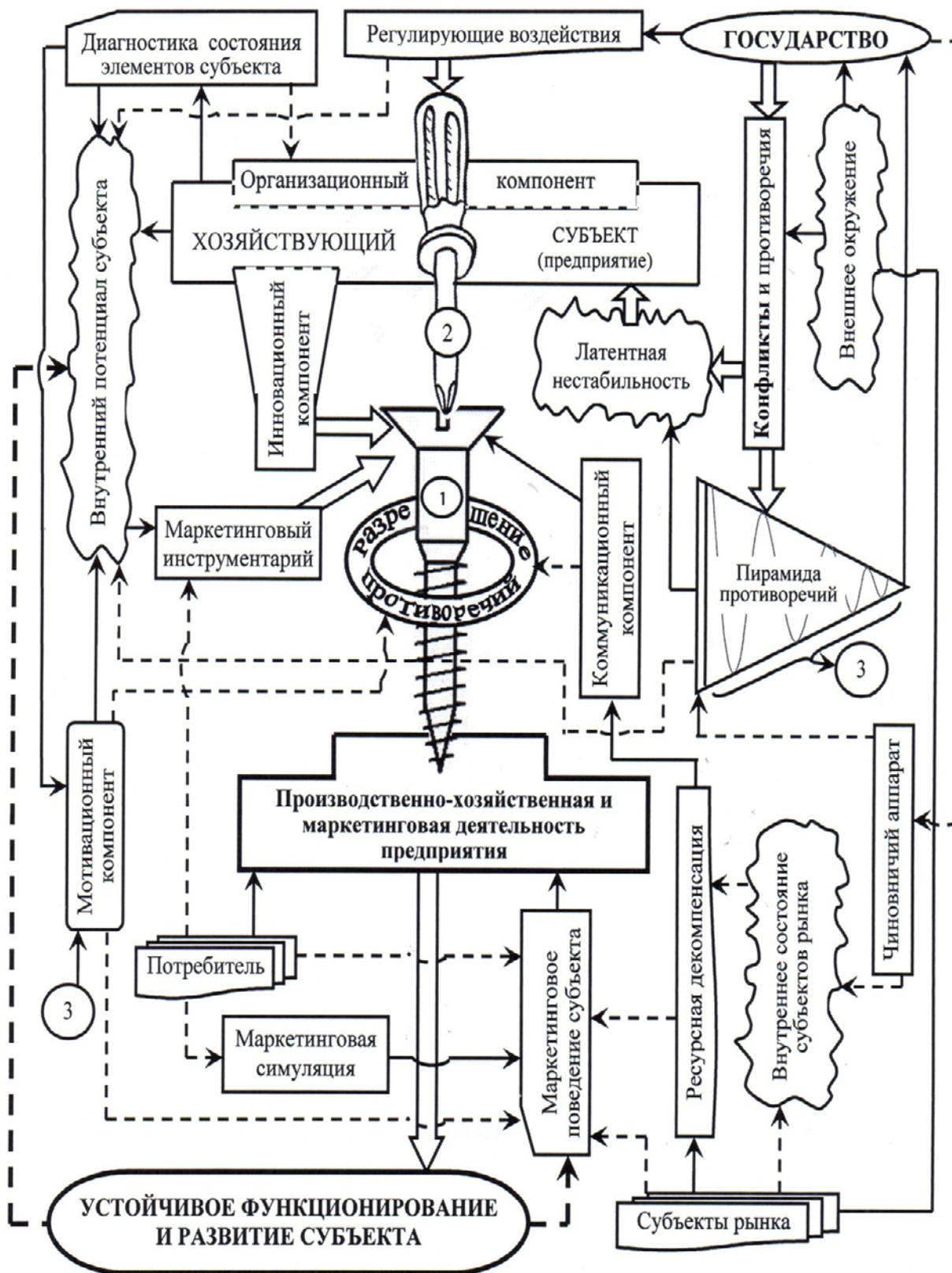

Рис. 2. Модель антикризисного управления предприятием в условиях латентной нестабильности его состояния: 1 – антикризисный компонент; 2 – управленческие воздействия; 3 – воздействие противоречий разного характера в разрезе стратификационных уровней на мотивации субъектов отношений

дивидендов, которые необходимо будет выплачивать за заемный и акционерный капитал (цена предприятия).

Более полную картину возможности грядущей несостоятельности предприятия, получаемую на четвертом итеративном уровне идентификации, позволяет дать оценка вероятности банкротства предприятия по признаку эффективности использования его активов, осуществляемая посредством расчета совокупности мультипликативных моделей (двухфакторной, четырехфакторной, актуализированной четырехфакторной, оригинальной пятифакторной, усовершенствованной пятифакторной, модель *credit-men*, показатель платежеспособности Конана и Гольдера и др.). Модели рассчитываются посредством мультипликативного дискриминантного анализа, позволяющего оценивать зависимость вероятности банкротства предприятия от совокупности различных факторов, номенклатура и значимость которых устанавливаются авторами моделей.

Завершающим этапом идентификации угрозы несостоятельности выступает анализ структуры баланса предприятия по линии текущей ликвидности и обеспеченности собственными средствами, а также восстановления и утраты платежеспособности. Неудовлетворительная (в плане соответствия существующим нормативам) структура баланса, когда за счет имущества не может быть обеспечено своевременное выполнение обязательств перед кредиторами в связи с недостаточной степенью ликвидности имущества должника, позволяет полноценно идентифицировать глубину нестабильности предприятия [10].

Результаты идентификации степени нестабильности предприятия служат основой для проведения маркетинговой коррекции внешней и внутренней сторон его деятельности, обеспечивающей более эффективное использование ресурсного потенциала предприятия. Диагностика как важнейшее звено в модели антикризисного управления предприятием в условиях латентной нестабильности его состояния позволяет снижать опасность разрушения предприятия и обеспечивать разработку мер по улучшению функционирования предприятия в условиях неоднозначности поведенческих реакций агентов рыночного взаимодействия [28]. Антикризисный потен-

циал субъектов должен подкрепляться улучшением общественного мнения в отношении возможностей бизнеса решать проблемы нестабильного рынка в пользу общества и рядовых граждан [30]. Устанавливая нужные связи между компонентами (мотивационным, инновационным, коммуникационным, организационным и др.), включаемыми рынком в построение маркетингово-коммуникационных полей, возможным становится рациональное моделирование процессов антикризисного управления функционированием и развитием хозяйствующих субъектов в условиях обострения конкуренции, наращивания внешнего неблагоприятного давления, а также ресурсных ограничений разного порядка и масштаба, возникающих стихийно и проявляющих себя агрессивно или пассивно.

Модель антикризисного управления предприятием учитывает совокупность имеющихся и возникающих противоречий в социально-экономической системе (частью которого и является предприятие) как данности, имеющей место в условиях латентной нестабильности. Она сформировалась не сегодня, а много лет назад в процессе трансформации российской социалистической системы в капиталистическую. Антикризисный компонент напоминает «винт», вкручиваемый в производственно-хозяйственную и маркетинговую деятельность предприятия управленческими воздействиями, чья масштабность и интенсивность обусловлена результатами диагностирования глубины его нестабильности. Формируя внутренний потенциал субъекта для реализации намечаемых преобразований в интересах укрепления предприятия на рынке, персонал осуществляет выбор инструментов маркетинга для воздействия на потребителей и потенциальных партнеров, а также активизирует инновационный ресурс для формирования антикризисного компонента, способного ослабить действие негативных процессов и создать условия для разрешения части противоречий, находящихся в компетенции собственников и топ-менеджеров.

Построение отношений между субъектами коммуникаций в модели антикризисного управления функционированием и развитием нестабильного предприятия, ориентированной на активизацию мотивационного и коммуникационного компонентов, является ключом в решении текущих и перспективных

задач бизнеса. Сила их влияния определяется способностью бизнеса противостоять негативным процессам и явлениям, существующим и нарастающим в результате нерешаемости ключевых противоречий, отображаемых в представленной пирамиде. Противостоять нестабильности в развитии можно, если взаимодействующие стороны согласятся пойти на компромисс и будут стремиться найти баланс интересов между теми, кто участвует в решении проблем социально-экономической системы и определяет возможности создавать предпосылки для устойчивого социально-экономического роста.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Латентная нестабильность проявляет себя в постоянно изменяющихся и по-разному проявляющих себя конфликтах и противоречиях, затрагивающих отношения между разными участниками маркетингово-коммуникационного пространства, выстраиваемых: а) при построении рациональных бизнес-процессов; б) при выборе маркетинговых инструментов воздействия на целевые сегменты рынка для расширения своего влияния в коммуникационном пространстве; в) при реструктурировании производственно-хозяйственных, коммерческих и иных связей между заинтересованными сторонами; г) при оптимизации маркетинговых сетей в условиях инновационных обновлений на базе изменяющихся коммуникационно-информационных платформ; д) при разрешении проблем укрепления доверия бизнеса в сознании потребителей в части качества предлагаемых им товаров (услуг) и уменьшения влияния на их выбор отрицательной маркетинговой симуляции; е) при принятии управленческих решений в отношении распределения зарабатываемых ими благ для собственников бизнеса на принципах справедливости и социального партнерства.

Латентная нестабильность является порождением разногласий и противоречий внутри предпринимательских структур и внешних противоречий между субъектами рынка (в том числе между бизнесом и государством, между бизнесом и работниками, между стратификационными классами как носителями интересов разных социальных групп, между работниками и государством, между обществом и чиновниками и др.) по разным аспектам их

взаимодействия и сотрудничества. Пирамида противоречий, формирующихся в социальной общности по стратификационному признаку, является ключом к решению проблем устойчивого роста предпринимательской сферы и социально-экономической системы в целом, а также инструментом формирования условий для укрепления социально-гуманистического вектора развития общества.

Модель антикризисного управления предприятием в условиях латентной нестабильности организационно, коммуникационно, инновационно и мотивационно объединяет в себе синхронно функционирующий диагностический и маркетинговый инструментарий, используемый через включение антикризисного компонента, обеспечивающего устойчивое функционирование и развитие предприятия на основе адекватной реакции его менеджмента на перманентно возникающие кризисные вызовы и угрозы.

Модель антикризисного управления предприятием в условиях латентной нестабильности его состояния взаимоувязывает влияние факторов, определяющих наращивание его внутреннего потенциала для обретения им выгодных позиций и придания его функционированию и развитию положительного тренда при одновременном создании условий для укрепления конкурентного положения социально-экономической системы при неблагоприятных внешних политических и рыночных воздействиях и ограниченности ресурсов.

Библиографический список

1. Адизес И. Управляя изменениями. Как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни / пер. с англ. В. Кузина. 3-е изд. М., 2016.
2. Антикризисное управление: учебник / А.А. Беляев, Э.М. Коротков. 4-е изд. М., 2014.
3. Антикризисное управление: учебное пособие // авт. кол. под рук. И.К. Ларионова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
4. Антикризисное управление. Теория и практика: учеб. пособие / под ред. В.Я. Захарова. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2013.
5. Базуева Е.В. Концептуальные основы исследования герменевтики категории эффективности с позиции эволюции научного

знания // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2017. № 3. С. 7–15.

6. *Вальрас Л.* Создание модели общего экономического равновесия. URL: <http://econteor.ru/hste/opebr.php?pg=8xx1>

7. *Вольчик В.В., Скорев М.М.* Институциональные факторы производства знания в современном обществе // Экономическая теория в XXI веке – 2(9): глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой: в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 696–705.

8. *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. URL: <http://znaniyum.com/catalog/product/259560>

9. *Гроздилов С.В.* Справедливость как фактор гармонизации социальных отношений // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства / Материалы междунар. науч. конф. Иваново, 2013. С. 212–216.

10. *Губин В.А.* О диагностике кризисного состояния предприятия // Проблемы современной экономики. 2008. № 2. С.125–127.

11. *Деминг Э.* Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / пер. с англ. 5-е изд. М.: Альпина Паблшер, 2012. 419 с.

12. *Жириновский В.В.* Отчего у русских хмурые лица? // Аргументы и факты, 2019. № 17. С. 16.

13. *Колесников А.А.* Синергетика и научное познание // Синергетика и проблемы теории управления. 2004. С. 379–398.

14. *Костиков В.* Кто ест в три горла? В стране растет социальное и материальное расслоение // Аргументы и факты. 2019. № 17. С. 5.

15. *Ларионова И.* Оздоровление бизнеса: монография. М., 2006.

16. *Макурин А.* Не зарплаты, а заплаты. Что должно измениться в экономике, чтобы в России стали платить, как в Европе // Аргументы и факты. Деловая среда. 2019. / № 17. С. 10.

17. *Макурин А.* Шкала несправедливости. Когда в России бедные и богатые перестанут платить одинаковый подоходный налог // Аргументы и факты. Деловая среда. 2019. № 14. С. 6.

18. *Мишулин Г.М.* Методология исследования эволюционирующих рыночных инстру-

ментов // Проблемы формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России / под ред. Г.Б. Клейнера и др. Краснодар, 2014. С. 152–172.

19. *Никишкин В.В.* Кризис маркетинга или маркетинг кризиса // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2009. № 6. С. 17–23.

20. Превентивное антикризисное управление: учеб. пособие / В.М. Распопов, В.В. Распопов. М., 2012.

21. *Романова О.* Оптимизация поведения предприятия в современных условиях // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 3. С. 116–120.

22. *Рубини Н.В.* России нужно стимулировать частный сектор // Мир новостей. 2015. № 47 (1143). С. 3.

23. Современная модель эффективного бизнеса: монография / Т.А. Барсукова, Ю.К. Беляев, Л.М. Божко, Ю.В. Великая и др.; под общ. ред. Чернова С.С. Новосибирск, 2014.

24. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник / под общ. ред. В.В. Миронова. М., 2006.

25. *Степин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.

26. Стратегия модернизации экономики России: теория, политика, практика реализации / под ред. О.В. Иншакова, Г.Б. Клейнера, В.В. Сорокожердьева. М., 2011. С. 336–359.

27. *Траут Дж., Райс Э.* Маркетинговые войны. СПб., 2018.

28. Управление предприятием: финансовые и инвестиционные решения: учеб. пособие / А.В. Гукова, И.Д. Аникина, Р.С. Беков. М., 2012.

29. *Уэрта де Сото Х.* Социально-экономическая теория динамической эффективности / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. Челябинск, 2011. 425 с.

30. *Файншмидт Е.А., Юрьева Т.В., Кузнецов Б.В.* Антикризисный PR. М., 2013.

31. *Федоровский В.А.* Основы антикризисного маркетинга. Николаев, 2006.

32. *Чуйков А.* Who is мистер Котюков? Российскую науку топят свои министры // Аргументы недели. 2019. № 15. С. 8–9.

33. *Щепакин М.Б., Губин В.А.* Концептуальные аспекты управления предприя-

тием с использованием антикризисного компонента // Экономика устойчивого развития. 2019. № 2(38).

34. *Щепакин М.Б., Губин В.А.* Разрешение противоречий – источник обеспечения устойчивого равновесия нестабильного предприятия в социально-экономической системе // Экономические отношения. 2019. Том 9. № 1. С. 353–372. doi: 10.18334/eo.9.1.39922

35. *Щепакин М.Б., Губин В.А., Хандамова Э.Ф.* Маркетингово-ресурсный подход к антикризисному управлению априорно нестабильными социально-экономическими системами // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 1. С. 113–136.

36. *Щепакин М.Б., Хандамова Э.Ф., Ивах А.В., Федин С.В.* Управление конку-

рентной позицией предприятия на основе повышения доверия к бизнесу // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия Экономика. 2017. № 2. С. 7–21.

37. Экономическая безопасность России в условиях глобальных вызовов: подходы и решения: монография / В.И. Трысячный, В.П. Зыза, А.В. Ишханов, Г.М. Мишулин и др. Краснодар, 2018. С. 221–240.

38. *Khandamova E. F., Shchepakina M. B., Bazhenov Y.V.* Managing the competitive position of the enterprise by activating the tools of its marketing behavior (Управление конкурентной позицией предприятия посредством активизации инструментов его маркетингового поведения) // Экономика и предпринимательство. 2017. № 3–2(80–2). С.1168–1175.

МЕНЕДЖМЕНТ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В РАМКАХ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДИМОЙ ПРОДУКЦИИ

*А.А. КИЗИМ, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: arko1980@mail.ru*

*А.М. РОМАНЕНКО, магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: alenochka_romanenko96@mail.ru*

Аннотация

Одной из центральных проблем производителей остается управление, в результате чего система стратегического управления структурой брендов становится неотъемлемым элементом маркетинга, в том числе и для отечественных предприятий. При этом проблемы оценки стратегической привлекательности до сих пор остаются практически малоисследованными, а для оценки данного показателя используются лишь отдельные методы, в то время как проблема имеет комплексный характер.

Ключевые слова: менеджмент, маркетинг, стратегическое управление, позиционирование, ребрендинг, портфель брендов.

В условиях современного мира менеджмент и маркетинг представляют собой неотъемлемую часть для реализации успешной деятельности каждого предприятия. Маркетинг – явление динамичное, комплексное и разноплановое, что объясняет отсутствие возможности представления единственной полной и исчерпывающей дефиниции. На сегодняшний день он трактуется абсолютно новой философией предпринимательства, основой которой служат моральные и социально-этические нормы делового общения, общественные и потребительские интересы, правила добросовестной коммерческой деятельности и международные кодексы. Для компании маркетинг представляет деятельность, направленную на изучение групп целевой аудитории и завоевание определенной доли рынка.

Постоянный рост значимости менеджмента и маркетинга в коммерческой деятельности обуславливается непрерывным усложнением и изменчивостью отношений между субъектами рынка.

В силу того, что маркетинг влияет на структуру поведения компании на рынке, он представляет собой часть современных рыночных отношений. Однако одной из центральных проблем организаций принято считать управление, в результате чего система стратегического управления структурой брендов превращается в неотъемлемую часть маркетинга, в частности, для отечественных предприятий, которые вступают в жесткую конкурентную борьбу. Стратегическое управление становится все более актуальным под влиянием увеличения масштабов и усложнения производственной структуры, высокого темпа научно-технического прогресса, быстрых изменений в потребительских предпочтениях и других факторов. В свою очередь изменяются характер целей компаний и средства их достижения, ставшие невозможными без применения современных подходов к стратегическому управлению и позиционированию брендов [20].

В оценке стратегического управления предприятием наибольшее признание получил подход, разработанный Boston Consulting Group, который направлен на выявление взаимосвязи между долей рынка, занимаемой компанией, а также темпами его роста в целях анализа стратегической привлекательности бренда. В их исследовании разработана матрица, посредством которой любая компания классифицируется одним из 4 типов: звезда,

темная лошадка, дойная корова или собака [28].

Консалтинговой фирмой McKinsey была также разработана система индикаторов, таких как привлекательность рынка и конкурентное преимущество компании, в рамках которой все фирмы делятся на победителей, проигравших и средний бизнес [22].

Ф. Котлер рассматривает методологические аспекты в области стратегического управления и позиционирования. Им разработана и обоснована концептуальная модель развития структуры брендового портфеля, разработаны теоретико-методологические основы брендинга [17].

Отдельные фундаментальные исследования посвящены изучению факторов, которые могут служить основой для конкретной оценки стратегической привлекательности брендов, в частности, они изложены в трудах С. Дэвиса и М. Данна, Д. Лемана, К. Келлера и Дж. Фарлея, Т. Муноза и С. Кумара, Д. Аакера [13, 19, 29, 30].

Однако проблемы оценки стратегической привлекательности до сих пор остаются практически малоисследованными. Во всех указанных работах для оценки данного показателя используются лишь отдельные методы, в то время как эта проблема имеет комплексный характер [9].

В современном менеджменте существуют тысячи различных альтернативных вариантов и тонкостей, влияющих на процесс принятия управленческого решения. Концепции, оказывающие положительное влияние на динамику ключевых показателей в рамках одного предприятия, могут оказаться неэффективными или даже отрицательными для другого [26]. Наличие альтернатив для менеджмента, адаптивность и неординарность хозяйственных комбинаций, индивидуальный характер принятия решений о способе действия в той или иной ситуации служат основой делового управления. Поэтому в управлении менеджмента необходимо делать акцент не на стандартизированные приемы и методы, а на способность быстро и взвешенно оценивать текущую ситуацию и своевременно принимать решение [3].

Отечественный менеджмент представляет собой процесс творческого осмысления зарубежного опыта с последующей его адаптацией к российской специфике, т.е. некий симби-

оз международного опыта по эффективному управлению и выработанного российского на основе сложившихся национально-исторических отличий в нашей культуре [4].

Нами дана авторская трактовка на подход к формированию системы позиционирования промышленного предприятия на рынке, которая заключается в гибридной системе менеджмента, учитывающей передовой опыт развитых стран, основанной на прозрачности отношений между производителем и потребителем через бренд, а также с учетом сегментированного подхода в формировании ассортиментной политики и активном внедрении информационных технологий в процессы маркетинговых активностей и взаимодействий с внешней средой.

Сочетание указанных методов в современной экономической среде позволяет существенно повысить степень интеграции продукта в рынок, а также узнаваемость бренда среди потребителей различных категорий, на основании чего возможно построение долгосрочной стратегии позиционирования и развития бизнеса.

Таким образом, разработка стратегии – это сложный и многогранный процесс, который нельзя свести к обыденным методам и алгоритмам. При этом существует ряд определенных базовых норм и обобщающих моделей по разработке стратегии ведения бизнеса. Подразумевается, что стратегия внедряется с помощью конкретных правил и процедур. Правила определяют пределы действий и поведения на предприятии, направляя его функционирование на путь реализации стратегии. А процедуры, в отличие от правил, описывают действия, которые необходимо совершать при наступлении определенных условий. Правила и процедуры разработки стратегии представляются только в рекомендательной форме, так как любое предприятие по-своему подходит к выбору стратегического решения [6, 7].

В связи с изложенным последние работы П. Друкера, касающиеся оценки современной системы управления организацией, показывают, что в условиях реалий XXI в. большая часть ранее эффективных способов управления компаниями перестает быть таковой. Появляется потребность в создании иных подходов разработки стратегий по развитию предприятий и другой парадигмы менеджмента. По мнению П. Друкера, внешняя эко-

номическая среда бизнеса, как никогда ранее, способствует созданию альтернативных вызовов и угроз, учитывать которые необходимо в рамках разработки стратегических решений по задаче достижения фирмой наилучших условий коммерческой деятельности [11].

Также необходимо учитывать следующие факторы:

– менеджмент напрямую связан с управлением деятельностью предприятия;

– организационная структура компании должна быть разработана и реализована с учетом специфики деятельности и поставленных задач, она также может отличаться в рамках отдельных звеньев общей структуры предприятия;

– деятельность предприятия зависит от персонала, сотрудники низших звеньев являются «работниками знаний», работу которых не представляется возможным стандартизировать полностью;

– в большинстве компаний стратегия управления базируется на понимании ценностей, представляемых производимым продуктом, товаром, работой или услугой для потенциальных клиентов, а также приоритетов, предпочтений и склонностей распределения доходов;

– функциональные обязанности современного менеджмента выходят за грани формальных юридических полномочий, захватывая весь процесс по созданию ценности для потребителя;

– практика менеджмента в большей степени должна базироваться на операциональных, а не политических категориях;

– на результат производственной деятельности современных компаний первостепенное влияние оказывают факторы внешней, а не внутренней среды [12].

Одной из основных проблем, связанных с развитием бренда, является определение необходимости брендового расширения или сохранения имеющегося портфеля товарных брендов.

Брендовым портфелем необходимо управлять в соответствии с требованиями рынка и потребностями покупателей, стремясь максимально увеличить прибыльность товаропроизводителя. Выбор стратегии зависит от ряда факторов: характеристик товаров; способности предприятия адаптироваться к необходи-

мым переменам; инвестиций и ресурсов; долгосрочной бизнес-модели [27].

С позиции маркетинга атрибуты бренда необходимо разрабатывать и воплощать в комплексном образе продукта, основываясь не на дизайнерской фантазии или частных и зачастую субъективных взглядах сотрудников отдела маркетинга, а на базе выявления потребностей потенциального потребителя, его предпочтений, привычек и ценностей [10].

При этом одно из условий для создания уникальности бренда – это непрерывное совместное применение всех брендовых атрибутов (рис. 1). Но это не значит, что разработать бренд не представляется возможным, без использования абсолютно всех идентификаторов. Согласно практическому опыту, большинству брендов достаточно совместно использовать 2–3 атрибута, причем они должны гармонично дополнять друг друга, подходить общей системе уникальности бренда, учитывать потребительские предпочтения и ожидания [14, 21].

Все атрибуты бренда должны соответствовать его позиционированию, т.е. месту на рынке, которое занимает бренд по отношению к конкурентам, а также отвечать покупательским потребностям и восприятию.

Дифференцированное позиционирование в основном устанавливается и рассматривается согласно 1 из тезисов:

- 1) согласно отличительным чертам продукта;
- 2) согласно выгоде;
- 3) согласно применению продукта;
- 4) согласно потенциальной целевой аудитории;
- 5) согласно ценам;
- 6) согласно дистрибуции;
- 7) имиджевое (привнесение изменений в образ бренда) [18].

Способов позиционирования существует огромное множество, в зависимости от того, какие характеристики берут за основу авторы. Но важно помнить, что позиционирование подстраивается под конкретную рыночную ситуацию. Поэтому следует ориентироваться на конкретный случай, учитывая рынок и возможности компании [23].

Так, например, в текущих рыночных условиях существует тенденция использования компаниями в основе стратегии конкурентно-

Рис. 1. Составляющие бренда (модель Д. Аакера) [1, 2]

го позиционирования различных видов инновационных маркетинговых коммуникаций. В ряде работ раскрыты преимущества такого вида позиционирования, которые проявляются в том, что повышается восприятие потребителями позиционирования компании и бренда в целом, а также происходит более эффективное донесение до целевых групп информации о преимуществах компании за счет инновационных видов продвижения. При этом конкурентное преимущество может основываться на любых сильных сторонах и компетенциях компании или при их взаимодействии [16].

Кроме того, необходимо производить оценку потенциальных возможностей компании. В настоящее время при разработке стратегии управления брендом большую роль играет матричный анализ, преимущество которого заключается в использовании нескольких показателей во время разработки стратегии управления портфелем брендов предприятия, а сам анализ предоставляет выбор оптимальной стратегии для конкретных брендов из нескольких альтернатив. В системе стратегического маркетингового управления наиболее известны матрицы Бостонской консалтинговой группы, Ансоффа и «Дженерал

Электрик», широко используемые в маркетинговом анализе различных областей. В последние десятилетия приобрели популярность методики матричного анализа, разработанные непосредственно для использования в сфере брендинга, к которым можно отнести матрицу Таубера, матрицу финансового управления брендами и матрицу рентабельности продаж бренда [26].

В концепцию ступенеобразного осуществления стратегии по позиционированию входят: аргументация цели позиционирования, сочетание мер осуществления программ маркетинга, совокупность целевых характеристик позиционирования, формы и способы рыночного участия, аппарат по контролю и окончательный анализ действенности позиционирования, способствующий получению обратной связи. Исходным пунктом функционирования концепции позиционирования служит утверждение базисной стратегии менеджмента, определяющей философию рыночной роли компании. К характерному системному свойству подобного метода осуществления позиционирования относится корректирование решений управляющего состава организации при поступлении началь-

ству данных об установленных результатах либо значимых переменных в рыночной среде. (рис. 2).

Во время этапа по обоснованию цели позиционирования топ-менеджменту следует ответить для себя на вопрос: чего хочет компания от данных условий рынка: роста занимаемой доли, осуществления экспансии, проникновения в новые сегменты продаж, усиления корпоративного влияния или, возможно, расширения диапазона популярности бренда. При этом следует помнить, что стратегия по позиционированию предприятия главным образом сосредоточена на достижении синергетического результата в качестве консолидированного эффекта основных усилий маркетинговой деятельности.

После определения организацией цели своего позиционирования можно переходить к воплощению на основании конкурентных преимуществ и тактики внедрения стратегии.

Для разработки базовой стратегии требуется детальный анализ имеющихся факторов, а также рынков, на которых компания планирует функционировать. Комплексный перечень сильных и слабых сторон предприятия, а также возможностей и угроз рынка в рамках SWOT-анализа играет роль базовой оценки позиционирования компании с выделением ключевых факторов успеха для определенного сегмента сбыта.

В процессе разработки стратегии позиционирования выявляется, какой именно сегмент сбыта обеспечит достижение поставленной цели позиционирования.

После того как цель позиционирования обоснована, переходят к процессу создания конкурентного преимущества для работы на этом рынке. Для этого менеджер должен обладать ключевым навыком – умением определять параметры конкурентного преимущества, содержащие основной потенциал для защиты позиционирования. При этом топ-менеджер также должен учесть реальный ресурсный потенциал предприятия, отвечающий главной цели позиционирования с учетом преимуществ конкурирующих организаций, уникальности идеи корпоративного позиционирования в рамках оптимальности совокупности транзакций [8].

Необходимо подчеркнуть, что процесс поиска эффективной стратегии позиционирования следует проводить с учетом конкурентного стратегического взаимодействия для своевременной корректировки разработанной стратегии.

Помимо перечисленных аспектов, следует также заострить внимание на Lean-менеджменте, инвестиционных процессах, а также менеджменте бизнес-процессов в рамках повышения качества. Эти методы позволяют также детально и эффективно

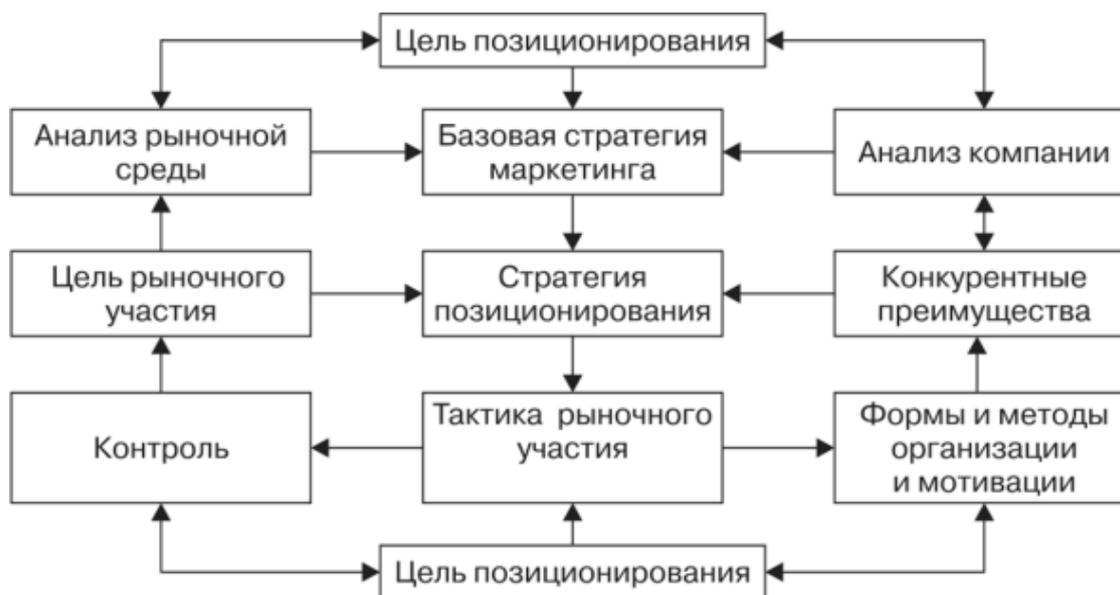

Рис. 2. Разработка стратегии позиционирования [25]

прорабатывать перспективные направления продукт-менеджмента в рамках повышения общей эффективности организации [5, 15].

В качестве основы для создания конкурентных преимуществ на практике применяют дифференциацию с выделением генерации идей рыночного участия и коммерциализацией нового продукта (услуги). В рамках обоснования дифференциации необходимо учесть ограничительные факторы ценообразования, этап жизненного цикла товара, вид маркетинговой коммуникации, передовые формы и методы логистики.

На заключительном этапе стратегии позиционирования разрабатываются тактика внедрения, контроль за ее реализацией и оценка достигнутых результатов.

В условиях развития уровня конкурентной борьбы и усложнения каналов взаимодействия фирм с потребителем все большую значимость приобретает разработка в рамках менеджмента компании целостной маркетинговой программы, в том числе включающей стратегию управления портфелем брендов и позиционирование на рынке, при этом потребность в адекватной оценке принятых управленческих решений не удовлетворяется, поскольку существующие модели носят односторонний характер. Дальнейшее исследование данной проблемы будет посвящено разработке методики, использующей комплексный подход к оценке эффективности используемой стратегии управления, включающей в том числе показатели оценки приверженности к бренду, основным из которых является лояльность, позволившей бы в полной мере оценить эффективность принятия управленческих решений менеджмента предприятия по утверждению стратегии для компании. В качестве базы новой модели могут служить существующие методы оценки, наиболее подходящими среди которых являются подход, предложенный С. Дэвисом и М. Данном, матрица «Дженерал-Электрик» и BCG. При этом следует отметить отсутствие возможности разработки универсальной концепции по принятию решений в области стратегического управления брендами, поскольку каждая из фирм обладает рядом отличительных свойств и особенностей, уникальных для разных рынков в целом и компаний, на них функционирующих в частности.

На наш взгляд, прямой областью применения данного научного труда являются все промышленные организации, действующие на территории России. Поскольку современный рынок насыщен товарной продукцией и высокой конкуренцией, описанные нами методики являются эффективным инструментом в современных экономических условиях.

Таким образом, в условиях современного мира менеджмент и маркетинг представляют собой неотъемлемую часть для организации успешной деятельности любого предприятия. Постоянный рост значимости менеджмента и маркетинга в коммерческой деятельности обуславливается непрерывным усложнением и изменчивостью отношений субъектов рынка. При этом одной из центральных проблем производителей остается управление, в результате чего система стратегического управления структурой брендов становится неотъемлемым элементом маркетинга, в том числе и для отечественных предприятий.

Библиографический список

1. *Аакер Д.А.* Создание сильных брендов: пер. с англ. М., 2003.
2. *Аакер Д.А.* Стратегия управления портфелем брендов: пер. с англ. М., 2008.
3. *Багиев Г.Л., Тарасевич В.М.* Маркетинг: учебник. 3-е изд. 2010.
4. *Балавкин П.А., Федосеев С.А., Рожков А.В., Лобанов И.А.* Исследование стратегической мобильности проблемно-ориентированных систем управления и их позиционирование в условиях развития информационного пространства // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. №3 (140). С. 211–217.
5. *Березовский Э.Э., Кизим А.А.* Инновационные подходы к инвестиционному и Lean-менеджменту на основе опыта стран-участниц ВТО // Инвестиционный менеджмент и государственная инвестиционная политика: материалы Междунар. науч. конф. М., 2017. С. 21–30.
6. *Богданова Т.А., Градов А.П.* Стратегия и тактика антикризисного управления фирмой. 2010.
7. *Вертакова Ю.В., Леонтьев Е.Д., Плотников В.А.* Оценка влияния конкурентной среды на эффективность стратегического управления развитием малого предприятия: методология и практика // Известия Юго-

Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2 (15). С. 30–36.

8. *Виханский О.* Стратегическое управление: учебник. 2-е изд. 1998.

9. *Гайдаенко Т.А.* Маркетинговое управление: полный курс МВА: принципы управленческих решений и российская практика. М., 2005.

10. *Данько Т.П.* Управление маркетингом. М., 2010.

11. *Друкер П.Ф.* Менеджмент. Вызовы XXI века. М., 2012.

12. *Какаева А. Е., Дуненкова Е. Н.* Инновационный бизнес. Стратегическое управление развитием. М., 2012.

13. *Келлер К.* Стратегический бренд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом / пер. с англ. 2-е изд. М., 2005.

14. *Керцнер Г.* Стратегическое управление в компании. Модель зрелого управления проектами. М., 2014.

15. *Кизим А.А., Березовский Э.Э.* Маркетинговые активности в эффективной реализации бизнес-планирования компании // Инвестиционный менеджмент и государственная инвестиционная политика-2: материалы Междунар. науч. конф. 2018. С. 228–236.

16. *Кизим А.А., Малкова Е.М., Кайфеджан Д.П.* Взаимодействие технологий маркетинга и логистики с учетом принципа Cross-heightening // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 11 (102). С. 30–37.

17. *Котлер Ф.* Десять смертных грехов маркетинга. М., 2012.

18. *Кретов И., Карягин Н.* Товарные стратегии и марочные технологии в современном маркетинге. М., 2007.

19. *Леман Д.Р., Винер Р.С.* Управление товаром. М., 2004.

20. *Паикус В.Ю., Паикус Н.А., Паикус М.В.* Подходы к стратегическому позиционированию территорий в соответствии с матрицей конкурентоспособности // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №44 (419). С. 35–44.

21. *Райс Э., Траут Д.* Позиционирование. Битва за умы. СПб., 2015.

22. *Расвел И.М.* Метод McKinsey: использование техник ведущих стратегических консультантов для решения личных и деловых задач. М., 2007.

23. *Сейфуллаева М.Э., Макарова Е.В.* Стратегии повышения стоимости марочного капитала компании // Маркетинг и Маркетинговые исследования. 2010. № 5 (89). С. 374–385.

24. *Фирсанова О.В., Салихова Я.Ю., Лизовская В.В., Байков В.Г.* Стратегический маркетинг. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2018.

25. *Шарапова Т.В.* Стратегический менеджмент: учеб. пособие. 2010.

26. *Шеррингтон М.* Незримые ценности бренда. М., 2006.

27. *Широченская И.П.* Основные понятия и методы измерения лояльности // Маркетинг в России и за рубежом. 2004. № 2 (40). С. 36–44.

28. *Штерн К.* Стратегии, которые работают. Подход VCG: сб. ст.: пер. с англ. / сост.: К. Штерн и Д. Сток-мл. М., 2005.

29. *Davis S., Dunn M.* Building the Brand-Driven Business: Operationalize Your Brand to Drive Profitable Growth. San-Francisco, 2002.

30. *Munoz T., Kumar S.* Brand metrics: Gauging and linking brands with business performance // Brand Management. 2004. № 5. С. 381–387.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ШОКИ: КЛАССИФИКАЦИЯ И МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНЬЮНКТУРУ

*М.В. НИКИТИН, аспирант кафедры экономической теории и экономической политики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
e-mail: mihailnikitin1993@yandex.ru*

*А.А. КАМИНОВ, аспирант кафедры экономики природопользования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
e-mail: aa.kaminov@urfu.ru*

Аннотация

Макроэкономическая конъюнктура уязвима к различным экономическим и политическим шокам. Воздействие шоков приводит к тому, что за короткий срок шок способен кардинальным образом изменить не только деятельность и ожидания игроков, но и волатильность основных показателей, составляющих конъюнктуру. В статье представлена авторская классификация типов шоков: по сферам общественной жизни, по типу и механизму воздействия, по степени охвата рынка, по источнику возникновения шока.

Ключевые слова: политический шок, экономический шок, макроэкономическая конъюнктура, эндогенный шок, экзогенный шок.

С началом трансформационных процессов в России тема экономической безопасности приобретает новые оттенки. Угрозу экономической безопасности уязвляют в основном с развитием в стране рыночных отношений. Уязвимость экономики, связанная с высокой степенью открытости рынков, неразвитость многих институтов, неэффективность политических решений, высокая доля теневого сектора, зависимость экономики от мировых цен на сырье – это только начало списка проблем, которые ставят под угрозу не только экономическую безопасность, но и стабильность экономического развития страны. По этим причинам исследование способности социально-экономической системы противостоять экономическим и политическим шокам как внутреннего, так и внешнего характера

представляется актуальным для современной России.

Прежде всего необходимо определить, что именно можно считать шоком в экономике. По мнению С. Афонцева, шоки – это «кризисные импульсы, зарождающиеся внутри хозяйственной системы в связи с дефектами ее экономической и институциональной среды» [1]. В статье рассматриваются шоки как негативного, так и позитивного характера. Под шоком понимается такое воздействие различных факторов на рассматриваемый рынок, которое в короткий промежуток времени способно кардинальным образом изменить не только деятельность и ожидания игроков, но и волатильность основных показателей, отражающих конъюнктуру рассматриваемого рынка. Таким образом, шок – это некое неожиданное, непрогнозируемое событие или явление, которое, будучи импульсом, приводит к изменению различных рыночных параметров, которые преобразуют импульс в изменение макроэкономических показателей. Поясним процесс возможного влияния шоков на конъюнктуру как экономики в целом, так и отдельно взятой экономической подсистемы.

Предположим, что экономика находится в состоянии равновесия: агенты могут не только предсказать действия других игроков на рассматриваемом рынке и оценить возможные риски своей активности, но также сделать прогноз относительно волатильности основных показателей, отражающих конъюнктуру рассматриваемого рынка, примерное развитие событий на этом рынке, степень волатильности основных рыночных показателей. Однородность эконо-

мических ожиданий позволяет сохранить направление тренда рассматриваемой отрасли или всей экономики в целом.

Теперь представим, что в экономике на мезо- (если рассматривать отдельно взятый регион) или макроуровне произошло какое-то событие (экономическое, политическое, социальное и т.п.), которое как минимум изменяет экономические ожидания агентов, а как максимум – «правила игры» агентов на этом рынке. Таким образом, природа шоков состоит в том, что агенты начинают переоценивать возможные риски своих действий на этом рынке в периоды до и после наступления шока. Последнее приводит к тому, что агенты не могут предсказать действия других агентов, что выводит рынок из состояния равновесия.

Следовательно, шок – это такое импульсное воздействие на конъюнктуру рынка, которое может вызвать изменение волатильности основных показателей конъюнктуры рассматриваемого рынка или изменить динамику рассматриваемого рынка (изменение линейного тренда развития, структурный сдвиг, одномоментное изменение тренда с последующей адаптацией экономики после шока до прежнего тренда и т.д.). Важный вопрос при исследовании – определить принципы классификации и виды шоков, а также механизмы воздействия различных шоков.

Перейдем к классификации типов шоков, которые могут изменять как ожидания агентов на рынке, так и волатильность основных показателей, характеризующих данный рынок. Теория не дает четкой классификации шоков, поэтому предложим собственную (см. таблицу).

1. По сферам общественной жизни шоки подразделяются на экономические, политические, социальные.

Экономические шоки – это изменения различных макроэкономических индикаторов, способные вывести экономику из состояния стохастического равновесия. Виды экономических шоков могут быть самыми разными, но условно разделим их на внутренние и внешние:

– под внутренним экономическим шоком понимается такой шок, источником которого являются государство и государственные институты (изменение законодательства, деятельность Центрального банка, изменение денежно-кредитной политики [6, 15] и др.);

– если же экономический шок является внешним, то все зависит от степени интегрированности страны в мировую экономику и степени участия страны в международном разделении труда и международной торговле. Внешний экономический шок неразрывно связан с определением экономической безопасности страны (каким образом различные экзогенные факторы влияют на макроэкономические индикаторы страны; уязвима ли экономика от внешних факторов и как быстро экономика способна восстановиться до уровня дошокового состояния). Уязвимость экономики определяется многими факторами: является ли страна активным кредитором / дебитором для другой страны, зависимость страны от мировых цен на сырье, наличие резервной валюты, вовлеченность страны в международную торговлю и т. д. [12].

Политические шоки могут быть также внутренними и внешними:

– внутренние шоки задаются сложившейся политической системой внутри страны – рост или падение доверия населения к правительству. Здесь немаловажную роль играют средства массовой информации, независимость и объективность которых способна отражать реальные настроения населения, так называемые информационные шоки Пигу [3]. Канал СМИ может изменить политическое настроение в обществе – от негативного шока, например, заказное убийство Б. Немцова (по данным опросов Левада-Центра в феврале 2016 г., для 22% россиян убийство стало горем, у 4% вызвало гнев, 6% ощутили страх [2]), до позитивного шока, – прямая линия с Президентом РФ [4];

– внешние политические шоки, аналогично экономическим, зависят от степени вовлеченности страны в международную торговлю: чем выше степень глобализации и интеграции, тем в большей степени страны зависят от смены политической системы стран-партнеров (применительно к России, например, санкционная политика стран Европы и США [11], выборы президента США, итоги референдума по вопросу Brexit, миграционная политика в странах Европы, выборы на Украине и др.). Внешние политические шоки индивидуальны для разных стран мира, однако любые политические действия, имеющие мировой резонанс, могут воздействовать как на экономику страны в целом, так и на отдельные рынки этой страны.

Классификация различных видов шоков макроэкономической конъюнктуры [3, 9, 12, 13]

Тип	Вид шока	Примеры шоков
1. По сферам общественной жизни	Экономический	Внутренний: изменение основных регуляторов денежно-кредитной политики Центральным банком.
		Внешний: волатильность резервных валют, рост или падение мировых цен на сырье
	Политический	Внутренний позитивный: прямая линия с Президентом РФ, выборы Президента РФ
		Внутренний негативный: снятие полномочий с высших должностных лиц субъектов РФ (отставка мэра Москвы в сентябре 2013 г.)
		Внешний: санкционная политика стран Европы и США (с февраля 2014 г.)
	Социальный	Позитивный: открытие ветки метро в городе
Негативный: эпидемии, террористические акты, природные катаклизмы		
2. По типу воздействия	Позитивный	Ускорение экономического развития рассматриваемой системы: технологический шок
		Структурный сдвиг: скачкообразный рост мировых цен на сырье
Негативный	Смерть или смена политического лидера	
	3. По механизму воздействия	Прямой
Шок предложения: открытие нового месторождения		
Косвенный		Позитивный: рост реальных доходов населения
		Негативный: нефтяной кризис 1973 г.
4. По степени охвата рынка	Глобальный	Мировой финансовый кризис 2008 г.
	Локальный	Шоки, воздействующие на конкретный рынок или регион: шоки рынка жилой недвижимости
5. По источнику возникновения	Эндогенный	Изменение ключевой ставки Центральным Банком
	Экзогенный	Итоги референдума по вопросу Brexit

Социальные шоки можно подразделить на позитивные и негативные:

– примерами позитивного социального шока могут служить «демографический взрыв», проведение крупных событий в регионе, стране: по данным «Левада-Центра»,

81% россиян считают, что Олимпиада-2014 в Сочи вызвала всплеск патриотизма, 67% россиян считают, что отношение к России в мире улучшилось после проведенного в России чемпионата мира по футболу [7, 14];

– негативный социальный шок: эпидемии тех или иных заболеваний, террористические действия, развертывание преступной деятельности различных преступных группировок (например, серийные убийства по региону, стране) и др.

Зачастую для социальных шоков очень трудно определить временной промежуток реализации. Дело в том, что социальный шок охватывает население отдельного региона или страны в целом, сложность идентификации шока наступает при ответе на вопрос, когда тот или иной социальный шок приобрел всеобъемлющий характер.

Отдельно нужно также выделить климатические шоки, они не зависят, в большинстве случаев, от деятельности людей, имеют природное происхождение и носят негативный характер: засушливое лето, обильные осадки, пожары в лесах, наводнение, смерч, ураган, цунами, падение метеорита и так далее [12]. Все это может служить причиной кардинальных изменений в деятельности игроков на отдельно взятом рынке (например, влияние пожаров и наводнений на рынок жилой недвижимости – рост спроса на новое жилье и ввод нового жилья в сжатые сроки; рост спроса на рынке окон в связи с падением метеорита в Челябинске и др.).

2. По типу воздействия шоки можно условно разделить на позитивные и негативные.

Под позитивными будем подразумевать шоки, которые:

– ускоряют экономическое развитие рассматриваемой системы (происходит излом в линейном тренде; линия тренда становится более крутой). Примерами может стать позитивный технологический шок, который приводит к росту национального дохода и реальных доходов населения;

– позитивный структурный сдвиг (параллельный сдвиг линии тренда вверх с возможным сохранением угла наклона линии тренда). Сильный по воздействию шок: скачкообразный рост мировых цен на сырье, приход более сильного политического лидера в регионе или стране, принятие ряда законодательных актов, которые кардинальным образом меняют «правила игры» на рынке (отмена эмбарго, вступление страны в мировой союз или всемирную организацию [10] и т.д.);

– шок, скачкообразно изменяющий волатильность показателей на рассматриваемом

рынке в сторону положительной динамики, но имеющий краткосрочный эффект (при этом экономика и система сохраняет свой тренд).

Обобщая, можно сказать, что позитивный шок – это такой шок, который, с одной стороны, служит драйвером экономического развития рассматриваемого региона или экономики в целом, а с другой – снижает риски экономических агентов и тем самым устраняет возможную неопределенность на рынке.

Под негативным же шоком понимается такой, который имеет деструктивный характер. Воздействие на экономику – обратное трем возможным случаям, которые были выделены применительно к позитивному шоку. Основным момент – переоценка рисков экономическими агентами в сторону роста рисков, снижение деловой активности на рынке, проведение сдерживающей политики со стороны государства. Примерами негативных шоков могут быть: смерть или смена политического лидера, падение мировых цен на сырье, сильная волатильность курсов валют.

3. По механизму воздействия можно выделить прямые и косвенные шоки.

Если рассматривать рынок как взаимодействующие спрос и предложение, то прямой шок – тот, который происходит от факторов, влияющих на спрос или предложение на данном рынке (т.е. от факторов, эндогенных для данной системы). Эффект от прямого шока быстрее заметен на рынке. После наступления шока игроки реагируют незамедлительно, адаптируясь под изменения в системе [9]. Примером подобного прямого шока может служить введение эскроу счетов в РФ для договоров долевого участия с 1 июля 2019 г. В условиях низкого спроса на многоквартирные жилые дома на первичном рынке жилья из-за падения реальных доходов населения застройщики вынуждены работать на уровне рентабельности, близкой к нулевой. Введение эскроу счетов создает дополнительные издержки для застройщиков в части обеспечения кредита. Эти дополнительные издержки по сопровождению кредитов в рамках строительных проектов застройщик вынужден закладывать в стоимость жилья. Таким образом, введение эскроу счетов может привести к росту стоимости 1 м² жилья на первичном рынке жилья.

Прямые шоки легче прогнозировать, поскольку они задаются так называемыми фун-

даментальными, системообразующими факторами, механизм воздействия которых на экономическую систему известен всем игрокам. Подобные шоки можно также подразделить на шоки предложения и шоки спроса (в зависимости от того, на игроков со стороны спроса или со стороны предложения действует шок в первую очередь).

Косвенный шок «запускает» цепочку событий, которая может вывести систему из состояния равновесия (носит в этом плане импульсный характер). По сути, через «эффект домино» [8] косвенный шок запускает цепочку изменений, происходящих на рассматриваемом рынке (или рынках, смежных и влияющих на рассматриваемый). Импульсный характер заключается в том, что, в отличие от прямого шока, косвенный может повлиять на рынок с запозданием.

Например, если рассмотреть позитивный шок реальных среднедушевых доходов населения применительно к объему потребительских расходов домашних хозяйств, то рост реальных доходов населения (увеличение покупательской способности) приведет сначала к росту спроса со стороны домашних хозяйств на продовольственные и непродовольственные товары (с увеличением доли в потребительской корзине товаров более высокого качества). Увеличение спроса со стороны домашних хозяйств приведет к росту темпов инфляции на потребительские товары. Последнее является драйвером увеличения объемов производства товаров и услуг. Таким образом, шок реальных среднедушевых доходов населения может привести к росту экономической активности в рассматриваемом регионе.

Примером негативного косвенного шока может служить нефтяной кризис 17 октября 1973 г., когда все страны – члены ОПЕК, а также Египет и Сирия заявили, что они вводят «нефтяное эмбарго» для стран, поддержавших Израиль в ходе Войны Судного дня. «Нефтяное эмбарго» вылилось в «Нефтяной кризис в США» [1]. После октябрьских соглашений стран ОПЕК в октябре 1973 г., президент США Р. Никсон призвал всех граждан к экономии, минимальному передвижению на автомобилях с целью экономии топлива. Политическое давление было встречено нефтяными компаниями существенным ростом цен на бензин и дизельное топливо. Последнее

стало причиной быстрого роста транспортных издержек, что повлияло на инвестиционную активность, жилищное строительство (спад более 50%) и производственное строительство (спад еще глубже). Нефтяной кризис 1973 г. был первым энергетическим кризисом и до сих пор считается крупнейшим. ОПЕК снизила объемы добычи нефти не только для того, чтобы повлиять на мировые цены в свою пользу. Главная задача этой акции состояла в создании политического давления на мировое сообщество с целью уменьшения поддержки Израилем Западными странами. Таким образом, политический и экономический шок, созданный нефтяным картелем, спровоцировал стагнацию и оказал сильное воздействие на рынок жилой недвижимости в США и других странах мира.

Классификацию шоков можно продолжать: они могут иметь локальный или глобальный характер. Глобальный шок воздействует на экономическую систему страны и затрагивает участников нескольких отраслей и рынков. Локальный шок свойственен какому-то определенному рынку.

Шоки можно подразделить на эндогенные (задаются внутренними параметрами для рынка) и экзогенные (участники не могут никаким образом повлиять на наступление или ненаступление события, шока; участники являются «шокополучателями») [9].

В работе не принимаются во внимание социальные и климатические шоки. Для социальных шоков характерно отсутствие точной причины их возникновения (особенно – для культурного шока). Климатические шоки сложно идентифицировать, определить начало воздействия шока и его продолжительность, особенно – для климатических шоков, оказывающих влияние на экономики стран мира (например, глобальное потепление, таяние ледников, парниковый эффект и т.д.).

Экономические и политические шоки гораздо легче идентифицировать и привязать к какой-то конкретной дате (дата опубликования законодательного акта, дата объявления результатов выборов, дата подписания соглашения о поставках, начале сотрудничества, вступления страны в мировую организацию и т.д.). При этом особый интерес представляет анализ косвенных шоков, которые могут оказывать влияние на рассматриваемую систему с запозданием (с лагом), а значит, понимание

возможного механизма воздействия шока на эту систему является источником успешных реакционных и адаптивных мер участников рынка.

В заключение необходимо определить принцип рассмотрения шока применительно к экономикам переходного типа с позиций угрозы для экономической безопасности страны. Иными словами, способна ли система подстроиться под шок или же шок (особенно экзогенный) носит деструктивный характер и кардинальным образом меняет «правила игры» участников? В российской экономике и подобных переходных экономиках шоки обусловлены ограниченной возможностью адаптации экономики к меняющимся условиям. Опасность дестабилизации экономической системы связана не столько с действием шока, сколько с трудностями приспособления экономики страны к этим шокам. Например, неурожай как шок может представлять угрозу только в том случае, если отсутствуют альтернативные источники продовольствия – угрозами являются лишь те шоки для экономической среды, на которые хозяйственная система не способна найти ответ (и ей приходится просто адаптироваться к действию шока).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что анализ механизма влияния различных типов шоков позволяет определить степень уязвимости макроэкономической конъюнктуры страны или региона от того или импульсного воздействия. В российской экономике и подобных переходных экономиках шоки обусловлены ограниченной возможностью адаптации экономики к меняющимся условиям. Опасность дестабилизации экономической системы связана не столько с действием шока, сколько с трудностями приспособления экономики страны к этим шокам. Поэтому понимание возможного механизма воздействия шока на макроэкономическую экономику является источником успешных реакционных и адаптивных мер государственной власти в рамках социально-экономической политики региона или страны в целом.

Библиографический список

1. *Афонцев С.А.* Проблемы экономической безопасности России в контексте рыночной

трансформации // Социально-экономическая трансформация в России / под ред. Е.А. Киселевой. 2001. Вып. 131. С. 15–42.

2. Борис Немцов: восприятие и расследование убийства // Левада-Центр, 19.02.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/19/boris-nemtsov-vospriyatie-i-rassledovanie-ubijstva/>

3. *Григорьев Л., Иващенко А.* Теория цикла под ударом // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 31–55.

4. *Давыборец Е. Н.* Прямая линия президента с народом как социально-политическая технология // Социс. 2015. № 4. С. 57–62.

5. *Дробышевский С.М.* [и др.] Влияние ставок процента на экономический рост // Деньги и кредит. 2016. № 9. С. 29–40.

6. *Зубарев А.В., Трунин П.В.* Влияние реального обменного курса рубля на экономическую активность в России // Проблемы прогнозирования. 2014. №2. С. 92–102.

7. Итоги Олимпийских игр в Сочи // Левада-Центр, 03.03.2014. URL: <http://www.levada.ru/03-03-2014/itogi-olimpiiskikh-igr-v-sochi>

8. *Максимов С., Бачуринская И.* Управление внешними эффектами на рынке недвижимости // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 379–381.

9. *Малкина М.Ю., Щулепникова Е.А.* Особенности формирования спроса, предложения и равновесия на рынке жилой недвижимости в России // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 16 (319). С. 2–14.

10. *Медведков М.Ю.* Россия в рамках ВТО-некоторые актуальные вопросы // Деньги и кредит. 2013. №8. С. 3–4.

11. *Навой А.В.* Адаптация платежного баланса Российской Федерации к внешним шокам в 2014–2017 годах // Деньги и кредит. 2017. № 11. С. 3–13.

12. *Сергеев Д.Ю.* Экономические свободы, финансовое развитие и экономический рост / Препринт BSP/2007/093 Е. М., 2007.

13. *Стерник Г.М., Стерник С.Г.* Анализ рынка жилья для профессионалов. М., 2009.

14. Чемпионат мира по футболу: внимание и оценки // Левада-Центр, 30.07.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/07/30/championat-mira-po-futbolu-vnimanie-i-otsenki>

15. *Шоломицкая Е.В.* Влияние ключевых макроэкономических шоков на инвестиции в России // Экономический журнал высшей школы экономики. 2017. т. 21. № 1. С. 89–113.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ МЕХАНИЗМА ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

*А.О. КАМИНСКАЯ, аспирант кафедры экономики предприятия,
Институт экономики и управления КФУ им. В.И. Вернадского
e-mail: anna_kaminskaya29@mail.ru*

Аннотация

В данной статье рассматривается институциональный подход к формированию механизма финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования как неотъемлемой составляющей современной социально-экономической системы России и основы реализации предложенной Концепции ее инновационного развития.

Ключевые слова: институциональное регулирование, инновационная деятельность, транзакционные издержки, финансирование инновационной деятельности.

Под институциональным регулированием финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования понимается совокупность законодательной документации, являющейся основой формирования финансовых ресурсов на инновационную деятельность и результатов инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства (инновационной продукции и влияния на результаты деятельности предприятий), т.е. приведение как минимум к соответствию, объёма затрат финансовых ресурсов на инновации и объёма хозяйственных результатов от инновационной продукции.

Институциональное регулирование финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства необходимо осуществлять для того, чтобы величина государственных расходов на инновации не превышала бы величину формирования доходов от инноваций, максимально

снижать транзакционные издержки на инновационную деятельность с целью соблюдения баланса формирования доходов и расходов государственного бюджета и формирования профицитного бюджета страны.

Институциональное регулирование финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства предусматривает воздействие на финансовые процессы социально-экономической системы законодательной документации (указы Президента России, федеральные законы, постановления Правительства России и другие нормативные акты), являющейся основой формирования финансовых ресурсов на инновационную деятельность и результатов инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства.

Д. Норт отмечал, что «институты находятся в постоянном изменении вместе с изменением соотношения сил игроков или трансформацией условий организации их деятельности, в связи с чем появляется необходимость формирования новых институциональных ограничений, правил игры» [11].

Ф. Фукуяма уточнил, что в случае, если инновационные процессы трансформации не влекут за собой институциональные преобразования, «может иметь место потеря социального капитала, а потеря стабильности в макроэкономических масштабах государства может привести к снижению уровня социального доверия между субъектами хозяйствования рынка, внедряющими инновации и осуществляющими инновационную деятельность» [17, с. 28–29]. Ожидаемым следствием этого может быть возрастание величины

транзакционных издержек на инновационную деятельность в экономике и потребной суммы финансирования инновационной деятельности государства.

Основные направления инновационной деятельности в государстве представлены на рис. 1.

Рассматривая кадровый потенциал страны в 2016 г., отметим, что по производительности труда в разных секторах экономики на настоящий момент у России сохраняется значительный потенциал роста (рис. 2). Если ориентироваться на показатели других стран [5, 10, 16], то наименьший потенциал роста производительности труда в России — в сфере добычи полезных ископаемых: здесь производительность в России составляет 75% от уровня Австралии, лидирующей по этому показателю среди рассматриваемых стран. Наибольший потенциал роста — в области научных исследований и разработок, где производительность в России составляет 21% от соответствующего показателя США, занимающих первое место. Как следует из примера Южной Кореи, данный фактор поддается трансформации на обозримом временном горизонте, и таким образом, именно повышение производительности за счет инноваций может стать в России драйвером роста ВВП.

Рассматривая фактор производственных фондов, следует заметить, что с 2008 г. наметился тренд на снижение инвестиций в основной капитал. Однако его динамика в последние годы меняется на противоположную (табл. 1), происходит постепенное восстанов-

ление объемов инвестиций до уровня 2012–2013 гг. и позитивный настрой в бизнес-среде. В то же время сохраняются геополитические риски и высокая степень неопределенности относительно вклада этого фактора в ВВП.

При исследовании инструментария регулирования финансирования инновационной деятельности государства следует учитывать особенности сформировавшейся институциональной среды, в рамках которой применяются инструменты регулирования.

С 2010 г. вклад фактора инноваций оказывал значимое влияние на рост ВВП — в период с 2010 по 2014 г. он обеспечивал 1,1% ежегодного прироста ВВП страны. Для достижения же глобальных целей по увеличению ВВП на душу населения к 2025 г. в 1,5 раза, фактор инноваций должен приносить более 4% ежегодного прироста ВВП, или 3–6 трлн р.

В базовом сценарии Минэкономразвития прирост ВВП на горизонте до 2020 г. составляет порядка 2,2%, что выше темпов роста ВВП последних лет, но недостаточно для достижения среднемирового уровня роста [10].

В оптимистичном сценарии Минэкономразвития темпы роста ВВП близки к среднемировым (около 2,6% в год), и основной вклад в рост ВВП происходит за счет инноваций, а также увеличения фактора капитала.

Амбициозный сценарий предполагает выполнение цели по увеличению ВВП на душу населения в 1,5 раза за счет активации потенциала инноваций в ближайшие годы с перспективой повышения ежегодного прироста

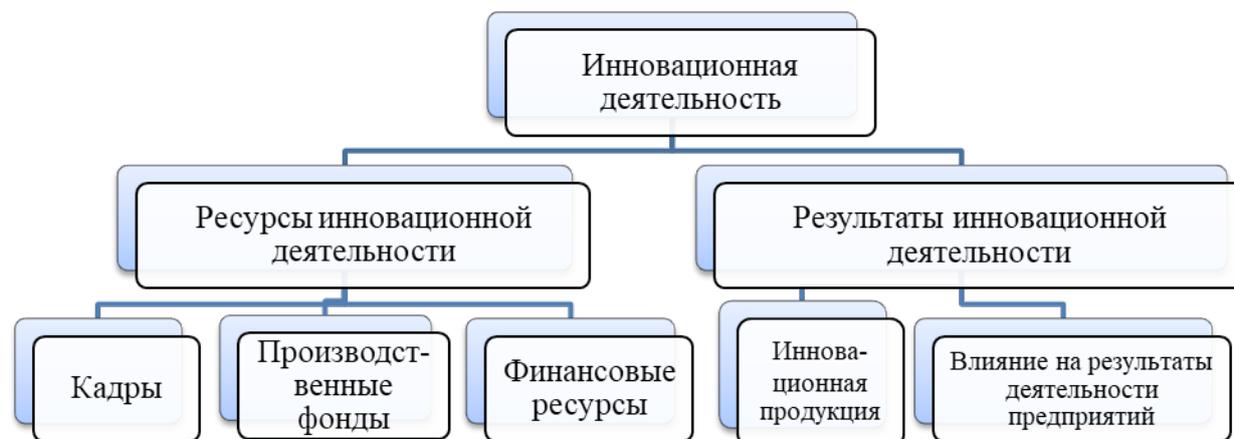

Рис. 1. Основные направления инновационной деятельности. Составлено автором по [10]

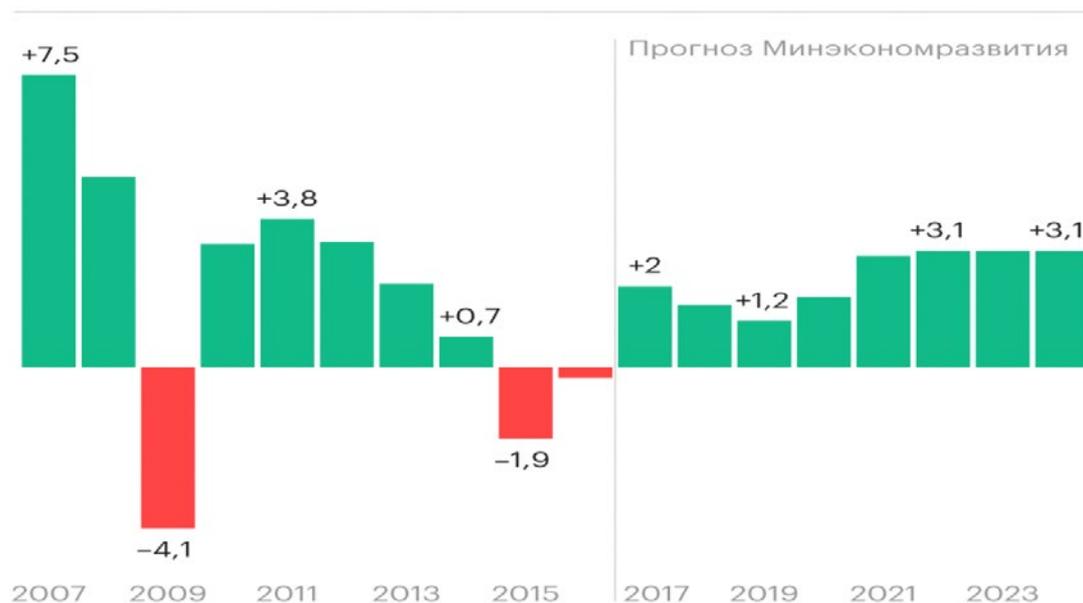

Рис. 2. Динамика производительности труда в России [9]

ВВП до 5,7% в 2021–2025 гг., что позволило бы выйти на пятое место среди мировых экономик и обогнать среднемировые темпы роста.

Гипотезы, лежащие в основе этих сценариев, коррелируют с глобальными трендами, отражающими, с одной стороны, старение населения и падение численности трудовых ресурсов, а с другой — повышение доступности финансирования и стремительное развитие инноваций, увеличивающих производительность.

При этом если обратить внимание на динамику инновационного развития России, например на инновационный компонент рейтинга глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, видно, что страна набирает позиции по этому показателю (рост на 29 пунктов за четыре года), однако потенциал роста по сравнению со странами — лидерами по показателю ВВП все еще сохраняется.

Эффективное государственное финансирование инновационной деятельности субъектов хозяйствования согласно современному институциональному подходу предполагает финансирование научных исследований, целевых научных программ, государственно-частное партнерство.

Финансирование научных исследований осуществляется по основным направлениям: при помощи формирования различных внебюджетных и венчурных фондов, а также путем создания через софинансирование инновационной инфраструктуры, которая включает в себя технопарки, инкубаторы, инновационно-технологические центры.

Основная Федеральная целевая программа в сфере науки – «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 годы». Программа обеспечивает программно-целевой подход к решению указанных проблем. Программно-целевой подход необходим для того, чтобы сконцентрировать в рамках программы государственные ресурсы и частные инвестиции на решении ключевых проблем в инновационной сфере, обеспечить сбалансированность и последовательность решения указанных задач, запустить механизмы саморазвития инновационной системы.

Поддержка малого инновационного бизнеса и стимулирования инноваций осуществляется посредством государственной политики: создания особых экономических зон с льготным режимом налогообложения (ОЭЗ), центров по продвижению технологий (ЦПТ) и государственно-частного партнерства (ГЧП).

В то же время институциональная среда России практически не стимулирует промышленность к финансированию научных исследований и к разработкам ученых [1, 3–6, 8, 10, 13, 15, 16].

Причинами слабой восприимчивости в России производственной среды к инновациям являются такие факторы институциональной среды:

1) отсутствие сквозного законодательства, объединяющего все сферы применения науки: производство, образование, фундаментальные и прикладные исследования;

2) нерешённость проблем коммерциализации инноваций, интеллектуальной собственности, венчурного предпринимательства;

3) слабые стимулы инновационной деятельности субъектов хозяйствования, в том числе налогового законодательства [7].

Вместе с тем очевидной институциональной положительной тенденцией является то, что Россия постоянно увеличивает расходы на науку [13]. Так, общий объем ассигнований на гражданскую науку из средств федерального бюджета в 2019 г. в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2018 № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» составит 416,3 млрд р. (2,77% расходов федерального бюджета) (см. таблицу) [10].

Проанализировав данные таблицы, можно сделать вывод, что финансирование науки увеличивается ежегодно. Кроме прикладных научных исследований, по всем остальным статьям расходов наблюдается тенденция роста финансирования, что свидетельствует о важной роли институтов государства и привлечении его внимания к научной сфере.

В последующие годы государством планируется ежегодно выделять на гражданскую науку свыше 450 млрд р., что приведет к росту доли ассигнований на гражданскую науку в расходах федерального бюджета до 2,89% в 2020–2021 гг. и является, несомненно, авангардным направлением современного институционального механизма финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования социально-экономической системы России.

Сформулируем критерии регулирования финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования. Для этого вначале рассмотрим взаимовлияние основных

операций финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования в процессе движения финансовых ресурсов государства, что (рис. 3).

К одному и тому же трансформационному процессу может быть подобран различный инструментарий институционального регулирования финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства, что повлечёт за собой различные объёмы трансакционных издержек [18]. То есть инструментарий институционального регулирования финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства является сложным с точки зрения как его выбора, так и внедрения, разнообразен в трансформационной экономике, поэтому отразим, на наш взгляд, главное.

Схема механизма финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства на рис. 4 характеризует последовательную направленность взаимосвязи между понятием финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства и её критериями и финансовыми ресурсами государства в целом, что делает возможным количественную оценку уровня финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства, идентификацию её на основе разработанной классификации и обоснование перспективного выбора объектов и инструментария институционального регулирования финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства.

Следуя схеме рис. 4, критериями институционального регулирования финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства можно считать: дефицит сводного бюджета России; остаток средств на финансирование инновационной деятельности субъектов хозяйствования на едином казначейском счёте; государственный долг. Данные критерии выбраны нами идентично общепринятым критериям финансового равновесия государства, по Д. Норту [11]. По нашему мнению, снижение трансакционных издержек на инновационную деятельность при организации процессов формирования и использования финансовых ресурсов государства на инновационную деятельность в пределах критериальных ограничителей следует считать основным индикатором ис-

Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета за период 2000–2021 гг. [10]

Показатель	Год										
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млн р.	17091,7	76909,0	237644,0	439392,8	402722,3	377882,2	363698,7	416295,4	450368,6	460687,6	
Фундаментальные исследования	7866,2	32025,1	82172,0	120203,8	105247,6	116977,6	148589,2	178927,0	199071,4	215863,7	
Прикладные научные исследования	9225,5	44883,9	155472,0	319188,9	297474,7	260904,6	215109,5	237368,4	251297,2	244823,9	
Доля прикладных исследований, %: к валовому внутреннему продукту	0,23	0,36	0,51	0,53	0,47	0,41	
к расходам федерального бюджета	1,66	2,19	2,35	2,81	2,45	2,30	2,61	2,77	2,89	2,89	

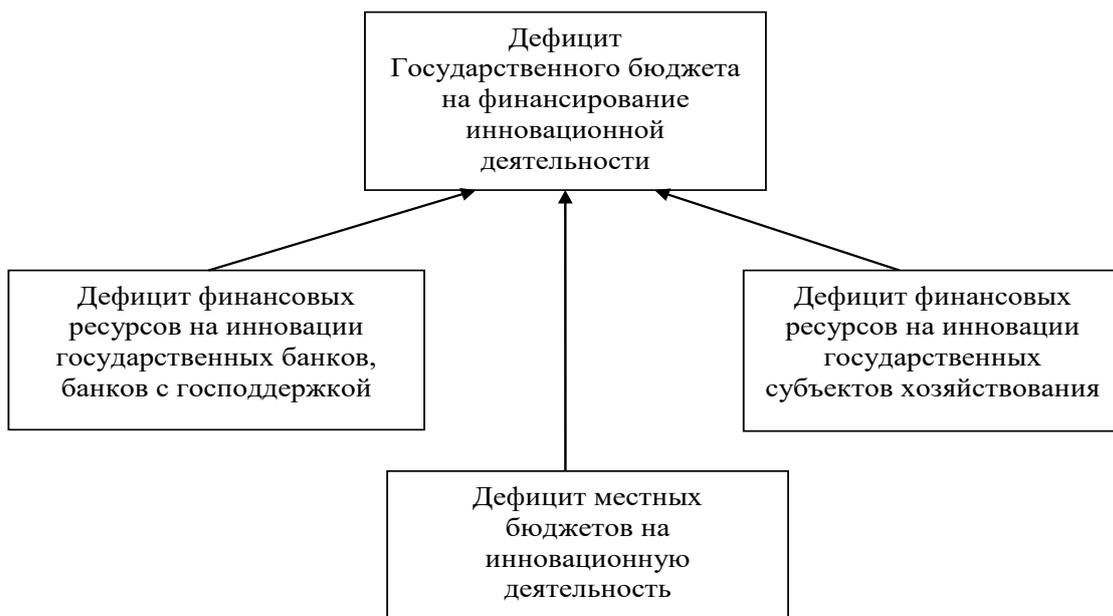

Рис. 3. Взаимовлияние основных операций финансирования инновационной деятельности в процессе движения финансовых ресурсов государства (разработан автором на основе [2, 12, 14])

Рис. 4. Схема механизма финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства (разработан автором)

Институциональный подход к формированию механизма финансирования...

пользования инструментария институционального регулирования повышения эффективности финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства (рис. 5).

С целью активизации инновационного развития современной социально-экономической системы России нами предложена соответствующая концепция (рис. 6). С учётом изложенного предложена обобщающая схема институционального регулирования реализации концепции инновационного развития социально-экономической системы России (рис. 7).

Выводы. Институциональный подход к формированию механизма финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования современной социально-экономической системы России позволил выявить основные тенденции изменения составляющих инновационной деятельности за период 2000–2021 гг.:

– по производительности труда в разных секторах экономики, несмотря на отставание от развитых стран мира, на настоящий момент у России сохраняется значительный потенциал роста;

Рис. 5. Критерии институционального регулирования финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства (составлен автором)

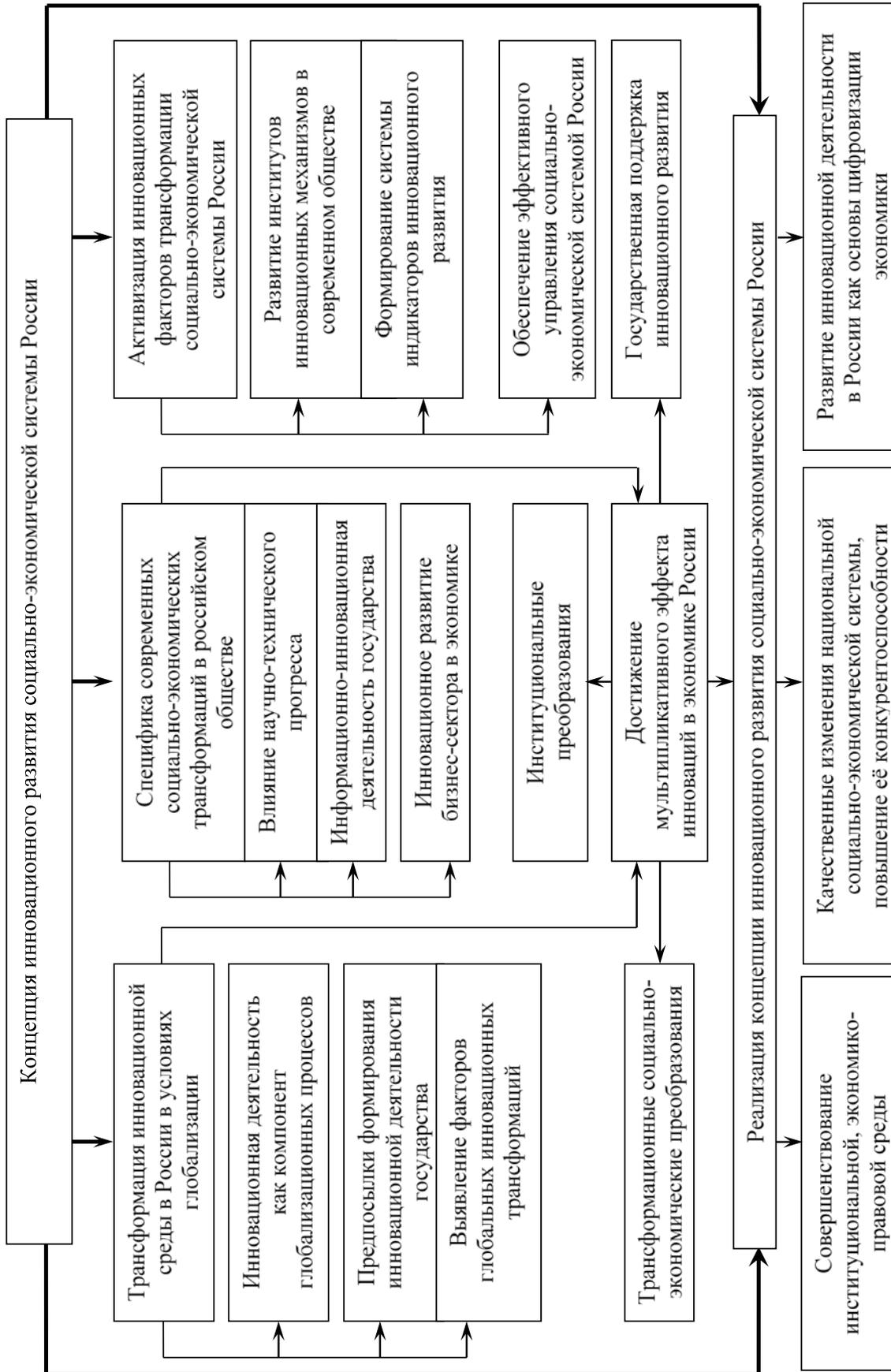

Рис. 6. Концепция инновационного развития социально-экономической системы России (разработан автором)

Рис. 7. Схема институционального регулирования реализации Концепции инновационного развития социально-экономической системы России (составлен автором)

– рассматривая фактор капитала, мы заметили, что с 2008 г. в России снижались инвестиции в основной капитал, однако, в 2017–2019 гг. его динамика меняется на противоположную, происходит постепенное восстановление объемов инвестиций до уровня 2012–2013 гг. и позитивный настрой в бизнес-среде; в то же время сохраняются геополитические риски и высокая степень неопределенности относительно вклада этого фактора в ВВП.

В связи с полученными выводами мы уделили больше внимания третьей составляющей инновационной деятельности – финансовой, предложив концепцию инновационного

развития социально-экономической системы России и схему институционального регулирования её реализации.

Схема предполагает механизм расходования финансовых средств и поступления доходов от инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства, а также позволяет применять различный инструментарий институционального регулирования финансирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования государства: критерии-ограничители; институциональные процедуры; нормы, устанавливающие перечень доходов и расходов от инновационной деятельности – и направлена на недопущение

угрожающего устойчивости экономики роста бюджетного дефицита и государственного долга.

Предлагаемые критерии-ограничители играют важную роль в ограничении государственного роста, роста дефицита сводного бюджета, снижения остатков средств на едином казначейском счёте. Тем самым может быть достигнута стабильность уровня трансакционных затрат, связанных с финансированием расходов на инновационную деятельность.

Библиографический список

1. *Артюхова И.В.* Перспективы создания технологических платформ в Республике Крым // Развитие инновационных альянсов в экономике Крыма / под общ.ред. С.П. Кирильчук. М., 2018.
2. *Балихина Н.В.* Развитие инвестиционно-инновационных процессов в российской экономики. Финансовый аспект. М., 2014.
3. *Габдрахманова Г.И., Яруллин Р.Р.* Проблемы развития и финансирования научно-технического прогресса в России и пути ее решения // Электронный научно-практический журнал «Молодежный научный вестник». URL: www.mnvnauka.ru/2017/05/Gabdrakhmanova.pdf
4. *Глазьев С. Ю.* (официальный сайт). URL: <https://glazev.ru/>
5. Инновации в России – неисчерпаемый источник роста. URL: file:///C:/Users/Asus/Downloads/Innovations-in-Russia_web_lq-1.pdf
6. Информационная экономика: развитие, управление, модели: коллективная монография / под науч. ред. Н.В. Апатовой. Симферополь, 2017.
7. *Наливайченко Е.В., Каминская А.О.* Влияние научно-технического прогресса на трансформационные процессы в экономике России // Друкеровский вестник. 2019. № 1. С. 46–57.
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/6217/>
9. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/mines/main>
10. Наука и инновации / Наука, инновации и информационное общество / Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
11. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
12. *Овчинникова Е.А.* Проблемы финансирования инновационных проектов в Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. №48. С. 409–413.
13. *Ратай Т.В.* Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета по главным распорядителям бюджетных средств. URL: <http://issek.hse.ru/>
14. *Спицын А.* Ориентиры экономического роста // Экономист. 2004. № 10. С. 35–41.
15. Стратегия научно-технического прогресса в Российской Федерации на долгосрочный период. URL: <http://sntr-rf.ru/materials/strategiya-nauchnotekhnologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-na-dolgosrochnyy-period/>
16. *Тупчиенко, В.А.* Научно-технический прогресс и его влияние на экономический рост // Стратегия экономического развития. 2013. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-tehnicheskiy-progress-i-ego-vliyanie-na-ekonomicheskii-rost>.
17. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М., 2004.
18. *Cooter R.D.* The strategic constitution. Princeton, 2000. P. 243- 379.

ИННОВАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ФЕНОМЕНА РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

*В.А. СИДОРОВ, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической экономики, Кубанский государственный университет
e-mail: sidksu@mail.ru*

*Я.С. ЯДГАРОВ, доктор экономических наук, профессор, заведующий секцией «История экономической мысли», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
e-mail: yakovyadgarov@mail.ru*

Аннотация

В обзорной статье проанализирован теоретико-методологический контент феномена рыночного хозяйства, осуществленный по материалам VII Международной научно-практической конференции «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней». Обозначены перспективы формирования инновационной системы России, ее переход на цифровизацию бизнес-процессов, межстрановые риски, современные проблемы в экономике, оригинальное видение путей их решения.

Ключевые слова: рыночное хозяйство, инновации, императивы, риск, санкции, институциональный фактор, поведенческий феномен.

Традиционным для научной общественности Юга России становится дискуссионный форум, организуемый в конце марта Кубанским государственным университетом совместно с Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации. Его неизменной тематикой является полемика вокруг феномена рыночного хозяйства, а предметом – специфика проявления рыночных отношений на постсоветском пространстве. Очередная VII Международная научно-практическая конференция «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней» состоялась 27–30 марта 2019 г. Конференция определила пять приоритетных направлений своей работы.

1. Теоретико-методологические основания и историко-экономический феномен рыночного хозяйства: альтернативные парадиг-

мы экономической науки. В рамках первого направления рассмотрены основные черты несистемного анализа феномена рыночного хозяйства в периоды широкого распространения в экономической науке теоретико-методологических ценностей исследовательских парадигм меркантилизма, классической политической экономии, экономического романтизма и утопического социализма. Раскрыты сущностные аспекты первого опыта системного анализа феномена рыночного хозяйства адептами немецкой исторической школы. Аргументирована проблематика, связанная с выявлением и осмыслением механизма влияния на процесс формирования стоимости (ценности) неценовых факторов, поведенческих и маргиналистских ее направлений.

В этой связи формат поля рыночного хозяйства представлен широкой палитрой разновидностей обособленных хозяйствующих субъектов, разделённых границами секторов рыночной экономики или объектов полного или относительно-частичного присвоения. Данный факт подчеркивает субъектно-объектную определённость системы отношений рыночного хозяйства, его организационно-институциональные основания и экономическую природу.

Выступавшие по этой проблематике доктор экономических наук, профессор Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор Ядгаров Я.С. показали необходимость развития рыночных институтов для перехода к устойчивому социально-экономическому развитию.

Трансформационный аспект феномена рыночного хозяйства был затронут в выступле-

ниях д.э.н, профессора Журавлевой Г.П. (РЭУ им. Г.В. Плеханова) и доктора экономических наук, профессора Сидорова В.А. (Кубанский госуниверситет), раскрывших новый феномен рыночного хозяйства, проявляющийся в нарастании ложных представлений о его качестве. В характеристиках авторов докладов это прозвучало как «Fake-экономика». Общим контентом выступлений стал анализ сущностных характеристик этого нарождающегося явления, проявляющегося в фальсификации информации, товаров и услуг, человеческой деятельности.

Обсуждение выступлений вызвало живейшую дискуссию, в рамках которой феномен эволюции общественного характера производства на фоне капиталистического присвоения в условиях современного рыночного хозяйства получил интерпретацию через призму интернационализации мирохозяйственных связей. Участники дискуссии пришли к выводу, что основной задачей экономической науки на современном этапе следует считать разработку такой теоретико-методологической базы в области данной проблематики, которая позволит разрешить указанные противоречия.

2. Институционально-поведенческая платформа феномена рыночного хозяйства. В рамках второго исследовательского направления обнаружили три стратегических концепта: психолого-поведенческий; институционально-функциональный; воспроизводственно-продуктовый.

Психолого-поведенческий концепт исходил из понимания того, что интенсивность общественно-политических процессов возвращает процесс формирования полилингвы как неотъемлемое требование глобализации мировых хозяйственных отношений для создания комфортных условий деятельности человека и общества.

Институционально-функциональный концепт был задан представителями Всероссийской академии внешней торговли при Минэкономразвития РФ (кандидат экономических наук, профессор Ильинова В.В., кандидат экономических наук Груздева И.Г.), поднявших проблему страновых рисков, возникающих под воздействием глобальных процессов: политических, санкционных, трансфертных, рисков, связанных с соседством недружественных стран.

Воспроизводственно-продуктовый концепт в своей основе был сформулирован доктором экономических наук, профессором Л.Г. Чердниченко (РЭУ им. Г.В. Плеханова) и доктором экономических наук, профессором А.З. Селезневым (МГИМО МИД РФ), аргументировавшим положение о том, что основным фактором роста доходов бюджета является увеличение нефтегазовых доходов в условиях роста цен на нефть. При этом активизация роста не нефтегазовых доходов связывается с совершенствованием администрирования мобилизации в бюджет налогов, сборов, таможенных платежей, ростом ставки НДС.

В рамках этой части работы участники конференции определили, что институционально-поведенческая платформа феномена рыночного хозяйства концентрируется в попытках выделения специфических особенностей социально-экономической материи в качестве носителей и источников изменчивости, неотделимых от активности субъектов хозяйственной деятельности.

3. Кредитно-банковская компонента феномена рыночного хозяйства. Дискуссии в рамках третьего направления работы конференции развернулись вокруг развития цифровизации бизнес-процессов, дистанционных и маркетинговых технологий в банковской деятельности, раскрыли разносторонность и разноплановость кредитно-банковского феномена рыночного хозяйства, касающегося следующих сторон:

- использование современных информационных технологий в маркетинговой деятельности на финансовых рынках;
- сущностные аспекты процентной политики коммерческих банков и основных теоретических подходов к теории ссудного процента;
- исследование кредитного рынка как социально-экономической системы, объединяющей объектную, процессную, средовую, регулируемую и обеспечивающую подсистемы;
- тенденции развития рынка аутсорсинга на финансовых рынках, направленного на повышение имиджа финансовой организации.

4. Агропродовольственная проблематика феномена рыночного хозяйства в постсоветском экономическом пространстве. Живейший отклик среди участников конференции нашли выступления представителей различных университетов и стран по

четвертому направлению работы конференции: доктора экономических наук, профессора Гайсина Р.С. (РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева), члена-корреспондента НААН Беларуси, доктора экономических наук, профессора Г.И. Гануша, члена-корреспондента НААН Украины, доктора экономических наук, профессора В.Г. Ткаченко, доктора экономических наук, доцента Ергина С.М., доктора экономических наук, профессора Эргашева Р.Х. (Узбекистан).

Возникший по итогам их выступлений диспут: а) рассмотрел проблемы информационного обеспечения деятельности хозяйств, использующих адаптивные агротехнологии; б) выявил изменения логистических систем агропродовольственной ориентации; в) раскрыл преимущества концентрации производства на основе кластеризации; г) разобрал влияние транзитивных процессов на развитие АПК.

Диспут по итогам выступлений позволил установить основные приоритеты строительства АПК в постсоциалистической формации.

5. Феномен рынка в бизнесе, инновациях, информационных технологиях, тенденциях и перспективах развития. Это направление получило наибольший резонанс среди участников конференции и состояло из трех дискуссионных площадок.

В рамках первой дискуссионной площадки отчетливо проступил контент внедренного новшества, обеспечивающего качественный рост эффективности бизнес-процессов. При этом авторы докладов рассматривали его преимущественно в качестве конечного результата интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации.

Вторая проблемная дискуссионная площадка была посвящена позиционированию ключевых философских проблем туризма как рыночного феномена XXI в.

Интересными оказались дебаты в рамках третьей дискуссионной площадки. Задали здесь тон гости из Казахстана, остановившиеся на вопросах передачи непрофильных бизнес-процессов и активов аутсорсинговым компаниям как способа достижения экономических преимуществ, реструктуризации производственных цепочек, качественной трансформации бизнес-моделей. Полемика завершилась подведением итогов работы всех дискуссионных площадок, в которой участ-

ники конференции рассмотрели факторы и переменные внешней и внутренней среды организации; условия, определяющие кризисные ситуации; организационно-экономический механизм антикризисного управления предприятием; Проанализированы факторы возникновения кризисной ситуации; причины и признаки некомпетентного управления.

Результаты конференциальных диспутов.

Отличительной чертой конференции стал ее заключительный этап, который проходил в формате «круглого стола» по проблемам экономического развития и сотрудничества в г. Сухум на базе Абхазского государственного университета. Модераторами этой части конференции стали директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия кандидат философских наук, доцент Дамения О.Н. и первый проректор Луганского национального университета им. Тараса Шевченко доктор педагогических наук, профессор Сорокина Г.А. Их выступления предопределили вектор последующего обсуждения и дискуссии.

Подвел итоги конференции ее бессменный научный руководитель, заведующий секцией «История экономической мысли» Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор Я.С. Ядгаров.

По итогам работы VII Международной научно-практической конференции по экономике единодушно принято следующее постановление:

1. Проведение конференции, направленной на исследование феномена рыночного хозяйства, отвечает функциям целеполагания современной науки и практики и для российской теоретической экономики актуально.

2. Актуальность тематики и дискуссионных направлений в рамках конференции обуславливают возможность ее проведения с привлечением представителей постсоветского научного экономического сообщества.

3. Целесообразность продолжения конференции в предстоящем периоде отвечает требованиям науки и образования, помогает выявить причины доминирования парадигмы рыночной идеологии.

На конференции состоялась презентация двух новых изданий, приуроченных к ее началу.

UDC 316.422:553.98:339.9

THE DIFFERENTIATED MINERAL EXTRACTION TAX

*GI. V. SHEVCHENKO, Professor, Dean of
Economic Faculty, Kuban State University
e-mail: decan@econ.kubsu.ru*

*M. S. KOROBAYNIKOVA, post-graduate
student of the Department of World Economy
and Management, Kuban State University
e-mail: maria22@yandex.ru*

Abstract

The article focuses on tax reform in oil and gas branch. Tax revenues in the Federal budget of the Russian Federation, Mineral Extraction Tax (MET) are analyzed. Authors pick up comprehensible measures and the actions for development of this branch, using advantages of the differentiated taxation for high profitability of oil and gas extraction complex resulting in increasing budgetary sector of economy. The differentiated directions (methods) and criteria of calculation of the tax to mining operations are offered. Indispensability as a natural rent is presented.

Keywords: *export, differentiated taxation, Mineral Extraction Tax (MET), foreign economic activity*

References

1. *Aganbegyan A.G.* About tax reform // Economic policy. 2017. Vol. 12, № 1. Pp. 114-133.
2. *Goloskokov A.N.* The rent taxation of gas branch as a necessary condition for transition to market pricing // Problems of economics and management of oil and gas complex. 2010. №9. Pp. 16-20.
3. Calculations and rates of the tax to mining operations (TMO). URL: <http://buhonline24.ru/>
4. The customs statistics of foreign trade. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095
5. *Shevchenko I.V., Korobeynikova M.S.* Tax overhaul in the oil and gas sector of Russia // National interests: priorities and security. 2018. Vol. 14, № 10. Pp. 1845-1871.

UDC 332.055.2

THE PRACTICE OF USING THE INTERNET OF THINGS IN AGRICULTURE: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

*M.N. OSOVIN, Candidate of Economic Sciences, Senior researcher, Federal State Budget
Institution of Science Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences
e-mail: himma@mail.ru*

Abstract

Over the past few years, the aggravated foreign policy situation has introduced a number of adjustments to the strategic priorities of the development of the agro-food complex of Russia and led to the actualization of the problem of ensuring food security and food independence of the country. According to the international

experience, agriculture is becoming a sector with a very intensive data flow. Its processing requires a combination of Internet of Things technology, big data analytics and geoanalytics. In this study the strategic priorities of the scientific and technological development of the agro-food complex of the Russian Federation are specified. These priorities take into account not only the influence of obtaining and processing

data to the increase of productivity potential, but also the growing needs of rural residents for the high-quality digital services.

Keywords: *agro-food complex, scientific and technological progress, priorities, strategic planning, digital economy, Internet of Things, knowledge management.*

References

1. *Bylina S.G., Kadomtseva M.E., Osovin M.N.* Informatization of the agro-industrial complex and rural areas of Russia: opportunities and limitations. Saratov: Publishing house «Saratov source». 2018. 228 p.
2. The Internet of things in agriculture (Agriculture IoT / AIoT): world experience, application cases and the economic effect of implementation in the Russian Federation. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/internet-veschey-v-selskom-hozyaystve-agriculture-iot-aiot-mirovoy-opyt-keysy-primeneniya-i-ekonomicheskiiy-effekt-otvnedreniya-v-rf-20170621045316 (reference date: 14.02.2019).
3. The Internet of Things will be introduced in the AIC. URL: <https://www.comnews.ru/content/106275/2017-03-13/internet-veshchey-vnedriysya-v-apk> (reference date: 19.02.2019).
4. Internet of Things, IoT, M2M, global market. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (reference date: 07.02.2019).
5. IT in the agro-industrial complex of Russia. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (reference date: 18.02.2019).
6. IT in the state sector of the European Union. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (reference date: 12.02.2019).
7. *Kadomtsev M.E.* Innovative development of enterprises of the agri-food complex / Nikon readings. 2015. № 20-1. Pp. 220-222.
8. 156 million subscribers account for 300 largest projects in IoT. URL: <https://iot.ru/promyshlennost/na-300-krupneyshikh-sotovykh-proektov-v-iot-prikhoditsya-156-millionov-abonentov> (reference date: 10.02.2019).
9. The German Agricultural Society (DLG) has formulated eight key digitization requirements. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-02-2018-2.aspx> (reference date: 14.02.2019).
10. *Osovin M.N.* The role of modern information technologies in the organizational and economic processes of agricultural production management / Regional agrosystems: economics and sociology. 2010. N 1. P. 19
11. The risk of innovation in the EAEU should be encouraged. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-11-2016-3.aspx> (reference date: 14.02.2019).
12. Federal Law «On Communications» N 126 dated 07.07.2003. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (reference date: 22.02.2019).
13. Digital Industry 4.0. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345779-chetyre-nol-v-nashu-polzu> (reference date: 22.02.2019).
14. Digitalization in agriculture: technological and economic barriers in Russia. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=121765> (reference date: 21.02.2019).
15. Digital technology is coming to agriculture. URL: <https://sovzond.ru/press-center/news/selskoe-khozyaystvo/3735/> (reference date: 13.02.2019).
16. The fourth industrial revolution. Popularly about the main technological trend of the XXI century. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (reference date: 19.02.2019).
17. The effect of the introduction of the “Internet of Things” in the Agricultural complex of Russian Federation by 2025 may amount to 469 billion rubles. URL: https://milknews.ru/index/novosti-moloko_13040.html (reference date: 21.02.2019).
18. DJI sees higher demand for agricultural drones. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/201712/21/WS5a3b2a3ca31008cf16da2a0d.html> (reference date: 18.02.2019).
19. Hands Free Hectare. URL: <http://www.handsfreehectare.com/>. (reference date: 21.02.2019).
20. Robots fight weeds in challenge to agrochemical giants. URL: <https://www.reuters.com/article/us-farming-tech-chemicals-insight/robots-fight-weeds-in-challenge-to-agrochemical-giants-idUSKCN1IN0IK>. (reference date: 22.02.2019)

MIXED INNOVATION POLICY: MANAGING CHALLENGES IN A NEW STRATEGIC AXIS

*B.D. MATRIZAEV, Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, the Financial University under the Government of the Russian Federation
e-mail: matrizaev@mail.ru*

Abstract

This research aims to intensify the understanding of the interaction between governance processes and the assessment of mixed policies in the specific context of smart specialisation strategies. These new regional innovation strategies are the ideal laboratories for the analysis of the hybrid policy due to their geographically-oriented and experimental nature, focus and potential orientation to major social problems, as well as due to the complex governance context.

Keywords: *innovation policy, mixed policy, actors, strategy, smart specialization*

References

1. *Aranguren, M.-J., Magro, E., Wilson, J.R.* Regional competitiveness policy evaluation as a transformative process: from theory to practice. *Environ. Plan. C: Polit. Space*. 2017.
2. *Bennett, C.J., Howlett, M.*, 1992. The lessons of learning: reconciling theories of policy learning and policy change. *Policy Sci.* 25. Pp. 275–294.
3. *Bevir M.*, 2012. *Governance: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, Oxford.
4. *Borrás, S., Edquist, C.* The choice of innovation policy instruments. *Technol. Forecast. Soc. Change* 80 (8), 2013. Pp. 1513–1522.
5. *Coenen, L., Truffer, B.* Places and spaces of sustainability transitions: geographical contributions to an emerging research and policy field. *Eur. Plan. Stud.* 20 (3), 2012. Pp. 367–374.
6. *Del Río, P.* On evaluating success in complex policy mixes: the case of renewable energy support schemes. *Policy Sci.* 47 (3), 2014. P. 267.
7. *Flanagan, K., Uyarra, E., Laranja, M.* Reconceptualising the ‘policy mix’ for innovation. *Res. Policy* 40, 2011. Pp. 702–713.
8. *Foray, D.* Should we let the genie out of the bottle? On the new industrial policy agenda and the example of smart specialisation. In: *Antonietti, R., Coró, G., Gambarotto, F.* (Eds.), *Uscire dalla crisi: Città, comunità, specializzazioni intelligenti*. FrancoAngeli, Milan. 2015.
9. *Hodson, M., Marvin, S.* Can cities shape socio-technical transitions and how would we know if they were? *Res. Policy* 39 (4), 2010. P. 477–485.
10. *Keynes J.M.* Method of Professor Tinbergen. *Economic issues* №4, 2007. Pp. 4–27.
11. *Lynn L.E.* The many faces of governance: adaptation? Transformation? Both? Neither? In: *Levi-Faur, D.* (Ed.), *Oxford Handbook of Governance*. Oxford University Press, Oxford. 2012.
12. *Magro, E., Wilson, J.R.* Evaluating territorial strategies. In: *Valdaliso, J.M., Wilson, J.R.* (Eds.), *Strategies for Shaping Territorial Competitiveness*. Routledge, Abingdon, UK and New York, USA. 2015.
13. *Marinelli, E., Perianez Forte, I.* ‘Smart Specialisation at Work: The Entrepreneurial Discovery as a Continuous Process’, S3 Working Paper Series NO. 12/2017. European Commission Joint Research Centre, Seville. 2017.
14. *Matrizaev B.D.* Macrostrategies of innovative development and global economic growth: Macroeconomic analysis, trends, forecasts. Moscow: URSS, 2018. 256 p.
15. *Matrizaev B.D.* Global innovation leadership: macrocontures and modeling of its conceptual framework // *Municipal Academy*, 2018. № 1. Pp. 85–91.
16. *Radosevic, S.* Assessing EU smart specialization policy in a comparative perspective. In: *Radosevic, S., Curaj, A., Gheorghiu, R., Andreescu, L., Wade, I.* (Eds.), *Advances in the Theory and Practice of Smart Specialization*. Academic Press, London. 2017.

17. *Rodríguez-Pose A., Wilkie C.* Institutions and the entrepreneurial Discovery process for smart specialization // Kyriakou, D., Palazuelos Martínez, M., Periañez-Forte, I., Rainoldi, A. (Eds.), *Governing Smart Specialisation*. Routledge, Abingdon, UK and New York, USA. 2017.
18. *Rodrik, D.* Industrial Policy for the Twenty-First Century. Kennedy School of Government Working Paper RWP04-047. Harvard University, Boston. 2004.
19. *Rogge K.S., Reichardt K.* Policy mixes for sustainability transitions: an extended concept and framework for analysis. *Res. Policy* 45 (8), 2016. Pp. 1620–1635.
20. *Shove E., Walker, G.* Governing transitions in the sustainability of everyday life. *Res. Policy* 39 (4), 2010. Pp. 471–476.
21. *Todtling F., Trippl M.* One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach. *Res. Policy* 34 (8), 2005. Pp. 1203–1219.
22. *Truffer B.* The Geography of Sustainability Transitions: Think/act, globally/locally. Inaugural Lectura. Utrecht University. 2016.
23. *Veugelers R.* Too Much of Not Enough Heterogeneity in Innovation Policies Among EU Member States. *wwwforeurope European Policy Brief No. 8*.
24. *Zotov V.B.* About realization of innovative potential of the city of Moscow in the territory of the South-East administrative district of the city of Moscow. The collection of materials of interregional scientific-practical conference / Edited by Dr. sc. oec, prof. V. B. Zotov. M: Publishing House Of The Yugo-Vostok-Service, 2009. Pp. 18-28.

UDC 338.22

FEATURES AND PROBLEMS OF STRATEGIC PLANNING IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN ECONOMY

A.K. KOCHIEVA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics and Management, Kuban State University
e-mail: akadeh@yandex.ru

Abstract

The article provides selected indicators characterizing the effectiveness of the implementation of valid state programs and development strategies in Russia. The author reviewed following documents: the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation until 2020, the Subprogramme "Development of Small and Medium Entrepreneurship", the State Program of the Russian Federation "Industrial Development and increasing its competitiveness". The features and problems that prevent the successful implementation of the strategic course of country's economy development in the context of planning and goal-setting are indicated.

Keywords: *strategy, planning, economic development, innovation, industrial development, small and medium businesses*

References

1. Audit from Kudrin: why state support of small business is ineffective. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/08/2018/5b687b5e9a79477837be4cc6>
2. *Vinogradov B.A., Novikov B.A., Volnov A.A.* Is there a way out of the innovation impasse? // *Innovation*. 2019. №1 (243). Pp. 3-10.
3. State program «Economic development and innovative economy.» URL: <http://government.ru/rugovclassifier/823/events/>
4. Unified Register of SMEs. URL: <https://ofd.nalog.ru>
5. *Ivanov V.V., Malinetsky G.G.* Strategic priorities: prospects for a breakthrough and the

science of Russia // Strategic priorities. 2018. №2 (18). Pp. 56-95.

6. *Malinetsky G.G.* Innovation crisis, politics, self-organization // Innovations. 2018. No. 8 (238). Pp. 3-12.

7. The SEZ mechanism is still ineffective for the Russian economy. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/34870?sphrase_id=10478583

8. Special economic zones have not coped with the task of developing exports. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/36068/>

9. *Polterovich V.M.* Why reforms fail // Journal of NEA. 2014. № 3 (23). Pp. 169-173.

10. *Polterovich V.M.* Development of strategies for socio-economic development: science vs ideology // Journal of NEA. 2017. № 3 (35). Pp. 198–206.

11. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 N 328. URL: https://base.garant.ru/70643464/c97cd9b59d97ee89f8842c374b081d6f/#block_100000

12. Rating of investment attractiveness of industrial parks and special economic zones - 2017. URL: <http://www.acexpert.ru/>

analytics/ratings/rejting-industrialnih-parkov-i-oez---2017.html

13. *Romanova O.A.* Priorities of Russia's industrial policy in the context of the challenges of the fourth industrial revolution. Part 1. The economy of the region. 2018. T. 14. N 2. Pp. 420-432.

14. Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020. URL: <http://static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf>

15. The Accounts Chamber assessed measures for state support of small and medium-sized businesses. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/34077/>

16. Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru>

17. QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019>

18. The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org>

UDC 366.5:368(043)

ORGANIZATION OF ENSURING OF FINANCIAL SAFETY FOR THE MARKET OF INSURANCE COMPANIES

*S. Yu. LOBANOV, Candidate of Economic Sciences, Chairman of the Board of Directors, LTD Arsenal Insurance Company
e-mail: sergey@lobanov.ru*

Abstract

Financial safety has become an independent segment for competitiveness increase of national economy. Sufficient number of scientific works is published on problems of ensuring financial safety, however, not all issues of regulation and ensuring financial safety are developed. In particular it concerns such major sphere as the organization of ensuring financial safety for the market of insurance companies. This article is devoted to this subject.

Keywords: *organization, financial safety, service market, insurance companies.*

References

1. *Bogatyrev S.I.* Financial safety and financial sovereignty of Russia: the monograph. M.: Editus, 2016.

2. *Davydova L.V., Fedorova O.V.* Formation of the mechanism of ensuring financial safety in system of financial management of the enterprise. Orel: State university - UNPK, 2014.

3. *Kaurova N.N.* Financial and economic safety in the conditions of openness of national economy (theory and methodological aspect): Abstract of thesis of Dr. Econ. Sci.: 08.00.05. M.: Institute of economy of RAS, 2013.

4. *Khabibulina A.A.* Financial safety in the system of ensuring of economic security of Russia. M.: The formula of law, 2011.

UDC 338.22

FINANCIAL INSTRUMENTS FOR STIMULATION OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

*Yu. N. ALEKSANDRIN, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World economy and Management, Kuban State University
e-mail: alex_yun.05@mail.ru*

*A. V. TYRINA, Master student of the Department of World Economy and Management, Kuban State University
e-mail: a.tyrina2010@yandex.ru*

Abstract

The article studies the problems of import substitution policy and its implementation in Russia. The analysis of the dynamics of import substitution in the most import-dependent sectors of the economy is given. Based on the analysis, the authors propose new financial instruments to stimulate import substitution, focused in the future on strengthening the export potential and improving the competitiveness of the Russian economy.

Keywords: *import substitution, import dependence, import, export, financial instruments, tax incentives, grants, subsidies*

References

1. Foreign trade. You share high-tech goods in total imports. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/# (reference date: 10.04.2019).
2. Foreign trade. You share high-tech goods in total exports. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/# (reference date: 10.04.2009).
3. Science and innovation. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (reference date: 03.05.2019).
4. Import of the most important goods by the Russian Federation. URL: <http://customs.ru/opendata/7730176610-p5statimpvajneytov/> (reference date: 04.05.2019).
5. Import of pharmaceutical products in Russia. URL: <https://ru-stat.com/date-M201601-201701/RU/import/RU/06>
6. Development of industry and increase of its competitiveness. The state program of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/> (reference date: 07.04.2019).
7. Commodity structure of imports of the Russian Federation. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/# (reference date: 10.04.2019).
8. The number of developed advanced production technologies by type of economic activity. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/technol/3-09.xls (reference date: 12.04.2009).
9. Russian exports by goods and countries. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2015-2019/RU/export/world> (reference date: 03.05.2019).
10. Export of the Russian Federation of essential goods URL: <http://customs.ru/opendata/7730176610-p5statexpvajneytov/> (reference date: 07.05.2019).

THEORETICAL ASPECTS OF FOOD SECURITY IN THE REGION

*N. V. YASHKOVA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Management, Russian University of Transport (MIIT), Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics
e-mail: nv-nnov@mail.ru*

Abstract

In present day context food security is the basis of new socio-economic development, as well as an important element of economic and national security of the state. The conditions and mechanisms for countering threats to economic security are formed in the system of food security, as well as the development of reproductive processes in agriculture and agro-industry, which are the basis for increasing the level of self-sufficiency of both individual regions of Russia and the country as a whole. In this regard, it is necessary to conduct a comparative analysis of the economic literature of the author's definitions of the concept of «food security», as well as interpretations presented in the regulatory framework, on the basis of the identified shortcomings to develop the author's definition of this concept.

Keywords: *food security, economic access to food, physical availability of food*

References

1. On the model law «Food security»: resolution of the inter-parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States of 16 October 1999. No. 14-10.
2. Doctrine of food security of the Russian Federation: approved. Presidential decree of January 30, 2010. № 120.
3. Declaration of the world summit on food security. Rome, 2009.
4. Universal Declaration on the elimination of hunger and malnutrition: adopted on 16 November 1974 by the world food conference, convened in accordance with UN General Assembly resolution 3180 (XXVIII) of 17 December 1973 and UN General Assembly resolution 3348 (XXIX) of 17 December 1974.
5. World Food Summit. WFS 96 3 - Corr. 1. Rome, Italy, 1996.
6. The State of Food Insecurity in the World / The Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2001.
7. Food security of the Russian Federation: Feder. law (draft): adopted by the state Duma on December 10, 1997 and approved by the Federation Council on December 25, 1997.
8. Project «About food security of the Russian Federation»: the resolution of The Duma of Federal Assembly of the Russian Federation of June 16, 1999 No. 4122-II DG.
9. About the concept of national food security of the Republic of Belarus : resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of March 10, 2004. № 252.
10. About modification and additions in some legislative acts of the Republic of Kazakhstan concerning food security: the law of the Republic of Kazakhstan of December 11, 2009. No. 229-IV.
11. On the Concept of improving food security of the members of the Commonwealth of Independent States: the decision of the Council of heads of governments of the CIS of 19 November 2010.
12. On food security: Law of the Republic of Tajikistan No. 641 of 29. December 2010.
13. Law of the Kyrgyz Republic «On food security of the Kyrgyz Republic « of August 4, 2008. № 183.
14. The law of Turkmenistan «On food security» of 15 June 2000, No. 29-II.
15. Law of the Republic of Armenia «Ensuring food security» of June 5, 2002. №ZR-338.
16. The law of the Nizhny Novgorod region №111-Z from 09.08.2011 "Food security in the Nizhny Novgorod region.»
17. The law of Sverdlovsk region of January 31, 2012. N 6-OZ "About ensuring food security in Sverdlovsk region».

18. The law of the Ulyanovsk region of 23.12.2011. N 242-ZO "About ensuring food security in the Ulyanovsk region».

19. *Altukhov A. I.* Food security of the Russian Federation: current state and prospects of the solution. M: 1999. P. 77.

20. *Artamoshkina E. N.* Agricultural policy priorities in food security // Economics, entrepreneurship and law. 2013. №1 (18). Pp. 58-66.

21. *Bimendina L. A.* Food security: problems and solutions // Vestnik KazNU. Economic series. 2003. No. 3. Pp. 14-16.

22. *Zhanbekova Z. H.* Internal and external threats to food security Kazakhstan // Vestnik KazNU. Economic series. 2003. N 3. Pp. 23-27.

23. *Kudryashova A.A., Presnyakova O.P.* Food security: indicators, criteria, categories and scales // Food industry. 2007. N 8. Pp. 18-21.

24. *Safin U.Z.* Ensuring food security in the system of economic security of Russia (theoretical and methodological approach). Abstract of doctoral dissertation of Dr. sc. oec. Moscow. 2010. P. 16.

UDC 338.2

MODERN SOURCES OF FORMATION OF THE POOR POPULATION GROUPS

G. A. ANDROSOVA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Management and Economics of Sports, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health, St. Petersburg
e-mail: lunez@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the actual problem of reducing poverty in modern Russia. Special issues of definition of a living wage and a consumer basket are considered, the main sources causing reproduction of poverty in the country are revealed and classified. The possibilities and main directions for overcoming poverty by eliminating the influence of endogenous sources are determined. The leading role of a healthy lifestyle in the adjustment of social and economic behavior of the population is substantiated.

Keywords: *poverty, subsistence level, consumer basket, sources of poverty, healthy lifestyle.*

References

1. Official website of the Federal state statistics service. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ (reference date: 11.02.2019).

2. The subsistence minimum in 2019 by regions of Russia. URL: <http://bs-life.ru/>

makroekonomika/prozitochniy-minimum2019.html (reference date: 16.02.2019).

3. Russia in numbers. 2018: Krat.stat.sat / Rosstat-M., 2018. 522 p.

4. Rosstat estimated the share of the shadow economy. URL: <https://ria.ru/20180227/1515368247.html/> (reference date: 17.02.2019).

5. Smoking statistics in Russia and the world. URL: <http://vsezavisimosti.ru/kurenie/statistika-kureniya-v-rossii-i-mire.html> (reference date: 12.02.2019).

6. *Tarasov A.* Level of poverty in Russia. URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html> (reference date: 28.01.2019).

7. Federal law of the Russian Federation «On the subsistence minimum in the Russian Federation» N 134-FZ (current version 2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ (reference date: 15.02.2019).

8. Black quarter. URL: <https://rg.ru/2017/08/16/rosstat-kazhdaiia-chetvertaia-zarplata-v-rossii-chnaia.html> (reference date: 30.01.2019).

MEDIATECHNOLOGIES IN THE FUNCTIONING OF THE RUSSIAN BANKING SYSTEM: DIGITALIZATION OF BANKING SERVICES

*I.A. KHUSTOCHKIN, 4th year student of the Moscow State University of Civil Engineering
e-mail: iahustochkin@gmail.com*

*A.N. MIROSHNIK, Candidate of Philosophy, Associate Professor, North Caucasus Federal University
e-mail: Alexandro200.ru@yandex.ru*

Abstract

One of the current trends in the development of the banking system of the Russian Federation in the conditions of market economy transformation is the digitalization of banking institutions. The study is characterizing the increased level of competition of banks, which affected the reduction of demand in banking services. In the context of the fourth industrial revolution, banks are expanding the information infrastructure, broadcasting their services through social networks. Financial startups that have been providing identical with banks services for a long time are replaced by digital online technologies.

Keywords: digitalization of the banking system, financial startup, online banking system support, banking services translator, infocommunication space of Sberbank, social networks, Internet banking.

References

1. *Basova S.N., Kakurina A.A.* Integrated marketing communications of a bank as a factor of its competitiveness in the financial services market // Perspectives on Science and Education. 144. № 1. Pp. 294-299.
2. *Sysoeva E.F.* Trends in the development of the Russian banking system in turbulence conditions // Vestnik VSU. Series: economics and management 2015. №1. Pp. 23-32.
3. *Perekatov B.A., Tyutikov Y.P.* Corporate Development Approaches strategy // News of St. Petersburg State University of Economics. 2017. № 1. Pp. 33-34.
4. *Shevchenko E.I., Rudskaya E.N.* Omnichannel strategy: the integration of channels for the promotion of banking products and services // Young Scientist. 2017. №10. P. 850–861.
5. *Aleksandrov I.* What should be the bank page on a social network? Experience of VTB24. URL: <http://www.slideshare.net/IlyaAleksandrov4/ss-54137039>

MODELING OF VECTORS OF DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF MORTGAGE HOUSING LOAN IN RUSSIA

*K.E. KOPYEV, graduate student of the department of economic analysis, statistics and finance, Kuban State University
e-mail: 16monax@mail.ru*

*A.A. GAVRILOV, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Analysis, Statistics and Finance, Kuban State University
e-mail: gavrilovcc@rambler.ru*

Abstract

The article examines the hypothesis of the existence of a relationship between the annual volume of mortgage housing loans issued, the

weighted average period of credit, the annual average rate for mortgage housing loans, the average price per square meter of apartments in the housing market, the annual volume of housing construction and the average per capita income of the population.

Keywords: mortgage housing loan, annual volume of mortgage housing loans, average weighted credit period, annual average rate on mortgage housing loans, average price of one square meter of apartments in the housing market, annual volume of housing construction, per capita income.

References

1. *Khalafyan A.A.* STATISTICA 6. Statistical data analysis. 3rd edition, Textbook. Moscow: Ltd Binom-Press, 2007. 512 p.
2. *Shekhovtsov V.V., Shevtsova N.V., Shandakov A.A.* Current status and development

prospects for mortgage lending in Russia: a regional aspect // *Financial Analytics: science and experience*. 2015. № 24 (258), Pp 16-25.

3. Official site of the Central Bank of the Russian Federation. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ipoteka>

4. The official site of the analytical center for mortgage lending and securitization. URL: http://rusipoteka.ru/ipoteka_v_rossii/ipoteka_statistiska

5. Official site of the federal state statistics service. URL: <http://www.gks.ru>

6. Official site of the Unified Institute for Housing Development. URL: <https://дом.рф/about/analytics>

UDC 336.27

THE IMPACT OF LENDING ON ECONOMIC SECURITY IN THE REGION

S. V. SOLONINA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic security, Kuban State Technological University
e-mail: svevic@mail.ru

N. A. CHEREMENKO, postgraduate student of the Department of Economic security, Kuban State Technological University
e-mail: painpanisher@rambler.ru

E. Yu. GORA, student of the Department of Economic security, Kuban State Technological University
e-mail: elizaveta.gora@yandex.ru

Abstract

The scientific article focuses on influence of lending on economic security in the region. The basis for regional economic security is the business development. The conclusion is that favorable impact of lending, providing stimulus to the economy of the region and growth of well-being of the population.

Keywords: regional economy, lending, banking system in the region, key rate, economic security of the region

References

1. *Marchenko D.V., Ternavshhenko K.O.* Rating financial safety of Krasnodar region: article in the Conference proceedings Digest «Young leaders-2016» - K.: FGBOU «KubSTU», 2016. Pp. 402-407.

2. *Manohina N.V.* Economic security: Stud. Manual / N.V. Manohina, M.V. Popov, N.P. Kolyadin, I.E. Zhadan; Ed. N.V. Manohina. M.: NIC INFRA-M, 2014. P. 320.

3. Official website of the territorial authority of the Federal State statistics service for the Moscow region URL: <http://msko.gks.ru/>

4. Official website of the Office of the Federal State statistics service in Stavropol region, Karachayev-Cherkessia and Kabardino-Balkaria Republic. URL: <http://stavstat.gks.ru/>

5. Official website of the territorial authority of the Federal State statistics service for Krasnodar region and the Republic of Adygea. URL: <http://krsdstat.gks.ru/>

6. Official website of the Central Bank of the Russian Federation. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/>

IMPROVING ANTI-CRISIS MECHANISM OF FINANCIAL MANAGEMENT IN ORGANIZATION

*E.G. BALADYGA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Krasnodar branch Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: bala-el@yandex.ru*

*Yu. S. ERMAKOVA, Senior Lecturer of Department of Finance and Credit, Krasnodar branch Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: ulllichka100@rambler.ru*

Abstract

In modern economic conditions, the likelihood of a crisis situation always exists. However, organizations do not always fully use modern tools of anti-crisis financial management. The article discusses the use of the mechanism of crisis-based financial management of the organization, based on the result, substantiates its effectiveness.

Keywords: *crisis management, control, liquidity, solvency, forecasting, profitability, financial condition, efficiency.*

References

1. Anti-crisis business regulation: a monograph. 2nd ed. revised and add./ ed. By prof. A. N. Ryakhovskaya. M.: Master: INFRA-M, 2019.
2. Anti-crisis management: the Textbook / Ed. by I.K. Larionov. M.: Dashkov and K, 2017.
3. *Arsenova E.V.* Foreign practice of crisis management: Textbook / EV Arsenova, O.G. Kryukov; by ed. A.N. Ryakhovskaya. M.: Magister, INFRA-M, 2019.
4. *Glukhova D.V.* Improving the mechanism of crisis financial management in organizations: dis. of Cand. of Econ Sciences: 08.00.10 / Stavropol, 2015.

MODEL OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF THE ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF LATENT INSTABILITY

*M.B. SHCHEPAKIN, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Marketing and Business Communications, Kuban State University
e-mail: shchepakin@mail.ru*

*V.A. GUBIN, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Marketing and Business Communications, Kuban State University
e-mail: d_vag@mail.ru*

Abstract

The stratification pyramid of contradictions defining latent instability of functioning and development of the enterprise as an integral part of social and economic system is formed. The role of social justice in the formation and growth of these contradictions is revealed. The model of anti-crisis management of the enterprise in the conditions of latent instability of its state is developed.

Keywords: *latent instability, multi-contour diagnostics, pyramid of contradictions, determining factors, marketing behavior, anti-crisis component, model of anti-crisis management*

References

1. *Deming E.* Out of the crisis: a new paradigm of managing people, systems and process / Translated from English 5th ed. M.: Alpina Publisher, 2012. 419 p.

2. *Schepakin M.B., Gubin V.A., Handamova E.F.* Marketing and resource approach to crisis management of a priori unstable socio-economic systems // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economy. 2019. № 1. Pp. 113-136.
3. *Shchepakin M.B., Gubin V.A.* Resolving contradictions - a source of ensuring a stable equilibrium of an unstable enterprise in the socio-economic system // Economic Relations. 2019. Volume 9. No. 1. Pp. 353-372.
4. *Gubin V.A.* On the diagnosis of the crisis state of the enterprise // Problems of modern economics. 2008. N 2. Pp.125-127.
5. *Shchepakin M.B., Khandamova E.F., Ivakh A.V., Fedin S.V.* Managing the competitive position of the enterprise on the basis of increasing confidence in the business // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Economy series. 2017. N 2. P. 7-21.
6. *Schepakin M.B., Gubin V.A.* Conceptual aspects of enterprise management using an anti-crisis component // Economics of Sustainable Development. N 2 (38). 2019.
7. Modern model of effective business: monograph / T.A. Barsukova et al .; edited by Chernova S.S. Novosibirsk: Center for the Development of Scientific Cooperation, 2014. Book 12. 284 p.
8. *Fainshmidt E. A., Yurieva T.V., Kuznetsov B.V.* Anti-crisis PR. M.: SIC INFRA-M, 2013. 184 p.
9. *Romanova O.* Optimization of enterprise behavior in modern conditions // Problems of the theory and practice of management. 2002. № 3. Pp. 116-120.
10. Economic security of Russia in the context of global challenges: approaches and solutions: monograph / V.I. Trysyachny, V.P. Zyza, A.V. Ishkhanov, G.M. Mishulin and others. Krasnodar: KubGTU, 2018. Pp. 221-240.
11. *Khandamova E.F., Shchepakin M.B., Bazhenov Y.V.* Managing the competitive position of the enterprise through activating the tools of its marketing behavior) // Economics and Entrepreneurship. 2017. No. 3-2 (80-2). Pp.1168-1175.
12. *Adizes I.* Managing change. How to effectively manage changes in society, business and personal life / Ichak Calderon Adizes; translation from English V. Kuzina. 3rd ed. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 368 p.
13. *Mishulin G.M.* Methodology of research of evolving market instruments / In «Problems of formation of an effective socially oriented model of the economic development of Russia»; edited by G. B. Kleiner et al. Krasnodar, 2014. Pp. 152-172.
14. Crisis management: textbook / A.A. Belyaev, E.M. Korotkov. 4th ed. M.: INFRA-M, 2014. 311 p.
15. Preventive crisis management: training manual / V.M. Raspopov, V.V. Raspopov. M.: Master: SIC INFRA-M, 2012. 432 p.
16. *Walras L.* Creating a model of general economic equilibrium. URL: <http://econteor.ru/hste/opebr.php?pg=8xx1> (reference date 19.02.2019).
17. *Chuykov A.* Who is Mr. Kotyukov? The Russian science is drowned by their ministers // Arguments of the Week. 2019. № 15. Pp. 8-9.
18. *Zhirinovskiy V.V.* Why do Russians have gloomy faces? // Arguments and Facts, 2019. № 17. P. 16.
19. *Kolesnikov A.A.* Synergetics and scientific knowledge // Synergetics and problems of control theory. 2004. Pp. 379-398. URL: <http://www.studentlibrary.ru/doc/ISBN5922103369-SCN0003.html> (reference date: 13.02.2019).
20. *Huerta de Soto H.* Socio-economic theory of dynamic efficiency / trans. from English by V. Koshkina; ed. by A. Kuryaeva. Chelyabinsk: Socium, 2011. 425 p.
21. *Volchik V.V., Skorev M.M.* Institutional factors of production of knowledge in modern society / In the book: Economic theory in the twenty-first century - 2 (9): Global and national in the economy; ed. by Y.M. Osipova, V.V. Chekmareva, E.S. Zotovoy. In 2 volumes. Vol.2. M.: Economist, 2004. Pp. 696-705.
22. *Grozdilov S.V.* Justice as a factor of harmonization of social relations // Man of Tomorrow: A View from the Position of Science, a View from the Position of Art / Proceedings of the Intern. scientific conf. Ivanovo, September 20-22, 2012. Ivanovo: Junona, 2013. Pp. 212-216.
23. *Trout J., Rice E.* Marketing Wars. St. Petersburg: Peter, 2018. 288 p.
24. *Makurin A.* The scale of injustice. When in Russia the poor and the rich stop paying the same income tax // Arguments and Facts. Business environment. 2019. № 14. P. 6.
25. *Makurin A.* Not salaries, but patches. What should change in the economy in order to pay

in Russia, as in Europe // Arguments and Facts. Business environment. 2019. № 17. P. 10.

26. *Kostikov V.* Who eats three throats? Social and material stratification is growing in the country // Arguments and Facts. 2019. № 17. P. 5.

27. *Grinberg R.S.* Freedom and justice. Russian temptations of a false choice. M. : Master: SIC INFRA-M, 2012. P. 61. URL: <http://znanium.com/catalog/product/259560> (reference date: 23.02.2019).

28. *Nikishkin V.V.* Marketing crisis or crisis marketing // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2009. № 6. Pp. 17-23.

29. *Fedorovsky V.A.* Basics of anti-crisis marketing. Nikolaev: Eolis, 2006. 144 p.

30. *Bazueva E.V.* Conceptual framework for the study of the hermeneutics of the category of efficiency from the standpoint of the evolution of scientific knowledge // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economy. 2017. N 3. Pp. 7-15.

31. *Rubini N.* Russia needs to stimulate the private sector // World of News. 2015. N 47 (1143). P. 3

32. Modernization Strategy of the Russian Economy: Theory, Politics, Implementation Practice / Ed. O.V. Inshakova, G.B. Kleiner, V.V.

Sorokoherdiev. M. : Modern Economics and Law, 2011. Pp. 336-359.

33. Crisis management: a tutorial // author. count under the arm. I.K. Larionov. 5th ed. improved and add. M. INFRA-M, 2012. 542 p.

34. Anti-crisis management. Theory and practice: training manual / Ed. by V.Ya. Zakharov. 3rd ed. improved and add. M. : UNITY-DANA, 2013. 319 p.

35. Modern philosophical problems of natural, technical and social sciences and humanities: the textbook / edited by V.V. Mironov. M. : Gardariki, 2006. 639 p.

36. *Stepin V.S.* Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution // Questions of philosophy. 2012. № 5. Pp. 18-25.

37. *Larionova I.* Improving business. Series: "Harvard Business Review Classics": monograph. M.: Alpina Business Books. 2006. 171 p.

38. Enterprise management: financial and investment decisions: training manual / A.V. Gukova, I.D. Anikin, R.S. Bekov. M.: SIC INFRA-M, 2012. 184 p.

UDC 658.5:005

MANAGEMENT OF A MANUFACTURING ENTERPRISE IN THE FRAMEWORK OF DEVELOPING A STRATEGY FOR POSITIONING PRODUCTS

A. A. KIZIM, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of World economy and Management, Kuban State University
e-mail: arko1980@mail.ru

A. M. ROMANENKO, Master Student, Department of World Economy and Management, Kuban State University
e-mail: alenochnka_romanenko96@mail.ru

Abstract

One of the central problems of manufacturers is management, and therefore a system of strategic management structure of the brand has become an indispensable element of marketing for all enterprises including domestic ones. In this case, the problem of assessing the strategic attractiveness are still scarcely explored. only a few methods is used for this, while the problem is complex.

Keywords: management, marketing, strategic management, positioning, rebranding, brand portfolio.

References

1. *Davis S., Dunn M.* Building the Brand-Driven Business: Operationalize Your Brand to Drive Profitable Growth. San Francisco. 2002.
2. *Munoz T., Kumar S.* Brand metrics: Gauging and linking brands with business performance // Brand Management. 2004. № 5. Pp. 381–387.

3. *Aaker D.A.* Creating strong brands. Trans. from English. M.: Grebennikov Publishing House, 2003. 270 p.
4. *Aaker D.A.* Brand portfolio management strategy. Trans. from English. M., 2008. 320 p.
5. *Bagiyev G.L., Tarasevich V.M.* Marketing: a tutorial. 3rd ed. 2010. 576 p.
6. *Balavkin P.A., Fedoseev S.A., Rozhkov A.V., Lobanov I.A.* The study of strategic mobility of problem-oriented management systems and their positioning in the conditions of the development of the information space // *Izvestiya SFU. Technical science.* 2013. № 3 (140). Pp. 211-217.
7. *Berezovsky E.E., Kizim A.A.* Innovative approaches to investment and Lean-management based on the experience of WTO member countries // In the collection: Investment Management and State Investment Policy Materials of international scientific conference: text electronic edition. 2017. Pp. 21-30.
8. *Bogdanova T.A., Gradov A.P.* Strategy and tactics of crisis management company. 2010.
9. *Vertakova Y.V., Leontyev E.D., Plotnikov V.A.* Assessment of the impact of the competitive environment on the effectiveness of the strategic management of the development of a small enterprise: methodology and practice // *News of South-West State University. Series: Economy. Sociology. Management.* 2015. № 2 (15). Pp. 30–36.
10. *Vikhansky O.* Strategic Management: a textbook. 2nd ed. 1998. 296 p.
11. *Gaydayenko T.A.* Marketing management: full MBA course: Principles of management decisions and Russian practice. M., 2005. 480 p.
12. *Danko T.P.* Marketing management. M., 2010. 363 p.
13. *Drucker P.F.* Management. Challenges of the XXI century. M, 2012. 235 p.
14. *Kakaeva A.E., Dunenkova E.N.* Innovative Business. Strategic development management. Publisher: Business. 2012. 171 p.
15. *Keller K.* Strategic brand management: the creation, evaluation and management of brand capital / Trans. from English 2nd ed. M., 2005.
16. *Kerzner G.* Strategic management in the company. Model of mature project management. DMK Press. 2014. 320 p.
17. *Kizim A.A., Berezovsky E.E.* Marketing activities in the effective implementation of the company's business planning // In the collection: Investment Management and State Investment Policy-2 Materials of the international scientific conference. 2018. Pp. 228-236.
18. *Kizim, A.A., Malkova, E.M., Kaifedzhan, D.P.* Interaction of technologies of marketing and logistics, taking into account the principle of cross-heightening // *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; right and management.* 2018. No. 11 (102). Pp. 30-37.
19. *Kotler P.* Ten deadly sins of marketing. M.: General Director. 2012. 22 p.
20. *Kretov I., Karyagin N.* Commodity strategies and brand technologies in modern marketing. Moscow: Economist, 2007. 372 p.
21. *Leman D.R., Wiener R.S.* Product management. M.. 2004. 624 p.
22. *Pashkus V.Y., Pashkus N.A., Pashkus M.V.* Approaches to the strategic positioning of territories in accordance with the competitiveness matrix // *Regional Economics: Theory and Practice.* 2015. №44 (419). Pp. 35-44.
23. *Rice E., Trout D.* Positioning. Battle for the minds. Peter. 2015
24. *Rasiel I.M.* McKinsey Method: Use Technological Techniques of Leading Strategic Consultants for Solving Personal and Business Problems. Moscow. 2007. 194 p.
25. *Seyfullaeva M.E., Makarova E.V.* Strategies for increasing the value of the company's branded capital // *Marketing and Marketing Research.* 2010. No. 5 (89). Pp. 374–385.
26. *Firsanova O.V., Salikhova Y.Y., Lizovskaya V.V., Baikov V.G.* Strategic marketing. St. Petersburg State University of Economics. 2018. 81 p.
27. *Sharapova T.V.* Strategic management, textbook. 2010. 212 p.
28. *Sherrington M.* Invisible brand values. M.: Top. 2006. 304 p.
29. *Shirochenskaya I.P.* Basic concepts and methods of measuring loyalty // *Marketing in Russia and abroad.* 2004. № 2 (40). Pp. 36–44.
30. *Stern K.* Strategies that work. BCG Approach: Sat. Art.: Per. from English / comp.: C. Stern and D. Stoke-ml. Moscow. 2005. 495 p

ECONOMIC AND POLITICAL SHOCKS: CLASSIFICATION AND EFFECT ON MACROECONOMIC CONDITIONS

*M.V. NIKITIN, graduate student of Department of Economic Theory and Economic policy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
e-mail: mihailnikitin1993@yandex.ru*

*A.A. KAMINOV, graduate student of the Department of Environmental Economics, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
e-mail: aa.kaminov@urfu.ru*

Abstract

The macroeconomic environment is vulnerable to various economic and political shocks. The effect of shocks leads to the fact that in a short period, the shock is able not only to cardinaly change the activities and expectations of players, but also it might change the volatility of main economic indicators. The article presents the author's classification of shocks: by spheres of public life, by the type and mechanism of effect, by the degree of market coverage and by the source of the shock.

Keywords: *political shock, economic shock, macroeconomic conditions, endogenous shock, exogenous shock.*

References

1. *Afontsev S.A.* Problems of economic security of Russia in the context of market transformation // *Socio-economic transfer in Russia* / ed. E.A. Kiseleva. Ser.: Scientific report. 2001. Issue 131. Pp. 15-42.
2. Boris Nemtsov: perception and investigation of the murder // *Levada Center*, 19.02.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/19/boris-nemtsov-vospriyatie-i-rassledovanie-ubijstva/> (reference date: 25.03.2019).
3. *Grigorev L., Ivashchenko A.* The Theory of Cycle under the Crisis Blow // *Issues of Economics*. 2010. № 10. Pp. 31-55.
4. *Davyborets E.N.* President's direct line to the people' as a social political technology // *Sociological Studies*. 2015. N 4. Pp. 57-62.
5. *Drobyshevskiy S.M., Trunin P.V., Bozhechkova A.V., Sinelnikova-Muryleva E. V.* The impact of interest rates on economic growth. // *Money and credit*. 2016. No. 9. Pp. 29-40.
6. *Zubarev A.V., Trunin P.V.* The impact of the real. exchange rate on economic activity in Russia // *The problems of forecasting*. 2014. No. 2. Pp. 92-102.
7. Results of the Olympic games in Sochi // *Levada Center*, 03.03.2014. URL: <http://www.levada.ru/03-03-2014/itogi-olimpiiskikh-igr-v-sochi> (reference date: 25.03.2019).
8. *Maksimov S.N., Bachurinskaya I.A.* Managing external effects on the real estate market // *Problems of Modern Economics*. 2009. № 3 (31). Pp. 379-381.
9. *Malkina M.Y., Shulepnikova E.A.* Features of formation of supply, demand and balance in market of residential real estate of Russia // *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2013. № 16 (319). Pp. 2-14.
10. *Medvedkov M.Y.* Russia in WTO – some topical issues // *Money and credit*. 2013. N 8. Pp. 3-4.
11. *Navoy A.V.* Adaptation of the balance of payments of the Russian Federation to external shocks in the 2014– 2017 // *Money and credit*. 2017. N 11. Pp. 3-13.
12. *Sergeev D.Y.* Economic freedom, Financial Development and Economic Growth / Working Paper # BSP/2007/093 E. M.: New Economic School, 2007. 30 p.
13. *Sternik G.M., Sternik S.G.* Analysis of real estate market for professionals. M.: «Economics» publisher, 2009. 606 p.
14. World Cup: attention and evaluation // *Levada Center*, 30.07.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/07/30/chempionat-mirapo-futbolu-vnimanie-i-otsenki> (reference date: 25.04.2019).
15. *Sholomitskaya E.V.* Influence of Key Macroeconomic Shocks on Russian Investments // *HSE Economic Journal*. 2017. vol. 21. N 1. Pp. 89-113.

UDC 332

INSTITUTIONAL MECHANISM OF FINANCING OF INNOVATIVE ACTIVITIES OF THE STATE

*A.O. KAMINSKAYA, postgraduate student, Institute of Economics and Management of V.I. Vernadsky, Crimean Federal University, Simferopol, Russia
e-mail: anna_kaminskaya29@mail.ru*

Abstract

This article observes the mechanism of financing of innovation activities of the state from the standpoint of institutionalism as an integral part of the modern socio-economic system of Russia and the basis for the implementation of the proposed Innovative Development Concept.

Keywords: institutional regulation, innovation, transaction costs, financing of innovation.

References

1. *Artyukhova I.V.* Chapter 7. Prospects for the creation of technology platforms in the Republic of Crimea // Development of innovative alliances in the economy of the Crimea / Ed. by S.P. Kirilchuk. M., 2018. 237 p.
2. *Balikhina N.V.* Development of investment and innovation processes in the Russian economy. Financial aspect. M., 2014.
3. *Gabdrakhmanova G.I.* Problems of development and financing of scientific and technological progress in Russia and ways to solve it // Electronic scientific and practical journal Youth Scientific Herald. URL: www.mnvnauka.ru/2017/05/Gabdrakhmanova.pdf
4. *Glazyev S. Yu.* Official site. URL: <https://glazyev.ru/>.
5. Innovations in Russia are an inexhaustible source of growth. URL: file:///C:/Users/Asus/Downloads/Innovations-in-Russia_web_lq-1.pdf (reference date: 22.05.2019).
6. Information economy: development, management, models: a collective monograph / Edited by Apatova N.V. Simferopol, 2017.
7. *Nalyvaychenko E.V., Kaminskaya A.O.* The impact of scientific and technological progress on the transformation processes in the Russian economy // Druker Bulletin. 2019. № 1. Pp. 46-57.
8. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020 // Government of Russia. URL: <http://government.ru/info/6217/>
9. Ministry of Economic Development of the Russian Federation URL: <http://economy.gov.ru/minec/main>
10. Science and Innovations / Science, Innovations and the Information Society / Official Statistics // Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
11. *North D.* Institutions, institutional changes and the functioning of the economy M.: Beginning, 1997. 190 p.
12. *Ovchinnikova E. A.* Problems of financing innovative projects in the Russian Federation // Young scientist. 2018. №48. Pp. 409-413.
13. *Ratay T.V.* Allocations for civil science from the federal budget for the main managers of budgetary funds: 2019 / I.I. Tarasenko. URL: <http://issek.hse.ru/>
14. *Spitsyn A.* Landmarks of economic growth // Economist. 2004. № 10. Pp. 35 - 41.
15. Strategy of scientific and technical progress in the Russian Federation for a long-term period URL: <http://sntr-rf.ru/materials/strategiya-nauchnotekhnologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-na-dolgosrochnyy-period/>
16. *Tupchienko V.A.* Scientific and technical progress and its impact on economic growth // Economic Development Strategy. 2013. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnotekhnicheskii-progress-i-ego-vliyanie-na-ekonomicheskii-rost>
17. *Fukuyama F.* Trust: social virtues and the path to prosperity: Trans. from English / F. Fukuyama. - M.: LLC Publishing house AST "ZAO NPP Ermak, 2004. 730 p.
18. *Cooter R.D.* The strategic constitution / R.D. Cooter. Princeton: Princeton University Press, 2000. Pp. 243-379

INNOVATIVE PARADIGM OF THE PHENOMENON OF THE MARKET ECONOMY

*V. A. SIDOROV, Doctor of Economics,
Professor, Head of the Department of Theoretical
Economics, Kuban State University
e-mail: sidksu@mail.ru*

*Ya. S. YADGAROV, Doctor of Economics,
Professor, Head of Section «History of Economic
Thought» of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
e-mail: yakovyadgarov@mail.ru*

Abstract

The review article analyzed the theoretical and methodological content of the phenomenon of market economy, carried out on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference «The phenomenon of market economy: from the origins to the present». The prospects for the formation of the innovation

system of Russia, its transition to digitalization of business processes, cross-country risks, current problems in the economy, the original vision of ways to solve them are indicated.

Keywords: *market economy, innovations, imperatives, risk, sanctions, institutional factor, behavioral phenomenon.*

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

в журнале «Экономика: теория и практика»

Уважаемые авторы!

В журнале публикуются научные статьи по актуальным проблемам мировой и российской экономики, экономической теории, финансов, менеджмента, маркетинга, логистики и предпринимательства. К изданию принимаются только ранее неопубликованные статьи на русском языке, не представленные к рассмотрению в другие журналы.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приема статей:

- в №1 – до 15 февраля;
- в №2 – до 15 мая;
- в №3 – до 15 сентября;
- в №4 – до 15 ноября.

Сроки приема статей могут быть сокращены редакцией при досрочном достижении предельного объема номера журнала.

В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Статьи, публикуемые в журнале «Экономика: теория и практика», проходят обязательное рецензирование (подробнее в «Положении о рецензировании»), тестируются на оригинальность текста программой «Антиплагиат». Рекомендуемый уровень – не менее 90%.

Максимальный объем статьи – 40 тыс. знаков, включая пробелы (1 п.л.), минимальный – 0,5 п.л. (10 стр. А4).

Статьи публикуются только при положительной рецензии. Публикации платные. Плата за издательско-редакционные услуги – 500 руб. за страницу формата А4, оформленную по требованиям редакции. Оплата производится через Сбербанк РФ по договору, высылаемому автору при включении статьи в очередной номер.

Плата за публикацию не взимается с:

- аспирантов очной формы обучения (бюджет) при предоставлении оригинала справки из отдела аспирантуры вуза;
- авторов, имеющих индекс Хирша (без самоцитирований) по публикациям РИНЦ не менее 20;

– членов редакционного совета, редакционной коллегии и редакции журнала «Экономика: теория и практика».

Представленные статьи должны включать: индекс УДК, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, основной текст публикуемого материала, список литературы (*прил. 1*).

Сведения об авторах должны содержать следующие элементы (*прил. 2*).

Аннотацию помещают перед текстом рукописи после заглавия и сведений об авторе(ах). Объем аннотации не более 500 печатных знаков, включая пробелы. Ключевые слова (5-7) помещают отдельной строкой после аннотации перед текстом статьи. Ключевые слова приводятся в именительном падеже.

Библиографический список (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи и должен соответствовать ГОСТ Р 7.0.5–2008 (*прил. 3*). Ссылки на источники оформляются по тексту в квадратных скобках. Постраничные ссылки на источники не допускаются.

Название статьи, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова и список литературы на английском языке представляются в конце статьи.

Статьи должны быть подготовлены в текстовом редакторе Word в формате А4. Параметры страниц: все поля – 2,0 см; ориентация – книжная; шрифт – Times New Roman, выравнивание – по ширине; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1, 2 см. Автоматический перенос, зона переноса – 1 см., максимальное число переносов подряд – 3. Рисунки, таблицы и формулы набираются в редакторе Word. Рисунки и графики группируются, представляются только в черно-белом варианте.

Статьи направлять в электронном виде: *Фамилия автора_статья.doc* и *Фамилия автора_анкета.doc* по адресу e-mail: econ_tp@mail.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований редакцией не рассматриваются.

Редакция

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 336.717

**МИРОВАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА КАК ИСТОЧНИК
СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Э.Н. Терещенко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет.

e-mail: yourn@yourmail.ru

А.А. Иванова, аспирант кафедры «Финансы и Кредит», Кубанский государственный университет

e-mail: yourn@yourmail.ru

Аннотация

В статье выявляются проблемы действующей валютной системы, обосновывается необходимость ее реформирования. Рассматриваются варианты новой мировой валюты, основанные на различных принципах. Показывается, что ни СДР, ни национальные, ни коллективные валюты не способны выполнять роль мировой резервной валюты. Авторы приходят к выводу, что настоящий кризис является затяжным и будет преодолен только переходом мировой экономики к новой валютной системе.

Ключевые слова: *мировая валютная система, трансформация, финансовый кризис, резервная валюта, национальная валюта*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Библиографический список

1. *Ильшева Н.Н., Ильменская А.В.* Применение консолидированной отчетности по РПБУ для оценки результатов деятельности банковской (консолидированной) // *Международный бухгалтерский учет.* 2009. № 2. С. 37–41.
2. Письмо Банка России от 07.05.2008 № 15-1-3-16 / 2271 «Об оценке кредитных рисков в банковской группе» на запрос Ассоциации российских банков от 20.03.2008 № А-02/5-166.
3. *Прудникова А.А.* Инвестиции в условиях открытой экономики // *Проблемы прогнозирования.* 2007. № 3. С. 140–146.
4. *Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ / под ред. Дэвида Г. Тарра.* М.: Весь Мир, 2006.
5. Указание Банка России от 16.01.2004 № 1376-У «О перечне, формах и порядке составления и представления форм отчетности кредитных организаций в Центральный Банк Российской Федерации», зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2004 № 5488.

WORLD CURRENCY SYSTEM AS A SOURCE OF THE MODERN ECONOMIC CRISIS

E.N. Tereshchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of chair of World economy, Kuban State University

e-mail: yourn@yourmail.ru

A.A. Ivanova, graduate student of chair «the Finance and the credit», Kuban State Agrarian University

e-mail: yourn@yourmail.ru

Abstract

The article identifies the problems of action-ing of the monetary system, justifies the need for reform. Are examined options for a new world currency based on different principles. Being shown that neither the SDR nor national, nor the collective currency is not able to perform the role of world reserve currency. The authors conclude that the present crisis is-etsya lengthy and will be overcome only move the world economy to a new monetary system.

Keywords: *world monetary system, transformation, financial crisis, reserve currency, national currency*

References

1. *Ilysheva N.N., Ilmenskaya A.V.* Using the consolidated financial statements prepared in accordance with Russian Accounting Standards for the value of the financial results of the Bank (consolidated) Groups. // *International Accounting*. 2009. № 2, pp 37 – 41.
2. Letter of the Central Bank of Russia № 15-1-3-16 / 2271 dated 07.05.2008 «On the value of credit risks in the Bank (consolidated) Group», for the request of Russian Banks Association № A-02/5-166 dated 20.03.2008.
3. *Prudnikova A.A.* Investing in an open economy: Problems of Forecasting. 2007. № 3, pp 140 – 146.
4. Trade policy and the importance of accession to the WTO for the development of Russia and CIS countries, ed. David G. Tarr. M.: All World, 2006.
5. Direction of the Central Bank of Russia №. 1376-U dated 16.01.2004 «On the List, Forms and Procedure of Drawing up and Submission of the Forms of Reports of Credit Organizations to the Central Bank of the Russian Federation», registered in Ministry of Justice of the Russian Federation 23.01.2004 № 5488.

Приложение 2

В редакцию журнала
«Экономика: теория и практика»
от автора(ов)
Фамилия, Имя, Отчество

Направляю(ем) статью «**Управление инвестиционными финансовыми потоками холдинга**» для публикации в журнале «Экономика: теория и практика».

Статья ранее не публиковалась. В другие журналы на рассмотрение не представлена.

С публикационной этикой журнала ознакомлен(ы). С условиями публикации согласен(ны).

Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю(ем).

На гонорар не претендую(ем).

В случае публикации статьи авторские экземпляры журнала прошу(сим) выдать в редакции журнала (выслать по адресу: индекс, город, улица, дом, квартира).

Дата **Ф.И.О. автора(ов)**

АНКЕТА АВТОРОВ

1. Фамилия Имя Отчество;
2. Место работы (учебы) (для аспирантов форма обучения, для магистрантов – программа и курс);
3. Должность;
4. Ученая степень;
5. Ученое звание;
6. Почтовый адрес (с индексом);
7. Тел. дом.
8. Тел. моб.
9. e-mail

Дата *Подпись*

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК
в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка.
Общие требования и правила составления»

Статья в журнале

Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология// Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 7-26.

Книга, монография

Мотовилов А.Н., Погодина Р.Ф. Инвестиционный потенциал региона. СПб: Питер, 2015. 180 с.

Диссертация

Кудрявцев Ю.Н. Совершенствование механизма стимулирования инвестиционной активности промышленных предприятий: Дис. ... д-ра экон. наук. М. ВШЭ, 2011. 345 с.

Автореферат диссертации

Андреев С.В. Совершенствование налогового стимулирования малого инновационного предпринимательства: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ВШЭ, 2012. 40 с.

Тезисы доклада

Владимирова А.П. Факторы, влияющие на экономическую безопасность региона// Тезисы докладов V международной научно-практической конференции. М. МГУ. Экономический факультет. 2010. С. 253-259.

Переводное издание

Кэмпбелл В.Ф. Инвестиционная стратегия корпорации в условиях глобализации. [Пер. с англ.] М.: Экономика, 2014. 282 с.

Раздел книги

Нечаев А.Б. Методика оценки инвестиционной привлекательности предприятий// Инвестиционная привлекательность предприятия. М.: Экономика, 2011. С. 12-34

Раздел отдельного тома многотомного издания

Иванов С.В. Управление маркетинговыми инновациями// Управление инновациями. М.: Прогресс, 2012. Т. 2. С. 120- 163.

Издание, не имеющее индивидуального автора

Малое предпринимательство в России. М.: Росстат, 2012. 120 с.

Электронные ресурсы

Реестр региональных организаций, образующих имущественную инфраструктуру поддержки МСП. URL: <http://corpmsp.ru/infrastruktura-podderzhki/imushchestvennaya-infrastruktura> (дата обращения: 15.05.2011).